

М. И. Смирнов

ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАПИСКИ

Москва 2003

ББК 63.3(2р.2п)6-7
С 50

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

В основе переиздания — книга, вышедшая, наверное,
в издательстве «Плещеево озеро» в 1996 году.

Смирнов М. И.
С 50 Воспоминания и записки. — М.: MelanarЁ, 2003. —
76 с.

Тетради воспоминаний М. И. Смирнова, переславского историка и краеведа, рассказывают о его жизни: обучении в Вифанской семинарии, службе в Киеве и Нижнем Новгороде; о создании в Переславле-Залесском историко-художественного музея и трудностях краеведческой науки, возникавших от неустроенности вертикали власти и передела ответственности в послереволюционный период.

ББК 63.3(2р.2п)6-7

© Михаил Иванович Смирнов, 1924.
© MelanarЁ, 2003.

От издательства

Году эдак в 1996 странное издательство «Плещеево озеро», о котором рассказывают много изобретательных правд, выпустило в свет брошюрку с текстом двух тетрадей воспоминаний М. И. Смирнова (1923 и 1924 года).

Б-же мой! Как же можно было выпустить такое издание?! Набор читается далеко не везде, текст усеян опечатками и создаёт ощущение, будто его не сверили с оригиналом; есть и просто грубые фактические ошибки. Грамматика и пунктуация не проходили корректуру. Не была даже указана выходная информация — поэтому мы можем лишь предполагать, что брошюрка вышла в «Плещеевом озере».

Поэтому мы подвергли текст редактированию. Кроме того, в нашу публикацию добавлен индексный указатель. Наконец, слова в [квадратных скобках] поставлены нами для прояснения текста, а знаки [?] говорят о непочтённом в наших источниках тексте.

Сегодня маленькая оранжевая книжица уже недоступна. Найти её в библиотеках непросто, а жадные барышники у Горицкого монастыря просят за неё втридорога, наживаясь на честных тружениках, урывая у них заработанную копейку. Ждать, пока в библиотеке Горицкого откроется читальный зал, можно до самой смерти. Так что же нам оставалось делать?

Название «Воспоминания и записки» указывает В. И. Панфилов в своём предисловии, так что мы взяли его не абы как. В самой брошюре есть только первые две главы. Это конфликтует с панфиловскими словами про «последующие две тетради», поэтому мы склонны думать, что опубликовано было не всё, что предполагалось. К подобному выводу толкает и номер «1», стоящий в названии главки «Музей». Видимо, в брошюру вошли только первая и часть второй тетради.

Таким образом, Переславский историко-художественный музей не только не потрудился найти редактора для этих заметок, но даже не сумел издать их целиком. Мы убеждены, что его работникам очень, очень стыдно, и предпринимаем посильные меры к исправлению их ошибок.

В архиве Национального парка «Плещеево озеро» нами обнаружена ксерокопия с машинописи, попавшая туда в годы сотрудничества В. И. Панфилова с Парком. Это тетради за 1925 и 1926 года. Мы не можем верифицировать этот текст. Судя по машинописи, она снималась с рукописи человеком, который не особенно знаком с контекстом переславского краеведения и не очень хорошо разбирает рукописный текст.

Предисловие

Михаил Иванович Смирнов (1868—1949 гг.) — крупнейший советский историк-краевед и музейный деятель.

Родился он 28 сентября 1868 года в селе Большая Брембола Переславского уезда Владимирской губернии. После окончания в 1889 году Вифанской семинарии (г. Сергиев Посад) учительствовал, позднее служил по ведомству Министерства финансов. В 1914 году окончил Нижегородское отделение Московского археологического института с отличием.

Начало краеведческой деятельности М. И. Смирнова относится к 1885 году, когда он сделал первые записи по истории своего родного села — Большая Брембола. С 1917 по 1930 год жил в Переславле-Залесском. В 1918 году М. И. Смирнов организовал в Переславле-Залесском историко-художественный музей (открыт 28 мая 1919 г.) и одновременно Переславское научно-просветительское общество «Пезанпроб». Он явился руководителем как музея, так и научного общества с их основания до 1930 года. Музеем и обществом в этот период опубликованы многочисленные научные исследования в выпусках «Трудов» музея и докладов «Пезанпроба». В 1925 г. в постановлении Центрального бюро краеведения сообщалось, что «Пезанпроб» стоит в первых рядах уездных краеведных учреждений СССР, и при этом отмечена выдающаяся деятельность председателя общества М. И. Смирнова. Он является автором большого ряда как опубликованных, так и не опубликованных (хранящихся в Государственном Историческом музее в Москве и Государственном архиве Ярославской области) научных трудов и популярных работ, в том числе по истории, археологии, этнографии, фольклору, памятникам архитектуры и искусства, топонимике, географии, революционному прошлому Переславского края.

В 1927 г. специальной комиссией Наркомпроса М. И. Смирнов был премирован за научные труды по краеведению.

В 1928 г. вышел в свет первый в истории города путеводитель и справочник по Переславлю-Залесскому с иллюстрациями и планом города. Его автор — М. И. Смирнов. По его инициативе начались широкие работы по выявлению и изучению памятников археологии, улучшались и совершенствовались экспозиции музея. Систематически велась кропотливая собирательская работа, позволившая пополнить фонды различными экспонатами и коллекциями.

К началу 1930 года под экспозициями было занято 14 залов. 1929—1930 годы были лихолетьем для русского краеведения. Были закрыты все научно-просветительские краеведческие общества Центральной России. Немало членов их познали жестокие условия сибирской каторги. Пострадал и Смирнов. В январе 1930 года он был арестован и отбывал ссылку в печально известном Туруханском крае. Через три года М. И. Смирнов вновь на свободе и вновь занимается краеведением и музееведением, но уже Сергиево-посадской земли. С 1934 года по 1937 он работает заместителем директора по научной части Загорского историко-архитектурного музея-заповедника.

В 1940 г. М. И. Смирнов уходит на пенсию, но не оставляет творческую работу, изучает прошлое Коломны, Сергиева Посада и, конечно же, Переславля-Залесского. Последние годы жизни историк провёл в Черкизовском инвалидном доме Коломенского района Московской области.

Умер М. И. Смирнов 2 ноября 1949 г.

М. И. Смирнов на протяжении всей своей жизни вёл дневники, полно рассказывающие о его беззаветной преданности любимому делу — краеведению. Предлагаемые читателю

«Воспоминания и записки» охватывают большой период жизни (около 50-ти лет) маститого учёного.

Первая тетрадь воспоминаний названа «Как я стал краеведом». В конце её сам же автор отвечает на поставленный в заголовке вопрос: «Сделала меня краеведом любовь к моей Родине, а затем семейная обстановка моего воспитания и обучения, и, наконец, целый ряд фактов моей жизни». Последующие две тетради воспоминаний названы «На службе родному краю». «Самой настоящей службой родному Переславль-Залесскому краю я считаю научно-просветительскую работу в должности заведующего местным музеем и веду её начало со 2 июля 1918 г. С этого именно момента начинается окончательно определившаяся моя деятельность, по отношению к которой вся остальная моя жизнь была только подготовительным периодом», — пишет Михаил Иванович.

Воспоминания написаны на исключительно чистом, истинно русском языке, отдельное слово которого помогает понять смысловую суть каждой фразы, каждого предложения. Они являются настоящей хроникой научно-просветительской и культурной жизни Переславского края 20-х годов.

*Заместитель директора Переславского музея по научной работе
В. И. Панфилов*

Глава 1

Как я стал краеведом

...И в жизни так пора приходит: разум строгий
 Велит уж подводить под прожитым итоги,
 И память повела его как чародей,
 В волшебный лабиринт, средь тёмных галерей,
 И ряд картин во мраке озаряет...
 На всё, что предо мной она разоблачает,
 Уже взираю я с спокойною душой.
 Уж всё так далеко, всё кажется мечтой.

А. Н. Майков, «Сны»

Этот вопрос мне не раз задавали друзья и просили написать ответ. Чтобы этот ответ был исчерпывающий и удовлетворительно объясняющий сущность моего культурного «Я», мне, очевидно, надо припомнить своё прошлое, обстановку своего детства, юности и так далее; одним словом, в значительной степени коснуться своей биографии.

Не знаю, хватит ли у меня терпенья и времени. Да и так ли это важно тратить на это силы?

Но попробую...

Мою родословную можно найти в статьях «Село Большая Брембола» и «Больше-Брембольский дьякон Михал Михайлов». К сонму предков, перечисленных там, нужно присоединить ещё одного — Матвея Семёнова. На отказной 1694 г. Якова Макарова Панова Никитскому монастырю есть такая подпись:

К сим отказным книгам села Брембол Больших церковный дьячок Матюшка Семёнов вместо понятых того же села Брембол Больших старосты Калины Александрова с товарищи, как в сих отказных книгах имяны писаны, по их велению руку приложил...

Итак, в течение по крайней мере двухсот лет мои предки были грамотные книжные люди, что уже само по себе было благородной предпосылкой для моей судьбы. Несомненно, что и мне предстояло быть грамотным, в то время как большинство моих сверстников из крестьян с. Большой Бремболы должны были остаться неграмотными в силу противоположной семейной их традиции.

Я начал учиться дома, когда мне было лет шесть. Учила читать и писать меня мать по новому способу: «бе, ве, ге...», но не «аз, буки, веди...», как учила бабушка Татьяна Товарова, мать нашего дьячка. Очень хорошо помню самую азбуку с большими синими буквами алфавита, достаточно потрёпанную. Мой брат Сергей, который был моложе меня на два года, тоже старался пользоваться той же азбукой. И мне представляется картина, как мы оба, растянувшись на полу в горнице, так называлась чистая половина в нашем доме, по этой азбуке читаем вслух. Помню потом, что я лет восьми гостил на родине отца в с. Копнине и там ходил в земскую школу, но недолго. Затем следующей зимой уже довольно долго подготовлялся у своего дяди Михаила Васильевича Загорского, учителя греческого языка в Переславском духовном училище. Осенью 1878 г. я поступил в это училище.

С тех пор моё домашнее обучение прекратилось. Мать, научив меня элементарной грамоте, отошла в сторону своих хозяйственных забот, так как весь дом с его сельскохозяйственными делами лежал исключительно на ней. Отец боялся физического труда и ни по дому, ни по хозяйству никогда ничего не делал. Но он очень любил книги, постоянно возился с ними, предпочитал преимущественно религиозные или исторические, много покупал их. Ими завалено у него было несколько столов, немало книг было раскрытых, всё это валялось в хаотическом беспорядке, но убирать и складывать их в стопки никому не позволялось. Он много занимался церковной летописью, в которой старался изложить историю села. Я помню разговоры его, особенно с дядей, Михаилом Васильевичем Загорским.

Возможно, что семена и зародыши интереса к своей родине и её окрестностям мною были незаметно впитаны в то время. Замечательно, что следующие мои два брата — Сергей и Василий — вышли также с склонностью к исторической науке. Но отец, как мне помнится, мало нас учил. Обыкновенно он уединённо проводил своё время за книгами. Но если появлялся у нас какой-либо гость или «странник», отец обильно угощал его водкой и вёл бесконечные разговоры. Полагаю, что эти разговоры имели и для нас, малышей, большое значение. Отец не любил своей службы, тяготился ей и никому из нас не советовал следовать его карьере. Во время разговоров мы узнавали множество рассказов о бурсацком житье-бытье, разных профессорах, архиереях, монастырях и так далее.

Но это были исключительные явления нашей жизни. Обычно же мы, дети, проводили время с матерью, которую безумно любили и жалели, и с няней Авдотьей Петровной, которая служила в нашей семье лет сорок и была для нас родным, своим человеком. Она вынянчила нашу мать и нас. Пока отец занимался своими книгами в горнице, мы зимние вечера проводили в зимовке — низкой избушке, выстроенной во дворе. Там кругом светца с попыхивающей лучиной собирались мы коротать вечера, большие за работой — пряли, починали сбрую и прочее, а мы слушали рассказы домашних или пришедших в посиделки соседей. Здесь пели песни, загадывали загадки, рассказывали деревенские повести, сказки и другое. Няня знала много рассказов про разбойников, о разных помещиках, их жестокостях и так далее.

Вот каково было первоначальное влияние семьи, а окружающая за пределами её была крестьянская среда. Со своими сверстниками мы играли в бабки, чехарду, катались с гор, отводили лошадей в ночное и так далее.

Счастливое детство скрашивалось красотой окружающей природы. Из окон нашего дома прекрасно было видно синеву Плещеева озера, монастыри и церкви Переславля-Залесского. Но помимо этого сама Большая Брембола с её холмами, оврагами, речкой отличается живописностью положения.

У нас был старый фруктовый сад, за ним через овраг — «загородка», а за большой Юрьевской дорогой — пруд. Всё это излюбленные места игр и наших гуляний, полные традиционных воспоминаний. Всё это с ранних лет было моё милое и дорогое, исконное и родовое. Хотя в духовенстве очень принято переходить с места на место в погоне за доходными приходами, в Бремболе этого не было. Здесь служили всю жизнь и умирали здесь же. Эта родовая традиция с пелёнок привязала меня к моей родине и внушила мне, что лучше для меня нет места в мире.

Обучение в духовном училище не имело отношения к окружавшему нас миру. Это была классическая школа с сильной дозой схоластики. Помещалась она в Даниловом монастыре в старинном каменном здании. Смотрителем училища был известный протоиерей А. И. Свирелин, богослов и археолог, писатель и составитель учебников; как человек — крайне тяжёлый и несимпатичный. Его помощником был Михаил Павлович Цветков, недалёкий семинарист, которым Свирелин помыкал как пешкой. Но человек он был добрый, любивший выпить.

Интерната при училище ещё не было, и ученики жили по квартирам. Для меня наняли её в доме вдовой дьячихи Дарьи Алексеевны Орловой. Это была лучшая квартира среди других ученических. Дом этот жив до сего времени, но врос в землю до самых окон. Это № 110 по Советской ул. Стены были оклеены приличными обоями, было зеркало и какие-то картинки по стенам, приличные столы и стулья. Спали мы на полу, для чего у каждого был свой войлок, подушка и одеяло. Обед и ужин из наших продуктов готовила хозяйка. Нас квартировало в двух половинах её дома человек 15 учеников. Платили мы что-то

вроде рубля в месяц деньгами с каждого. Стол был хороший и здоровый. Для занятий по подготовке уроков к будущему дню существовало установленное время — с 5 до 8 часов, в течение которого нельзя было уходить на улицу. Делались проверки М. П. Цветковым и самим А. И. Свирелиным.

Меня навещали каждую субботу. Обычно на базар приезжала мать и привозила мне сладких лепёшек или другой снеди, давала несколько копеек на лакомства, смотрела за моим костюмом, бельём и прочим. Но месяца через два после поступления в училище заявился ко мне отец, и не на квартиру, а в училище во время уроков. Хотя не было холодно (это был октябрь 1878 г.), но он был в шапке, что меня очень удивило. Оказывается, он пришёл поделиться своим горем — накануне подожгли наш дом, и он с мамой еле успел выскочить, в чём попало. Это было делом преступной семьи крестьян Терентьевых, обличённых перед этим в неоднократном воровстве по селу и у нас, то из погреба, то из амбара. Три брата и их мать, жившие одним почти воровством, сосланы были потом на поселение.

Благосостоянию нашего дома пожаром был нанесён непоправимый урон. Почти ничего не удалось спасти, сгорела часть скота. Наша няня, выпуская его, обожгла себе ноги и долго потом хворала. Зимой мои родители прожили у церковного старосты, а к весне выстроили дом из бывшего барского дома, купленного миром у помещика Табаровского.

Зимой я заболел воспалением лёгкого и тем ещё более увеличил тяжесть жизни нашей семьи. В то же время умерла бабушка, Авдотья Ивановна Загорская, мать моей матери. И то и другое было около святков того же года. На следующий приезд домой — на масленицу — в ту же крестьянскую избу я причинил своему брату Сергею большую неприятность. Играли мы с сельскими ребятами в клюшки, причём, увлечшись игрой, я нечаянно расшиб брату губу. Чтобы скрыть следы преступления, оба мы сели в уголок за занавеску постели, чем вызвали большое удивление родителей, и наша беда была открыта. У брата так и остался шрам на всю жизнь. Это уже было второе приключение с ним за эту зиму. Его брал к себе гостить вдовый дядя, Евгений Васильевич Загорский, священник с. Давыдова Переславского уезда. Как большинство священников-вдовцов, он был большой поклонник рюмки. Жил он довольно хорошо, любил держать бойких лошадей и часто ездил по соседям. В одну из поездок в сторону с. Смоленского он взял с собой брата. Возвращаясь из гостей, дядя ударил лошадь, та понесла и выбросила седоков из саней в снег. Дядя был настолько пьян, что не мог встать и моего братишку, застывавшего от холода, кутал в шубу на груди. Прошло немало времени, как их заметил кто-то из проезжавших, взял с собой и привёз в Давыдово. Постучал он в дом священника, сдал замёрзших и, не сказав своего имени, быстро скрылся...

Зимой же, помнится мне, родители получили из Москвы посылку. Прочитав в какой-то газете корреспонденцию о нашем пожаре, добрые люди, кажется, из Николаевского женского института, собрали белья и поношенных вещей и прислали нам. Принято это было с большой благодарностью, потому что действительно нужда была вопиющая.

Между тем в училище шло моё ученье. Подготовлен я был хорошо, и в приготовительном классе учиться мне было легко. Без труда перешёл я в 1-й класс, в котором началось обучение латинскому языку. Очень ясно помню, как я встретился с неожиданным затруднением — мне не давался секрет чтения по латыни, и как потом неожиданно же при помощи какого-то озарения дело наладилось.

В общем учился я недурно и в других классах, но так как был не в чести у учителя латинского языка — Алексей Александрович Дилигенский, теперь ветхий старик, протоиерей собора (умер в 1925 г.), — то в этом предмете я хромал больше, чем во всяком другом. Но полученная единица по латыни была замечена моим дядей, учителем греческого языка, который стал меня с тех пор репетировать, и «болезнь» прошла.

Не помню, была ли школьная библиотека для учеников училища, но сам я на кровные деньги покупал дешёвенькие книжонки и накопил их десятка два, может быть, больше. Тут были «Ерусланы Лазаревичи», «Битва русских с кабардинцами», сказки и прочие. Когда мне эти книжки надоели, я променял их у того же книгопродавца Ивана Васильевича Быкова на одну толстую книжку — «Робинзон Крузо».

Среди своих товарищей я носил два прозвища (они были обязательно у каждого): турка и дукс. Первое мне было дано потому, что не любил снимать шапку и креститься, когда ходил в школу мимо святых ворот Данилова монастыря, а второе — из-за того, что я любил

идти впереди других квартирных учеников в училище, обычно отправлявшихся гурьбой целой квартирой, и, таким образом, как бы был вождём.

Отношения с товарищами были хорошие, но случались инциденты и обратного характера. Соседняя с нашей была квартира Попковых или Бобковых в большом двухэтажном доме. Во дворе у них была цепная собака, к которой меня толкнули товарищи, и она мне сильно прокусила ногу. Чтобы поправить дело, виновники настригли с собаки шерсти, нажгли её и приложили к ране. Несмотря на такое лечение, рана зажила.

Играли мы в бабки, городки, воевали с учениками городского училища. Предоставленные в моральном воспитании самим себе, или, хуже того, невежественным хозяевам, мы рано узнали то, что не следовало знать до времени. Особенно циничны были наши хождения в баню. При нашей квартире была своя баня, куда мы ходили гурьбой человек по десять сразу, большие и малые. Большие занимались просвещением малых и делали всякие гадости, которые для некоторых были роковыми.

Орлова, выдав свою дочь замуж, продала дом и мне пришлось перейти на другую квартиру, к Катерине Фёдоровне Прохоровой. Новая хозяйка была типичная мещанка, крутая по нраву, но умная и рассудительная. У неё был больной муж, которого она не ставила ни в грош, но нам повторять по его адресу расточаемые ею эпитеты не позволялось. Её дочь была замужем за богатым купцом Свешниковым, а её брат Иван Фёдорович Сергеев был довольно состоятельный человек, наживший в Москве на содержании водогрейки деньжонки.

Приехав раз к ней из Москвы, он предложил нам за пятак почистить ему сапоги. Моя гордость возмутилась, и я пристыдил и других своих товарищей не унижаться. Они потом жалели, что не заработали пятак. Хозяйка же сильно обиделась на меня. И когда мы потом по географии учили разные названия, ей непонятные, я при её входе повторял несколько раз остров Бурбон и другие, то она приняла это за брата и проявила все признаки раздражения. Этого было достаточно, чтобы потом хором выкрикивались нами латинские или греческие слова и фразы, которые принимались нашей хозяйкой за неприличные и вызвали с её стороны целую бурю. В общем же мы жили недурно и взаимно ценили одна сторона другую.

Проживая на этой квартире, я и окончил в 1883 г. училище. Из наук слабее всего я был в арифметике, средне знал языки, с ошибками писал по-русски, лучше всего знал географию, которая нравилась мне больше других наук. Для своих четырнадцати лет, в общем, я знал немного, но сравнительно с другими товарищами развит был лучше. В этом отношении большое влияние оказывал на меня мой дядя Михаил Васильевич Загорский, овдовевший на первых годах моего обучения. Он наблюдал над исправностью моих знаний, задаваемых уроков и, кроме того, давал читать разные книги. Системы, правда, в этом не было, но было хорошо и то, что давалась в руки та или иная книга, которая заставляла думать и наполняла моё время иными интересами, чем у моих сверстников. Не думаю, чтобы среди книг были касающиеся нашего края. Разве прочитано было описание какого-либо переславского монастыря или о его основателе. Другой литературы о крае и не было у меня в руках.

Так как по окончании духовного училища следовало поступать в семинарию, а ближайшей к Переславлю-Залесскому была Вифания, то вместо Владимирской нас человек десять поехали держать экзамен в Вифанию. В вакацию мне под руки попало несколько томов журнала «Луч» и «Нива» с приложениями, над которыми я и умирал, можно сказать, всё время.

Положил свои учебники в сторону и читал до одурения разные романы и повести. Несмотря на это, вступительные экзамены я выдержал настолько удовлетворительно, что при конкурсе в 115 человек я поступил 9-м. Во время экзаменов на квартире мы жили в с. Глинкове у старичка дьячка, ещё моего дальнего родственника. Здесь я первый раз в жизни познакомился с водкой. Один из наших однокурсников принёс из сельского кабака сороковку водки. Я, помню, пришёл от этого в настоящий ужас. Но, убеждённый товарищами, выпил полрюмки водки с большим отвращением; другие немного подпили и, как водится, пошумели.

Что представляла собой Вифания — монастырь и семинария, я не описываю. Об этом есть литература. Отмечу только, что я застал её в том виде, как она была до позднейших

переделок. В глубине двора, на берегу пруда, каменное здание в виде буквы «П» с четырьмя башнями, двухэтажное; по лицу от дороги одноэтажная столовая, двухэтажное здание с квартирой ректора, инспектора, залом и другими, потом больница и два дома для преподавателей.

Как одного из лучших учеников меня поместили в юго-западной башне. Это была и спальня, и комната для занятий. Грязь была страшная, особенно в других проходных комнатах. Кормили плохо, и я к концу года нажил катар желудка, страдая постоянно тошнотой, болью под ложечкой.

Учили крепко и недурно. К той премудрости, которую постиг в училище, присоединились уроки новых предметов: древняя история, теория словесности, алгебры и немецкого языка, не говоря уже о предметах специальных. Алгебра давалась мне плохо, а остальные предметы, особенно история, усваивались мною легко, и занимался ими охотно. Была большая библиотека ученическая. Читал запоем. Библиотекарем был странный субъект — полусумасшедший холостяк, ходивший застёгнутым на все пуговицы, — Иван Арсентьевич Лебедев. Заметив мою любовь к чтению, он стал руководить мною и оказал мне большую услугу в этом деле.

Из происшествий этого года помню, как в богословский праздник (26 сентября) богословы напились и устроили дебош, что на семинарском языке называлось «бунтом». В этой, как и в других историях, отличался надзиратель Алёшка Афонский, сыщик и прохвост по натуре, человек не лишённый остроумия. Помню, на одном из сочинений кого-то из семинаристов, нанявших его исправить работу, он, зачеркнув сочинение крест накрест, надписал: «Под сим крестом погребён смысл человеческий...»

В общем, жизнь этого года напоминала бурсацкие времена, или, вернее, бурсацкую обстановку по её грязи и суровости. Помню характерные названия некоторых комнат семинаристов — «Сиракузами» называлась комната близ уборной, «Лапландией» — обращённая на север и закрытая густыми липами и прочим.

Но были и новые веяния. Многие из москвичей знали модные танцы и очень часто вечерами мы танцевали, причём роль дам исполняли большей частью «эферы», как называли мальчишек с хорошенькими рожицами. За ними ухаживали...

Каникулы, отделявшие первый год обучений от второго, были очень продолжительны, так как происходил в течение лета основательный ремонт и переустройство семинарских зданий. Мы начали учиться с октября. Осень была сухая, тёплая. Перемены, происшедшие с семинарией, были большие. Не только вычищена была старая бурсацкая грязь, но увеличено было самое здание надстройкой над столовой. Старый платоновский корпус обращён был в спальни, а для занятий классных и вечерних отведены были помещения в новом большом корпусе. Улучшено питание и сделано обязательным для всех полное содержание, то есть не только стол и квартира, но и одежда. Плата положена была 112 рублей (вместо 42 рублей) в год, что родителям сначала казалось обременительным, но в сущности это было недорого. Давали хорошее бельё, недурную обувь и прочее.

В этой обстановке прошли последние мои пять лет обучения в семинарии. Господствующей особенностью его было насаждение религиозности и благочестия путём самого бездушного формализма. Нас заставляли выстаивать по три и более часа службы в церкви, устраивали каждое утро и вечер молитвы, не внося в них ни искры чувства. Всё это было всем только официальное и служебное, а не сердечное и искреннее. Так относилась к этому та и другая стороны — воспитанники и наставники. Первые довольно нередко приходили к службе (особенно вечерней) выпивши, а вторые старались их изловить, и архимандрит-ректор, не смущаясь несколько, во время свершения службы призывал тех или иных воспитанников в алтарь, обнюхивал и отпускал обратно...

Изучение Библии, особенно Ветхого Завета, с его нелепостями и противоречиями, неудачные приёмы сглаживания их в quasi-учёных объяснениях Святого Писания ещё более подрывало веру наших сердец и вызывало к себе не только скепсис, а даже враждебное отношение. Общая масса семинаристов была поэтому индифферентная, маловерующая и кощунственная. Случилось, таким образом, как раз обратное тому, что хотели сделать. Мы, как окормленные до тошноты, потеряли истинное чувство вкуса к этому, которое росло крещендо по мере приближения к окончанию курса. И как хотелось вырваться из этой ямы, из этой душной тюремной среды. Об университете нечего было и думать. «Аттестат зрело-

сти» и категорические запрещения принимать семинаристов в университеты парализовало всякие наши порывы. Я думал было из 4-го класса перейти в какую-то военную семинарию, но, к счастью, этого не случилось.

А самое ученье, несмотря на массу никчёмных наук, прочно и верно делало своё дело. Одолевая без особого труда общеобразовательные и специальные науки, я в то же время много читал в области истории литературы, её классиков, истории гражданской всех времён, трактаты по психологии и так далее. В 4-м классе, обильном по программе интересными общеобразовательными науками — философией и другими, мы потихоньку на имя рассыльного выписывали современные журналы и газеты и таким образом держали связь с внебурсацким миром, к которому рвалась молодёжь, не изведавшая жизнь.

Таким образом, наука и развитие шли своим чередом и, несмотря на усилия семинарских властей и учителей, направление и характер нашего развития был обратно пропорционален их стремлениям. Но о чём следует вспомнить с признательностью, так это о письменных семинарских сочинениях. Много в них было схоластического, странного, но тем не менее они приучали нас к труду, к приобретению навыков знать литературу предмета, владеть, что называется, пером. Стиль и способ изложения не был тем смешанным (помесью церковных оборотов и речений), как это обычно приписывается семинаристам; не только учителя, но и монахи-начальники в этом направлении давали нам ценные указания, так что в конце концов мы умели мыслить и писать недурно.

Не помню уж, в каком классе я познакомился с славянофильской литературой. Вероятнее всего, это случилось после смерти И. С. Аксакова, погребённого в ограде Троице-Сергиевской лавры (1886 г.). Собрание его сочинений, его «День», «Русь», а также сочинение его брата Константина я читал. Читал также Данилевского, Леонтьева и немного Хомякова. И был тогда славянофил завзятый. Меня трогала любовь К. С. Аксакова к Москве и его лобзание её земли после разлуки...

Это укрепило и усилило мою любовь к родному краю, окутывало её несколько мистическим флёром. По примеру К. С. я тайно целовал свои брембольские бугры и ничего так не желал, как служить своей родине. Нужно сказать, что в то время я кое-что знал о Переславле. В библиотеке отца была книжка Плишкина (во 2-м издании), а у своих родственников в с. Насакине, в амбаре, я нашёл «Владимирские Губернские Ведомости» за 1848 г., где была перепечатана статья Савельева-Ростиславича о Переславле-Залесском.

В то же время в Переславле появился священник Павел Васильевич Ильинский, который много занимался местной стариной. Он был знаком с нашим домом и старался со своей стороны направить мою мысль на эту работу. Свои статьи он печатал в местных ведомостях и отдельными брошюрами.

Мне для руководства он дал «Записку для обозрения русских древностей» (СПб., 1851 г.), которую я переписал себе и старался по изложенному там плану собирать сведения о своей родине — с. Большой Бремболе. Находившийся в отцовской библиотеке «Владимирский Сборник» К. Н. Тихонравова навёл меня на мысль проверить сделанные там записи песен, особенно свадебных. Помогла мне в этом деле Евлампия Ивановна, сестра нашего дьячка, зрелая дева. Обладая прекрасной памятью, она диктовала мне песни, а я, сравнивая их с записями, напечатанными в «Сборнике», записывал в особую тетрадь. Впоследствии они были изданы в моей монографии «Село Большая Брембола».

Так, понемногу, ещё во время обучения в семинарии, накапливались основы моего краеведческого направления.

Между тем наступил последний год моего ученья — 6-й класс (1888—89 г.). Начался он и прошёл в обстановке исключительно ненормальной, дикой. Дело в том, что с самого начала учебного года нас кормили супами с червяками. На это обращалось внимание начальства, но червяки попадались каждый день. Выведенные из терпенья так в течение целого месяца, решили не идти на обед в праздник Московских святителей 5 октября. По живости характера я принимал участие в этом деле довольно активное, а именно, участвовал в сходках по этому вопросу и являлся с распоряжениями в другие классы. Эта мирная демонстрация раздута была в «бунт» и имела для многих из нас роковые последствия.

Ректором семинарии был в то время архимандрит Яков (в миру Иван Андреевич Пятницкий), человек чёрствой души, карьерист, метивший быть ректором академии. Так как

наш бунт портил ему дальнейшее повышение, то нам пришлось увидеть монаха наизнанку. Зрелище редкое, оставившее у меня впечатление на всю жизнь.

Вечером, в шёлковой блестящей рясе, с золотыми очками на носу и своей огненного цвета долгой бородицей, во всём величии явился он к нам в класс и в течение по крайней мере получаса изливал на нас свой демонский гнев и угрожал нам самым циничным образом своей мезтью. Последний его жест, когда он махнул рукой в рясе и сказал: «Так будете же меня помнить...», жив и теперь перед моими глазами.

И после этого посыпались на нас беды и гонения как из рога изобилия. На другой же день проходит провокационный слух, что исключают из нашего класса несколько человек, причём называли имена таких товарищей, которые не были виноваты ни сном ни духом. Пришлось нам решить самим, кто из нас более виноват, что мы определили баллотировкой и заставили пойти их к начальству с повинной. Им приказано было немедленно оставить семинарию до экзаменов. А оставшимся, в том числе и мне, было гораздо хуже их. За октябрь мне поставлено было поведение «двойка», высидел я два раза в карцере, лишён был отпусков к родным и в Посад для покупок, мне запрещено было кататься на коньках и так далее. Вечные придирки и подозрения ректора довели меня до того, что я мечтал зарезать его. Громадные ножи, которыми на кухне резали хлеб, привлекали меня и казались подходящими для этого. Но несчастья этого не случилось...

Не успев в течение учебного года понизить баллы по моим успехам, во время экзаменов он был неутомим в преследовании меня, подолгу спрашивал, понижал отметки, но напрасно. Средний вывод за весь семинарский курс у меня был 4,5, и, невзирая на это, хотел выпустить меня во втором разряде, но другие члены правления на это не согласились.

Когда мы пришли к нему прощаться перед отъездом, он оскорбил нас в последний раз: «Зачем вы пришли? У нас ничего не было общего...» — и далее пошли издевательства над многими из нас, и в заключение по адресу всех было сказано, что мы будем теперь околачивать пороги в передних и за свои отметки поведения мест долго не получим...

А мне он отомстил ещё раз, когда я поехал держать экзамен в Московскую духовную академию. Это было осенью того же года. Несмотря на большой конкурс (6 115 человек на 45 вакансий), я выдержал 21-м, но не был принят вследствие неблагоприятного отзыва. Когда я брал из канцелярии свои документы, я дал слово бежать из этого ведомства и отплатить монахам, когда будет возможность, полную монетой. Каждую рясу я возненавидел. Эта одежда для меня была символом мрака и злобы. Когда ночью мне снилось, что я ношу рясу, меня пробивал холодный пот... А при встрече и теперь её вид гадко жалит моё сердце...

Так воспитал меня отец Яков, бывший впоследствии епископом в Кишиневе. О нём упоминает в своих «Записках губернатора» князь С. Д. Урусов (издание Саблина, стр. 175—176), который говорит, что «епископ был заурядным чиновником духовного ведомства, не имевший, как мне казалось, свойств, необходимых пастырю душ и проповеднику евангельского учения». Наблюдение совершенно правильное, подтверждающее сказанное выше.

Изгнание из академии было для меня лично крупным поворотным пунктом, оставившим потом след на всю последующую жизнь. Получить высшее образование оказалось невозможным, и осталось волей-неволей необходимым начинать служить. Мне казалось, что настал момент служения моей родине, и я мечтал устроить в Большой Бремболе училище. Там существовала убогая школа грамоты, открытая по приказанию епархиальной власти и влачившая жалкое существование. Надо было выстроить специальное здание и, кроме того, добиться, чтобы земство включило эту школу в свою сеть. Но все мои шаги в этом направлении окончились ничем, а домашняя обстановка была такая, что гнала вон из дому. К этому времени отец от пьянства начал страдать *delirium tremens*, и мне не было житья от него. Поэтому я принял предложение священника с. Давыдовского Павла Николаевича Амадова, женатого на моей двоюродной сестре, поступить к нему учителем церковно-приходской школы на 100 рублей жалованья в год. Работал я с большим энтузиазмом и недостаток технических навыков искупал преданностью делу. Вёл также внешкольную работу — устраивал чтение в с. Давыдовском и ездил по деревням.

Так прошла зима 1889—90 гг. Я снова начал хлопотать об устройстве школы в Бремболе, но и на этот раз неудачно. Зато перешёл на службу ближе к родине в земскую школу, оплачивавшую учительский труд значительно лучше (240 рублей в год). Это бы-

ло в с. Красном, расположенном в 3-х верстах от Большой Бремболы. Попечителем там состоял генерал от инфантерии Гавриил Петрович Самсонов, почтенный старик, товарищ Лермонтова по школе подпрапорщиков. Он мне оказывал большие знаки внимания, и знакомство с ним было для меня очень полезно. Я ближе сошёлся с населением, ученики меня очень любили, и только в сторонке стоял поп Семён, красновский священник, большой руки материалист. Его звали «отец Миллион».

Прослужив здесь с сентября 1890 г. по февраль 1892 г., я перешёл в образцовую школу при Вифанской духовной семинарии. Там плата была 500 рублей в год при готовой квартире с отоплением. Для меня это имело большое значение, ибо домашние дела в Бремболе были из рук вон плохи. Отец почти постоянно был ненормален, а расходы семейные увеличились. Сёстры выросли, надо старшую выдавать замуж. Мне пришлось влезать в долги и отдавать весь почти заработок матери.

Самсонов обиделся сначала за мой переход от него в другую школу, но со временем помирился, особенно когда узнал, что ученики пишут мне письма, и просил меня навещать его во время вакаций, что я потом и делал. А ученики писали вот что: «Мы вас очень жалеем, при вас очень хорошо было учиться...» (Семён Купреянов из д. Чашницы.) «Вам, чай, хорошо, потому что хорошему человеку всегда хорошо...» (Пётр Новожилов.) «Вы ожидайте нас весной, приедем к вам...» и так далее.

Оказалось возможным перейти мне в семинарию потому, что переменялось начальство. Ректором стал архимандрит Антоний Коржавин. Он не поглядел на моё прошлое и рассудил по-иному, чем его предшественник. Работа в этой школе была не из приятных. Мало того, что надо было оболванивать маленьких ребятишек, нужно было втянуть в работу семинаристов. Образцовые уроки для них, их преподавание иногда доставляли мне немало огорчений. Руководителем школы был учитель педагогики Михаил Алексеевич Некрасов, добрейший человек, относившийся ко мне с большой любовью. В этой школе я прослужил около пяти лет (по 1 января 1897 г.) и в это время много занимался своим самообразованием. Читал без конца книги из ученической и фундаментальной библиотеки семинарии, а кроме того, толстые журналы и следил за современными течениями русской мысли и жизни. Вращался в среде семинарских учителей и студентов академии.

К этому периоду моей жизни относятся следующие мои работы краеведного характера. Раньше всего в 1894 г. по случаю ремонта Переславского Преображенского собора написана мною статья о нём для «Паломника». Была она отправлена в редакцию с фотографиями, но печаталась или нет — не знаю. Далее, к юбилею семинарии (в 1897 г.) мною собраны были в архиве её материалы об уроженцах Владимирской губернии, обучавшихся в Вифанской семинарии (с 1797 г.). На основании этого материала мною обработана была статья, напечатанная потом во Владимирских епархиальных ведомостях.

На все вакации обычно я уезжал домой в Большую Бремболу, где дела шли из рук вон плохо. Болезнь отца прогрессировала, сёстры подрастали, надо было выдать замуж вторую сестру. Бедная мать билась как рыба об лёд. Моего содержания не стало доставать на все нужды и надо было думать о другом. Да кроме того, школьная работа надоела мне. Захотелось увидеть другую жизнь, иных людей. Моему стремлению в этом направлении помог сменивший отца Коржавина ректор — архимандрит Парфений Левицкий, у которого брат служил в Киеве в акцизном управлении. Через него устроил он мне возможность перебраться туда. Летом 1896 г. я по его совету ездил в Киев, прослужил там рабочим на винном складе 1,5 месяца во время вакации, затем возвратился в школу и перед началом учения успел побывать в Нижнем на Всероссийской выставке. Моя поездка в Киев не пропала даром, работу мою оценили, и с 1-го января 1897 г. я назначен был контролёром Киевского акцизного управления.

Итак, вместо служения родине я должен был уехать от неё подальше по пословице: «Родная сторона ни поит, ни кормит». Началась для меня новая жизнь среди новой природы, людей и рода службы, надолго захватившая меня своими особенностями. Сначала я попал в Канев, небольшой городок на берегу р. Днепра. Пробыв в нём около месяца в канцелярии акцизного округа, я откомандирован был в местечко Кагарлык. Поселился в еврейской семье, а работал у «пана» писаря волостного правления, большого кутилы. Сюда приехал потом мой начальник, помощник акцизного надзирателя Сергей Александрович Чижов, большой тоже кутила, или, пожалуй, точнее, запойный пьянчуга. Почему-то ему

понравилось в Кагарлыке, а меня перевели в Ржищев, местечко на берегу Днепра. Там мне было лучше, квартиру я нашёл в русском доме, столовался на почте. Но вскоре сюда ко мне перебрался не только Чижов, а и ещё третий наш чиновник, надсмотрщик Авенир Фёдоров, брат антрепренёра Соловцева. Начали жить втроём. После скромной учительской среды это был настоящий содом. Почти постоянно пьяный Чижов надоедал до невероятия. Отделаться от него было невозможно. Даже в участок (акцизный район) иногда ездили все втроём ревизовать казённые винные лавки и другие места. Осенью я сбежал от него в соседний участок в местечко Жидо-Ставы. Там был казённый винный склад и ректификационный завод, при них администрация и помещичья усадьба. Жилось весело: каждый вечер где-нибудь бывал, играли, веселились изо дня в день. Помощник надзирателя Марек Яковлевич Казанин был другой человек, чем Чижов. Не пил, но изредка играл в винт, был домосед и скупердяй. С ним я виделся мало. Чаще бывал в складе, в семье Пилипенков, где центром моего внимания была молодая дама Евгения Николаевна, в которую я не на шутку влюбился, и не знаю, как бы окончилось дело, если бы весной (1898 г.) я не захворал брюшным тифом. Прохворал я долго, болезнь была страшно запущена. Меня лечили от малярии, и если бы не случилось несчастья со старушкой помещицей и к ней не вызвали опытного врача, который был у меня, то возможно, что я умер бы от прободения кишок. Еле отходили меня в Кагарлыкской больнице, где пробыл 1,5 месяца, и после этого 1,5 месяца находился в отпуске у себя на родине. Приехав оттуда, я был вытребован на поверочный сбор в Миргородский полк и проходил солдатскую шагистику в течение 6-ти недель первый и последний раз в жизни. А в октябре того же года был назначен на должность помощника бухгалтера Киевского губернского акцизного управления. Так я и простился с Жидо-Ставами...

Новая служба в Киеве была чисто канцелярская, томительная и нудная. Усвоил я её довольно легко. Ближайшие мои соседи, Евгений Николаевич Головачёв и Николай Тимонович Вирандарский, были хорошие интеллигенты и хорошие люди. Мы сдружились. Жизнь в Киеве была более деловая и интересная. Большой культурный центр Киев давал полную возможность соединить приятное с полезным. Скоро я ознакомился с его библиотеками и научными обществами. Из последних меня более всего как историка интересовало Общество Нестора-летописца. Но до самой женитьбы, несмотря на такие возможности, путного ничего не сделал. Напечатал лишь свою давнюю работу — «Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии». О её появлении в свет я узнал на похоронах отца в Большой Бремболе, где мне в руки попали «Владимирские Епархиальные Ведомости» за 1900 г.

Ещё до этого была свадьба моей третьей сестры, выданной за священника, определённого на родовое Больше-Брембольское место. Мне же пришлось ещё раз увеличить свои долги и помочь устройству судьбы моей сестры. А вслед за этим поженился мой брат Сергей, а потом и я.

Одновременно со мной в Киевском губернном акцизном управлении служила счетоводом Наталья Викторовна Мещерская из старинной обедневшей семьи. Её отец Виктор Петрович в то время был помощником акцизного надзирателя в Полтаве, но был известен как филантроп и общественный деятель. Встречаясь ежедневно на службе с Н. В. в течение нескольких лет, мы сумели оценить друг друга. Но тем не менее моё объяснение (11 апреля 1901 г.) было для неё большой неожиданностью. О своей любви я решился сказать после большой борьбы. Виною этому был титул, который хотя и был звук пустой, но тем не менее звук. После этого я стал бывать у Н. В. на квартире, а потом у её родственников — подполковника Фёдора Фёдоровича Петрова и его жены Марии Алексеевны, доводившейся Н. В. тёткой. Так прошло лето, под конец которого приезжала в Киев мать Н. В., княгиня Софья Алексеевна, которой я был представлен у Петровых одновременно с офицером, известным под именем «Аполлона». Лишённая какого-либо барского чванства, простая, искренняя С. А. отдала предпочтение мне в этом сравнении. В ноябре мы с Н. В. ездили в Полтаву, где я пробыл несколько дней в семье Мещерских и был принят радушно. А 7-го января 1902 г. в той же Полтаве мы обвенчались.

Для меня началась новая, дисциплинированная жизнь, создался милый домашний уют, в Н. В. я нашёл любящего друга и союзника на всю свою жизнь. Её ровный, мягкий характер, её вера в счастливую звезду жизни во многом перевоспитали меня и создали исключительно счастливую домашнюю обстановку. Свои вечерние досуги я посвящал соби-

ранию материалов по истории и родословию Мещерских. Материалов этих потом набралось у меня достаточно, и я стал подумывать обработать их отдельной статьёй. Но чтобы пополнить свои знания, через профессора Митрофана Фёдоровича Хандрикова (астронома и художника) я познакомился с известным историком Владимиром Ивановичем Иконниковым. Он указал мне превеликое множество источников по интересовавшему меня вопросу. В результате этой работы я сделал сотни листов выписок и потом написал исследование о князьях Мещерских XII—XV вв. для Рязанской Архивной комиссии, которое и было там напечатано в 1903 г.

Между тем мы продолжали служить оба в губернском акцизном управлении, потом я переведён был тут же, в этом же здании, делопроизводителем первого акцизного округа. В это время у нас родился первый ребёнок. Роды были крайне тяжёлые, неудачные, ребёнок появился на свет уже мёртвым. В это же время родители Н. В. переведены были по службе в Санкт-Петербург. Виктору Петровичу дали место таможенного чиновника при главном управлении неокладных сборов. Здесь он больше всего занимался общественными делами и вошёл в высшие круги разных благотворительных обществ. За честность и прямоту некоторые его там не любили. Я ездил к ним в Санкт-Петербург. Много занимался в Публичной библиотеке, — всё собирал разные материалы о Мещерских не только по печатным материалам, но и по рукописям.

Служа вместе, мы получали тысячи три рублей, что дало мне возможность заплатить свои долги, а их по брембольским делам накопилось разным лицам, помнится, сот до семи. 21 мая 1904 г. я получил повышение по службе, стал помощником акцизного надзирателя, каковой должностью соединилось от 2 400 до 3 000 рублей. Теперь Н. В. служить больше стало не нужно. После этого, идя с нею по Бибиковскому бульвару, я, помню, шутливо декламировал из «Бориса Годунова»: «Достиг я высшей власти...».

С получением её пришлось покинуть Киев и поселиться в селе Немеринцы Бердичевского уезда. Здесь было имение графа Павла Николаевича Игнатьева, бывшего посла в Константинополе. В этом имении был винокуренный и ректификационный заводы и казённый винный склад. Мы устроились очень хорошо. Несмотря на то, что это село было в стороне от железной дороги и в верстах 40 от Бердичева, мы ни в чём не ощущали недостатка. К нам ездил каждую неделю еврей Шая Кордунский, который снабжал нас всем необходимым по самым честным ценам. Но прожить нам тут пришлось недолго.

В декабре я переведён был в Бердичев. Столица еврейского царства, большая и грязная, мне показалась после уютного малороссийского села каким-то вонючим стойлом. Еле нашли квартиру у еврея Либова, на краю города, вблизи старообрядческой молельни. Мы сразу почувствовали себя не на своём месте: всё нам не нравилось — ни сослуживцы, ни окружающее население. Самый город довольно любопытен, его костёлы, храмы, старая часть города — настоящее средневековье, подземные ходы и прочее. Жить в нём было дёшево и, благодаря еврейству (его мишуресам),¹ удобно. Но начавшееся в конце Японской войны волнение среди еврейства отравляло жизнь и делало пребывание для чиновника не совсем безопасным. Я, помню, был со своим хозяином на их службе в ком. кинуще, в старой синагоге, и моя форменная фуражка возбудила у многих страшное озлобление. Надо было уходить. Великороссу тут нечего делать, и я затосковал по родным краям. Бродя по маленькому садику Либова, я снова начал мечтать о своей родине. И, полный таких мыслей, в конце лета 1905 г. еду в Киев к управляющему акцизными сборами Михаилу Михайловичу Лохтину, доброму и умному старику, с просьбой: не найдёт ли он возможным перевести меня во Владимирскую губернию. И надо же было случиться так, что не успел я открыть ему рта об этом, как сам он предлагает мне переместиться местом службы с одним хохлом из Нижнего Новгорода. Так как это рядом с Владимиром, то я, не колеблясь, дал согласие, и с 1 октября 1905 г. был переведён в Нижний Новгород.

Это уже близко от родины и один из этапов приближения к ней, коренная Великороссия и один из лучших её городов. Но, признаться, после Киева и изящного типа его населения на первых порах нас поразило обилие уродливых лиц, особенно среди женщин, и скудость природы.

¹Мишурес — посредник (на языке идиш). — *Ред.*

В Нижнем я прожил целых десять лет, и этот период моей жизни считаю одним из лучших во всех отношениях. Материально я был обеспечен хорошо — получал 3 000 рублей содержания. Работал много. Прежде всего по службе. А служба была трудная. Мне поручено было наблюдать за казённым винным складом в Нижнем Новгороде. Служба эта требовала многих специальных знаний и хозяйственного опыта. Нужно это было осилить. Требования начальства были строгие и подчас придирчивые. Управляющим был Георгий Иосифович Рыковский, а правой рукой у него был Иван Осипович Пиотровский, человек без образования, но необычайно ловкий и работоспособный. Засыпал как из пулемёта бумагами и требовал исполнения в кратчайший срок. Прошло несколько лет, пока они не оценили меня и перестали мучить. Времени уходило на службу много: с утра до 6 часов вечера. Кроме этого, нужно было уметь ладить с рабочими. Их было около 200 человек. Первое наше знакомство состоялось в октябре 1905 года на забастовках. Рабочие добивались очень многого: повышения заработной платы, товарищеского суда и так далее. Сойдясь с ними с этих пор, я всё время дружно жил с ними, и, нужно отдать справедливость, службой дорожили многие из них. И служба эта хоть и была не из лёгких, но хорошо оплачивалась и лишена была притеснений. На меня обижалась администрация склада, что я слишком близок с рабочими. Мною введено немало улучшений в технологическую сторону дела и, между прочим, изобретена смолоочистительная машина особой конструкции, за которую я получил от главного управления неокладных сборов премию.

Хотя после службы в моём распоряжении оставались только вечерние часы, я не терял их даром. Я прежде всего старался обработать собранные мною о Мещерских материалы. Из них незначительный отрывок я напечатал в Московском генеалогическом журнале «Историко-родословной летописи», а затем закончил общую сводку, которая составила обширную монографию под заглавием «Князья Мещерские» и состоящую из двух частей: 1) исторического очерка, 2) родословной росписи. Так как издателя найти не удалось, то она так и остаётся в рукописи. Как ни смотреть на такие работы, особенно теперь, но в деле исторического изучения нашего прошлого они имеют своё значение...

Для меня этот труд имел ещё вот какое значение. Под руководством В. И. Иконникова я познакомился, разыскивая материалы о Мещерских, с первоисточниками нашей истории. Я нашёл дорогу в недра её и имел некоторый навык в чтении рукописей. Когда я освободился от работы о Мещерских, отнявшей у меня несколько лет, я, естественно, обратился мыслью к своей родине. Поездки из Нижнего в Большую Бремболу и в Московский архив Министерства Юстиции дали мне некоторый материал, [используя] который (в том числе давнишние свои записи), я написал статью «Село Большая Брембола». Владимирская учёная комиссия напечатала её и избрала меня своим действительным членом (1908 г.). После этого я напечатал там же ещё шесть статей: «Переславские соколы помытчики», «Соль Переславская», «Смутные годы в Переславле XVII в.» и другие. Очень крупную работу послал я в 1913 или 1914 г. Это фолиант в 14 фунтов весом — «Упразднённые монастыри Переславля-Залесского и их вотчинные акты». Труд этот остался ненапечатанным, и я взял его потом обратно, уже в революцию. 29 ноября 1915 г. Владимирская архивная комиссия избрала меня пожизненным членом.

Но была одна работа, которая хоть и касалась моей родины, но не была направлена для печатания во Владимир. Дело в том, что ни одна статья архивной комиссией, как известно, не оплачивалась. Присылали несколько (50 штук) оттисков и по особой просьбе число это доводили до 200 штук. Мне казалось, что если написать книгу живым языком и издать её, то можно окупить расходы и сделать культурное дело. Я так и сделал. Свою монографию «Переславль-Залесский, его прошлое и настоящее» я издал сам. Но так как в неё включена была криминальная «Исповедь Варлаама», содержащая в себе откровенное признание фальсификации мощей игумена Даниила Переславского, то, укрываясь от Нижегородской цензуры, я, по совету одного московского цензора, хоть и печатал книгу в Нижнем в типографии Машистова (имевшего отделение в Москве), титульный лист обозначил Москвой. И книга, таким образом, миновала Нижегородского инспектора по делам печати, человека крайне скверного, в Московском цензурном комитете она прошла, благодаря знакомству, беспрепятственно. В начале она расходилась туго и разочаровала меня в моих ожиданиях. Со временем я всё издание продал книгопродавцу Елову в Сергиев Посад и не только выручил свои деньги, но ещё получил рублей 200 авторского гонорара. Года

через полтора после выхода книга, получившая распространение в школах, была запрещена по распоряжению Министерства Внутренних Дел как антирелигиозная. Это составило её популярность, и она получила значительное распространение.

Между тем я завязал знакомство с Нижегородской учёной архивной комиссией. Председателем её был Александр Яковлевич Садовский, бывший удельный чиновник, местный помещик и домовладелец. Это был обворожительный человек, любитель пошутить и... выпить. Библиотекарем Комиссии состоял Николай Иванович Драницын, человек ограниченный, бедный, но большой библиофил. Благодаря ему библиотека Нижегородской Архивной комиссии получила большую полноту и систематичность подбора. Я многим обязан этой библиотеке в своих изысканиях. Те статьи, что я печатал во Владимире, составлены были по материалам, собранным здесь.

Занятия в Архивной комиссии сблизили меня настолько с А. Я. Садовским, что мы стали знакомы домами и сделались большими друзьями. Обычно заседания Архивной комиссии мы заканчивали в клубе. Кроме нас двоих в эту комиссию всегда входил его зять Александр Николаевич Алелеков, доктор медицины, умный и учёный человек, шутник; Сергей Васильевич Лазаревский, чиновник удельного округа и некоторые другие. Это называлось «общество любителей продолжения заседаний Нижегородской губернской учёной Архивной комиссии». Обычно мы отправлялись в коммерческий клуб, где устраивали лёгкую выпивку, изошрялись в шутках и остротах и позднею под хмельком в отличном расположении духа возвращались домой. В память этих заседаний я обещал своим друзьям написать что-нибудь о нижегородском пьянстве. Стал собирать материалы о местных старинных кабаках, в результате получилась довольно большая работа, напечатанная мною в «Действиях Нижегородской Архивной комиссии» под заглавием «Нижегородские казённые кабаки и кружечные дворы XVII столетия», и в качестве дополнения к ней «Справка о нижегородских платёжницах».

Между тем в Нижнем Новгороде было открыто отделение Московского Археологического института. Это как нельзя больше соответствовало моим внутренним желаниям. Мне давно хотелось систематизировать свои знания, ибо как ни хорошо самообразование, но в нём неизбежны пробелы, а систематические курсы восполнят их и дадут моим историческим знаниям надлежащую законченность. И вот с 4 декабря 1911 г., когда открыто было отделение, на сорок четвёртом году своей жизни я стал слушателем института. Во главе его стоял крайне несимпатичный тип Александр Иванович Успенский, а секретарём мой товарищ по семинарии Василий Иванович Троицкий. Великий черносотенец, циник и любитель здоровой выпивки Успенский скоро мне надоел. А ездил он в Нижний довольно редко, и мне как курсовому старосте (а я был им по выбору все три года) приходилось бывать на всех попойках. Попили мы и с разными профессорами... Некоторые читали недурно: Тальберг, Городцов и другие. Но не в этом одном было дело; ближайшее изучение их лекций в значительной степени дало то, что я ожидал. Экзамены я сдавал пачками, для этого большей частью приезжал в Москву — один раз даже в недельный срок я там сдал 11 зачётов, а другой — 7. В качестве диссертации я предлагал г. Тальбергу «Нижегородские кабаки». Ознакомившись, он согласился. Но Успенский отсоветовал и предложил ему «Переславль-Залесский» по предмету русского искусства. 4 марта 1914 г. я окончил институт со званием учёного археографа с золотой медалью и действительным членом института. Мало того, Успенский предложил мне место преподавателя института по кафедре «Древнерусской метрологии». Это предложение в начале мне было лестно, и я начал писать пробные лекции: одну о питейных мерах XVII столетия, другую о хлебных мерах. Первую я разработал основательно и дал новое решение вопроса. Собирался сделать то же по второму и указать промахи в этом деле В. О. Ключевского (его статья «Рубль»), но потом рассчитал, что это меня совершенно оторвёт от моих изысканий о родине. Никогда будет мне писать о ней. Буду я преподавателем не бог знает каким, а своему заветному делу изменю. Послал я в институт свою статью о питейных мерах для печати в «Записках», но Успенский её, должно быть, потерял, а может быть, отдал своему брату Ивану, который читал метрологию; она, надо думать, у него осталась. А вторую работу по метрологии так я и не довёл до конца, и лежит она сейчас в сыром виде. Успенского поблагодарил за честь и от предложения отказался.

Подобная же судьба постигла ещё очень интересную мою работу как не имеющую отношения к родине. Это о пьянстве на Руси, что было естественным продолжением моего исследования о нижегородских кабаках, бывших, в сущности, лишь одним из эпизодов общей картины. Материал я собрал разрозненный и большой. Но как-то так вышло, что я задержался на его собирании дольше, чем следует. Я не начал писать в то время, когда было нужно, прошёл порыв и надо было вымучивать себя, чтобы заставить писать. Писать я потом пробовал, но вышло слабо, а потом жаль было времени. Но, может быть, ещё одолею как-нибудь и эту работу закончу.

А в семейной жизни в это время было вот что. После неудачных первых родов у нас долго не было детей, но потом Н. В. лечилась у одного нижегородского врача, который устранил какие-то неисправности. Беременность была тяжёлая, с разными болями, и Соня родилась несколько раньше времени, у ней не было ещё ногтишек. Но отходили её, и она стала расти. Потом появился у нас Сева. Чтобы дать детям летом больше солнца и воздуха, мы стали выезжать из Нижнего на дачу. Самым удобным местом была «Мыза», расположенная в 2-х верстах от города на правом гористом берегу Оки. Сначала мы там снимали дачу, а потом я выстроил свою, зимой 1911—12 гг. Рискнул делать без архитектора, купил дом в Сормове, перевёз его, а потом приделал в нему фронтон, террасы и прочее. Получилась очень эффектная постройка снаружи и хорошая внутри. Все стены были обиты сосновой рейкой; расположение удобное. Из двух этажей — нижний я назначил под дачу себе, а верх, — очень большой, в пять комнат, с мансардами, — для квартирантов. И надо же было, чтобы таковым был у меня несколько лет подряд Александр Николаевич Глоссон, управляющий Нижегородским удельным округом, какое обстоятельство имело потом влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Понемногу втягиваясь в дачную жизнь посёлка, я скоро встал в центр общественного движения и решил создать общество благоустройства. Выработал соответствующий устав на другой год своего водворения в Мызе и провёл его через все инстанции. 23 января 1914 г. он был утверждён, и общество открыло свои действия с 22 февраля с момента учредительного собрания, прошедшего под моим председательством.

Дачный сезон 1914 г. прошёл при энергичной работе Общества, в котором я взял на себя роль секретаря. Председателем выбрали богача Александра Семёновича Заплата в расчёте, что он что-нибудь даст для благоустройства, но ошиблись. Улучшено было сообщение с городом (добавлено автомобильное), заведено освещение, улучшены переходы и дорожки в парках, заведены игры и спорт для юношества и прочее. Всё это много подробно изложено в отчёте, напечатанном Обществом (в 1915 г.).

Но в это время началась Великая Европейская война, произошло сокращение продажи крепких напитков и акцизное дело как-то стало тревожно-неясным. Тогда я обратился к своему даченанимателю Глоссону с просьбой взять меня к себе на службу управляющим имением. Он охотно на это согласился и начал хлопоты в Санкт-Петербурге. Вся зима 1914—15 гг. прошла в этой переписке, а с 15 мая того года я уже был в с. Личадееве Ардатовского уезда, которое считалось одним из лучших имений Нижегородского удельного округа. Дачу свою продал перед самым отъездом. Акцизные мне завидовали, а больше всего моему назначению был рад председатель архивной комиссии А. Я. Садовский, который раньше служил управляющим в том же с. Личадееве. Мызинские мои приятели, а это были большей частью банковские и торговые служащие, совестили меня, что еду на пенсию, а мне следовало бросить казённую службу, взяться за ихнее дело... и так далее.

Пока шли хлопоты о моём переезде на службу в удельное ведомство, зимою 1914 г. произошли две тяжкие утраты, больно отразившиеся на мне. Это кончина моей матери (11/XI) и, через несколько дней, младшей сестры (26/XI), бывшей замужем за брембольским попом. Обе долго хворали: мать страдала сердечными припадками, нажитыми ей своей горькой судьбиной, заботами и невзгодами семейной жизни, а сестру заразил её муженёк, и она умерла от женской болезни... Существовавшая дотоле через них крепкая связь с с. Большой Бремболой круто оборвалась, а мой переход в Ардатовские леса тоже был шагом в сторону от них, так что всё вместе взятое говорило об ослаблении моего стремления на родину.

В Личадееве я устроился очень хорошо. Там был прекрасный дом и усадьба, крупное содержание (свыше 4 000 р.), солидное положение в обществе и земстве, связанное с этой службой. А главное, бóльшая свобода, которой я не располагал в Нижнем. Там служба по-

глошала большее время ежедневно, как и каждая фабрично-заводская работа. Оглядываясь теперь назад, с тоской и сожалением констатирую это. Будь больше времени свободного в моём распоряжении, я бы для научного познания моей родины сделал вдвое-втрое более. Здесь другое дело. Удельная служба не требовала ежедневных высиживаний часов. Это была живая хозяйственная работа. Пришлось, понятно, учиться, и, главным образом, лесоводству и лесоустройству, так как имение было почти исключительно лесное (в 40 тысяч десятин [45 522 га]), усвоить вместе с тем канцелярский механизм ведения отчётности.

Общение с народом было постоянное, так как имение было раскинуто по всему Ардатовскому уезду не менее чем в восьми его волостях. Оброчные статьи, покупка леса и прочее из всех углов уезда заставляли ходить к удельному управляющему. Для удобства населения приходилось раза 2—3 в месяц выезжать в Ардатов и держать там канцелярию. Здесь приходилось работать, не разгибая спины, целый день и принимать целое скопище народа. Но зато это избавляло меня от одиночных приёмов на дому и выделяло значительные досуги для научных занятий.

Располагая хорошим содержанием, я заказал в Московском архиве Министерства Юстиции корреспондентку, которой ежемесячно высылал деньги на снятие тех или иных копий с нужных мне актов и грамот, касающихся Переславского края. Этим путём я получил копии писцовых и межевых XVI в., дозорных XVII в., писцовую книгу М. Волконского и так далее. Документы о Переславских воеводах, губных старостах примерно XVII ст. В моих руках, таким образом, скопился значительный документальный материал. И я принялся за его обработку самым усердным образом. Если мне не мешали, я занимался с утра до вечера. Так как печатание трудов Владимирской архивной комиссии в войну пошло тише, то из моих работ, законченных в Личадееве, напечатать ничего не удалось. В сокращённом виде они появились потом в печати в Переславле-Залесском. Но большинство работ лишь задумано было здесь или, в лучшем случае, произведена подготовительная черновая работа. Так, вчерне, мною написаны указатели документов Переславского края XIV—X в.¹ и XVII в., затем «Хорографическая номенклатура Переславского Залесья» (опыт её классификации); о воеводах переславских и так далее.

Эта работа чередовалась со службой, с поездками по имению, что, в общем, было большим удовольствием. Сейчас же за Личадеевым начинались сосновые леса, проехать по которым в летнюю пору одно наслаждение. Были, кроме того, животные уголки, из которых выделялось одно, за ст. Мухтолово Казанской железной дороги, где среди бора находилось три озера, видимо, привольного происхождения. С островами, заливами среди безмолвного леса, они были полны особой прелести. Одно из них, Сарское, отличалось тем, что весной или зимой, но ежегодно, из него уходила вода. Оно мелело и из большого озера становилось лужей. Весной тоже заполнялось, и так из года в год...

Но иногда поездки были сопряжены с приключениями рискованного характера. Поехал я раз в мае принимать делянки в хорошую погоду, но после полосы дождей. Отъехав от дому вёрст 30 [32 км], я подъехал к одному оврагу, который оказался полон воды. Со мной был объездчик, для которого это было сюрпризом. Не успел он меня предупредить, как лошадь (а я был на дрожках), которую кусали комары, рванулась и пошла в воду. На середине оврага была стремянка, которая понесла меня с дрожками и лошадью в сторону. Лошадь не доставала дна, плыла. Ещё бы немного, и я попал бы в водоворот, образовавшийся от затора из брёвен, дров и прочего лесного материала, снесённого паводком. Всё это совершилось так быстро, что из сухого в одно мгновение я стал мокрым от самой шеи и до ног. Но я не очень горевал об этом, было тепло, а главное, я избежал большой опасности. Оказывается, что накануне прорвало пруд для мочки мочала и вода бежала уже с ослабленной силой.

Имение было раскинуто на 80 вёрст, и дальние поездки иногда были утомительны, но приятны и меня не тяготили. Приходилось и пешком много ходить. Осмотр границ той или иной дачи не всегда можно было сделать на лошади по отсутствию дорог. Так, раз под дождём я должен был обойти Личадеевскую дачу в 4 тысячи десятин, что продолжалось с утра до вечера, я воротился на Куриху в монастырскую гостиницу мокрый до нитки.

¹Период может быть указан неверно из-за мерзкого качества рыжей брошюрки. — *Ред.*

Монашины дали мне свою сухую рубаху (женскую), и я щеголял в ней, пока моя одежда не высохла...

К границам удельного имения примыкали владения Вискунского и Кулебанского заводов. Я там побывал, но не завязал знакомств, как ровно и в г. Ардатове. Не было подходящих для меня людей. А про самое Личадеево и говорить нечего. Поп и учителя — всё публика малограмотная.¹ Для них я устраивал преферанс. И иногда он происходил при любопытной комбинации игроков: ксёндз, поп, учительница и я. Это я называл «соединением восточной и западной церкви». В дополнение к тому же, не любивший играть в карты становой пристав уныло бродил и ждал, когда можно будет садиться за стол и выпить...

Ксёндз наезжал временами и появился с тех пор, как в Личадеево была прислана партия беженцев из Гродненской губернии. Их прибыло человек 50; пришлось заняться их судьбой и помогать чем можно. Население вначале приняло в них живое участие, а потом быстро охладело, да и сами беженцы не все были сознательные и порядочные люди. Мною был устроен комитет и собирались пожертвования. Кроме того, я стремился облегчить судьбу наших пленных в Германии и также через этот комитет хлопотал перед населением об организации посылок. Всех пленных из Личадеево было человек 40. Раз или два мне это удалось сделать. Посылали сухари, папиросы, сахар, чай и прочее. Пленные присылали за это свою горячую благодарность. Но вскоре пришлось дело оставить: некоторые солдатки, жёны пленных, сами стали тяготиться сборами и, кроме того, по селу пошла молва, что все посылки идут немцам, а не пленным. Я и жена объявлены были немцами. Расположенные ко мне крестьяне отсоветовали бороться с этим, тем более что наступили новые времена...

Произошло 27 февраля 1917 г.; когда мне принесли с почты газету, в канцелярии был крестьянин с. Личадеева Иван Николаевич Ощипков, довольно самостоятельный человек, торговый. Услышав об отречении Николая и образовании Временного правительства, он прослезился, перекрестился и сказал, что давно пора дать им, крестьянам, место как равноправным людям. С бородой и весёлой душой пошёл он от меня домой. Удельные имения объявлены были государственными, и все доходы стали вноситься в казну. В то же время образовавшиеся исполнительные комитеты и ставшие во главе уездной волости комиссары сразу же разделились со многими неприятными их управляющими. В марте же из 18 управляющих Нижегородского удельного округа сменено было 15 человек. Я остался в числе трёх и продолжал работать.

Между тем, на селе начались разные толки по поводу начавшейся революции. Относясь доверчиво ко мне, крестьяне позвали меня к себе на сход (12/III) и просили выяснить происшедшее. Я принёс с собой газеты, долго и мирно беседовал, но под конец из толпы сзади стали покрикивать: «А зачем ты в земстве брал сахар и пшеничную муку...» Действительно, я там покупал и то и другое для сторожей. Их было в моём подчинении 53 человека, получали они жалованье от 10 до 14 рублей. Чтобы облегчить им судьбу, я и наделял их время от времени этим. Сторожа этим очень дорожили, несли свою службу исправно. Объяснение моё выслушали, но остались при особом мнении... Началась полоса расхождения, но прежние добрые отношения скрашивали положение и давали мне возможность охранять леса до поры до времени. В некоторых сельских обществах составили протоколы об увольнении сторожей из удельных дач. Я это опротестовал в исполкоме, меня поддержал комиссар и дело не прошло. Сторожа остались на местах, но за порядком следить стало трудно, крестьяне-односельчане на них крепко обижались. Чем далее шло время, тем отношение к страже и лесу стало тревожнее. Без конца составлялись протоколы и передавались в суд, но на место этих порубок прибавлялись новые, и так без конца. Надвигалась стихийная сила, остановить которую ничем уже нельзя было. Но летом во время полевых работ это ещё не так заметно было, но к осени стало совершенно очевидно. Сторожа стали уходить со службы, порубки пошли колоссальные.

Видя, что бороться бесполезно, а равнодушно переносить расхищение, хотя бы и революционное, преступно, я стал думать о перемене места и рода службы. И вот тут-то моя мысль снова стала останавливаться на заветной мечте — послужить своей родине. Кроме

¹К сожалению, здесь нельзя без оригинала точно понять, «все» или «всё» публика малограмотная. — *Ред.*

того, моим детям пришла пора поступать в школу и всё равно надо было из с. Личадеева уезжать. Но уехать так без службы я не мог решиться. Но в Переславле, как я навёл справки, ничего подходящего не было. Была лишь вакантна должность начальника милиции, но мне не хотелось и думать об этом.

Тем временем надо было решаться: железнодорожное сообщение катастрофически шло к распаду, и дальнейшее промедление грозило тем, что можно было застрять тут навсегда. Скрепя сердце, я согласился на предложение земства, которое избрало меня на эту должность. Во главе исполкома комиссариата находились интеллигенты, и это меня ободряло. Распродав наскоро часть своего имущества, остальную я отправил багажом и уехал со своей семьёй в конце октября. Приехав в Москву, мы узнали, что накануне была перестрелка большевиков с Кремлём. Одним словом, Октябрьский переворот уже свершился.

Итак, моя заветная дума осуществилась. Через длинный промежуток лет я снова на своей милой родине. Но при иной обстановке. Не было в живых в Бремболе моих близких. Кроме того, помер (4/VII—1916 г.) мой брат Сергей, профессор Московской академии и университета, крупный учёный и кристаллической души человек. У Натальи Викторовны около того же времени скончался на Волины отец (4/I—1917 г.). Как и раньше, она охотно и без колебаний согласилась ехать в Переславль. В первое время я с радостью набросился на его изучение, посещал и рассматривал его со всех сторон; проверял свои знания и был бесконечно счастлив. Мне шёл 50-й год и, следовательно, под «кров родной» вернулся я не тем юношей-энтузиастом, каким оставил его, а человеком зрелых лет, принёсшим богатый опыт и знания пережитых лет.

Свою службу я свёл, главным образом, к канцелярским занятиям, не старался изображать бравого исправника и без нужды не совался в наружную службу. Милиционеров держал в субординации, заботился о них сердечно, и они меня полюбили. Сменил двух своих помощников: одного за пьянство, другого за грубость. Всё шло тихо и гладко. Не было ни уголовных, ни революционных выступлений долго. Но в то же время чувствовалась двойственность положения. С одной стороны, продолжали работать прежние организации — земство и городская управа, правда, демократизированные и в изменённом виде, но в то же время возникли Советы рабочих и крестьянских депутатов, во главе которых стали Владимир Васильевич Соколов и Иван Николаевич Кузнецов. Первое публичное заседание Совета происходило 27 декабря 1917 г. в доме Корнева (бывшем трактире) на Вознесенской улице. В то время, как прежние учреждения старались отстоять своё существование, вновь организовавшийся Совет начал постепенно их забирать и влиять на ход дел в них. Эта борьба продолжалась по март месяц 1918 г., когда земская управа была ликвидирована.

В то же время я перезнакомился со всем интеллигентным слоем Переславля. Меня интересовала редакция газеты «Переславец». Это была первая газета в нашем городе от сотворения мира. Издавалась она недурно. Но состав редакции меня не удовлетворял, да и сама газета была прикрыта в декабре. А вместо неё В. В. Соколов стал выпускать: «Голос рабочих и красноармейских депутатов».

Более всего понравился мне «Союз учащихся». Председателем его был сын крестьянина Нагорной слободы Иван Николаевич Марков, дельный паренёк, с которым я завёл знакомство и через него был приглашён в Союз для прочтения лекции по истории Переславля-Залесского. С первого же раза аудитория и лектор остались друг другом довольны, и я до конца учебного года прочитал им вечерами несколько лекций.

К тому же времени относится моё знакомство с художником Дмитрием Николаевичем Кардовским, переславским уроженцем. Он сам пришёл ко мне в канцелярию и просил меня оказать его жене на время его отъезда покровительство. Вскоре ко мне явилась на квартиру и его жена, художница Ольга Людвиговна, рождённая Делла-Вос. Этому знакомству я был рад: оно вводило меня в область искусства, тем более что это было первое знакомство с художниками, до тех же пор мне не приходилось встречаться с ними. Незадолго перед этим я купил в Плотихине у помещицы Ляпуновой картины, и мне интересно было услышать оценку их со стороны знатока искусства. О. Л. похвалила рамы... Сами художники были хорошими интеллигентами, жившими интересами своего искусства, но вместе с тем чрезвычайно практичными людьми, каковое сочетание меня удивляло...

Между тем продовольственное дело разрушалось с каждым месяцем. Среди городского населения начались неудовольствия. Я предложил Соколову на случай возмущения уни-

чтожить колоссальные запасы вещественных доказательств в виде беспатентного спирта и алкогольных напитков. В ожидании суда этого добра в милиции накопилось несколько десятков вёдер. В начале марта они были вылиты в нечистоты. Этой мере, я полагаю, Переславль обязан своим благополучием и относительно спокойным течением последующих событий. А они были таковы. После того как Совет осуществил в себе новую революционную власть, на долю его выпала тяжёлая задача — продовольственная. 22 марта старого стиля в помещении земской управы происходило по этому делу совещание с рабочими организациями. В. В. Соколов, как председатель исполкома, вёл его и был несколько раз оскорблён со стороны присутствующих, особенно женщин. Были слышны крики и угрозы по его адресу. Пришлось бежать через окно. Наутро было объявлено военное положение и вызвана из Александрова военная часть. Прибыла она под начальством Хахаева, которому дано было распоряжение доставить на допрос по списку несколько человек, подозревавшихся в контрреволюции. Но он предпочёл расправиться по-своему. В ночь 24 марта старого стиля оказался застреленным в спину арестованный для допроса священник Снятиновский. После выяснилось, что это была самовольщина со стороны начальника отряда, о чём заявил Совдеп в журнале «Культура» №1 за 1918 г. Далее Александровскую часть сменила вызванная из Владимира, которая тоже старалась терроризировать город. Отобрала в милиции весь запас вещественных доказательств, в том числе много кож и подмётков. Будь тут водка, то пулемёты, расставленные по улицам, могли бы загрохотать. В. В. Соколов ничего не мог поделать с ними. Это так повлияло на него, что он отказался от председательствования и уехал из Переславля. Мне также ничего не оставалось делать и я, по совету с ним, ушёл в отставку, прослужив всего пять месяцев (с 1 ноября 1917 г. по 1 апреля 1918 г.), полагая, что мне найдётся более подходящее дело.

И такое дело нашлось. Весною были курсы учителей, и мне предложено было комиссаром просвещения Ермолаевым (в шутку его звали «комиссаром умопомрачения») прочитать лекции по истории родного края, что мною и было исполнено. Затем нашлось и постоянное дело: это организовать библиотеку и музей. Взялся я за эту работу с величайшей готовностью, ибо она истинно соответствовала моим внутренним стремлениям и давала мне возможность содержать себя и работать по призванию.

Начал я с библиотеки. Отдел образования помещался наверху в доме Павлова, куда весною поселился Совдеп. Там на полу по углам лежали книги, привезённые из разгромленного имения Журавлёвых из Семендяйки, а во дворе, в амбаре и сарае, валялись горами книги, реквизированные в имении Гагаринские Новосёлки. Мне дано было несколько девиц, которых я посадил за перепись книг. Под библиотеку и музей Совдеп постановил передать дом Шилля, куда летом и были перевезены из дома Павлова находившиеся две библиотеки. После того, как прослужил месяц, выяснилось, что на заведующего библиотеками и музеями никакого кредита нет. И отдел образования платить ему не может.

Выручило меня из этого положения избрание совета лесничих в заведующие лесным отделом. Тогда я совместил две должности, но получал по одной. Так тянулись дела до января 1919 г. К этому времени я завязал отношения с Всероссийской Коллегией по делам музеев и получил деньги на музейное строительство и своё содержание. Подготовительные работы продолжались до весны. Музей был открыт в Горицком, упразднённом ещё при Екатерине, монастыре в зданиях бывшего духовного училища, 28 мая 1919 г. Но ещё ранее этого, а именно 20 марта того же года, я открыл Научно-просветительное общество (Пезанпроб), поставившее себе главной задачей изучение родного края.

Считаю, что музей и общество, связанные между собой в научно-просветительном деле одной общей мыслью просвещения края, организованы были мной в тот период моей жизни, когда я был краеведом. В это время моё мирозерцание было совершенно определённое: я веровал и исповедовал, что знание природы края и жизни населяющего его человека — вернейший путь экономического и культурного развития страны. Таким образом, на поставленный мне вопрос: «Как я стал краеведом?» — я, полагаю, дал ответ.

Кратко суммирую сказанное: сделала меня краеведом любовь к моей родине, а затем семейная обстановка моего воспитания и обучения и, наконец, целый ряд фактов моей жизни.

О том, что я сделал и как сделал, отдавшись только научно-просветительной работе на своей родине, постараюсь изложить в дальнейшем очерке: «На службе родному краю», в котором, может быть, удастся мне поподробнее рассказать об этом.

30 марта 1924 г.
М. Смирнов

Глава 2

1924 год

Тоги жизнь в деятельности, не задумываясь над личными вопросами, — вот мой девиз издавна, а то сердце лопнет. Когда умрёшь... Останутся для людей мысли, дела, труды — то, что человек произвёл умственного, сердечного, нравственного для других. Этим его будут помнить, а если и забудут имя, то дело останется для других, хотя бы и забылось, от кого оно пошло...

К. А. Кавелин

Самой настоящей службой родному Переславль-Залесскому краю я считаю научно-просветительную работу в должности заведующего местным музеем и веду её начало со 2 июля 1918 г. С этого именно момента начинается окончательно определившаяся моя деятельность, по отношению к которой вся остальная жизнь была подготовительным периодом. Здесь мне счастливо удалось объединить внутреннюю настроенность со служебными обязанностями. Получилась редкая гармония, от отсутствия которой я страдал в предшествовавшее время.

Итак, мне предстояло на чистом поле создать культурное учреждение в виде библиотеки и музея, создать в такой степени и мере, насколько я смогу. Никаких указаний на этот предмет не было, да и быть не могло, и мне была предоставлена полная свобода действий в течение долгого времени.

Общественные библиотеки существовали и раньше. Прежде всего устроил таковую переславский мещанин Иван Васильевич Быков, торговавший книгами сначала в ларьке, а потом в лавке. Затем возникли библиотеки в клубах — дворянском и потом в демократическом. Библиотека Быкова существовала, должно быть, негласно и закрылась давно с его смертью. Библиотека демократического клуба была продана до революции, и ко времени моего вступления в должность была одна в общественном собрании. Из книг, реквизированных в революцию по усадьбам и монастырям, предположено было мною устроить две библиотеки: одну — при Отделе образования из книг беллетристического характера и научно-популярных, другую — при музее, как книгохранилище, куда должны были поступать все книги антикварного характера, иностранная литература, краеведные издания и прочее. Одним словом, она должна была стать для уезда центральной библиотекой научного характера. После того, как я выделил из книг Гагариных и Журавлёвых свыше 5 000 томов для библиотеки Отдела народного образования, я отошёл от этого дела. Оно передано было в ведение внешкольного отдела, а я стал организовывать музей и отдался этому делу.

1. Музей

В конце августа 1918 г. я был командирован во Владимир по топливным делам. Нужно было в губернском лесном отделе выхлопотать денег на разработку дров, необходимых для советских учреждений Переславля, и установить лесосеки для населения города и уезда. В качестве заведующего лесным отделом уезда я поехал во Владимир.

Улаживая эти дела, я старался двинуть и другое дело — музейное. Но в то время губернский комиссариат народного просвещения в этом отношении был безнадёжен. Там нельзя было добиться никакого толку: ни денег, ни руководства. Но во Владимире я узнал от производившего расчистку фресок в Успенском соборе реставратора, что по этим делам следует войти в сношение со Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Москва, Мёртвый, 9).

На обратном пути из Владимира я это и сделал. Меня принял Николай Григорьевич Машковцев, которому я устно изложил суть дела и просил его выдать для организующего музея из кладовой Румянцевского картины из собрания переславца Ивана Петровича Свешникова и дублеты из археологического собрания П. С. Савельева и А. С. Уварова по Переславскому уезду.¹

Он посоветовал мне подать докладную записку, что я и сделал тут же, а потом повторил свою просьбу из Переславля. В ответ на это получил самую обычную канцелярскую отписку, что мои записки будут рассматриваться на «общемусейной конференции» вместе с другими. Это меня обескуражило в достаточной степени, и я стал скептически смотреть на всё это дело. Так как ни в уезде, ни в губернии получить на музейное дело денег было нельзя, то последняя надежда на центр, и та становилась крайне сомнительной.

Проходит сентябрь и почти весь октябрь в таком неопределённом состоянии. Я снова был в Москве, но там мне дали вместо денег и вещей мандат (18/Х—1918, № 1916), в котором говорилось, что Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины поручила мне «устройство и организацию музея в Переславле-Залесском». Все местные советские власти призывались оказывать всяческое содействие мне «в исполнении поручения, возложенного на меня Центральным органом рабоче-крестьянского правительства».²

Это дало мне право выступать в исполкоме и других местах с большим правом, чем только в качестве члена коллегии Отдела образования. Теперь мне удалось получить для музея дом бывший доктора Шилля (ныне Кардовского, 33), завещанный им городу под женское ремесленное училище, представляющий собою каменный особняк. Это было ещё при первом комиссаре просвещения А. С. Ермолаеве, который по своей никчёмности осенью был смещён, а на его место избран был врач Георгий Аркадьевич Карташевский. Последний вскоре после своего назначения переселил канцелярию Отдела образования из дома Павлова в назначенный для музея дом. Сюда же я и стал свозить вещи, поступающие в музейный фонд, и книги.

Первый такой транспорт был из имения Журавлёвых с. Семендяйки (30 октября). В мае это имение было разгромлено, и в течение лета, когда стал заведовать им Глебовский волостной исполком, было несколько покраж — пропало всё серебро и ценности. Владелицей имения была Елизавета Григорьевна Журавлёва, самая богатая помещица в уезде, вдова мирового судьи, рождённая Повалишина. Отец её, Григорий Ларионович, был предводителем дворянства в Переславском уезде, а дед, Ларион Афанасьевич — екатерининским контр-адмиралом. Журавлёва была скупая и недобрая женщина, путавшаяся после смерти мужа со своим кучером. У ней, как уверяли меня близко знавшие её, одних процентных бумаг было на два миллиона рублей и на большую сумму бриллиантов.

Всё это было у ней реквизировано, с горя она заболела и, брошенная, валялась в мезонине своего городского дома. Одно время к ней, или, вернее сказать, к её имуществу были

¹Румянцевский музей открылся в 1831 году в Санкт-Петербурге, а в 1861 году переведён в Москву. Помещался в Доме Пашкова. В 1924 году этот художественный музей с богатым и разнообразным собранием был частью распределён по другим музеям и картинным галереям, частью был разворован, а частью до сих пор остаётся в фондах Российской Государственной Библиотеки. — *Ред.*

²Кавычки могут быть расставлены с ошибкой. — *Ред.*

приставлены часовые, из которых двое или трое что-то похитили и были потом расстреляны за кладовой Павловых.

Когда я приехал в Семендяйку вместе с представителями отдела социального обеспечения, то из двух барских домов один был без окон и дверей, скотный двор сожжён, а в другом доме был полный беспорядок: весь пол устлан был бумагами, состоявшими большей частью из писем и земельных документов, мебель и документы сохранились только частью. Больше всего имущества сохранилось в амбаре: там была ценная фарфоровая посуда, сундуки с бельём, одеждой и прочим, а на чердаке груды бумаг — писем, дела Переславского ополчения 1854—55 гг., Переславского предводителя дворянства и другие.

Я отобрал для музея все бумаги и книги, какие только оказались налицо, гравюры, литографии, акварели и картины. Но ценного тут было мало. Взял только по несколько экземпляров фарфоровой посуды (был Сакс), мебель красного дерева — кресла, столы, кое-что из барских костюмов (платья с кринолином, фрак лакея и прочее), из шитья шерстью и прочее.

Всё это перевезено было мною в дом бывший Шилля, где я занял самые большие комнаты. Но дело пока только этим и ограничилось. Как вдруг оно наладилось самым неожиданным для меня образом. В один из ноябрьских вечеров, на дворе была уже зима, меня разыскивал милиционер, достаточно нетрезвый, чтобы объяснить домашним, что кто-то приехавший из Владимира мною очень интересуется и просит меня в комитет партии. Это я узнал очень поздно и потому отправился только наутро по указанному адресу. Оказалось, что меня разыскивала еврейка, худенькая, небольшого роста, которая повела сразу со мною речь о музейном деле и переславской старине. Я ей очень откровенно высказал свои горести на центр и невозможность работы при создавшихся условиях. Она мне советовала обратиться помимо музейной канцелярии прямо к Наталии Ивановне Троцкой и от её имени высказать все свои нужды и просить её личного воздействия. Дала свой московский адрес и вместе с тем сказала, что она художница и друг Н. И. Троцкой. И сказала, что если я послушаю её совета, то дела пойдут...

Я отправился на другой день в Москву, проделал всё как мне говорила таинственная, как мне казалось, посетительница, и Сезам отворился. Троцкая распорядилась выдать мне аванс в 3 000 р., вопрос с картинами был решён в пользу музея, и я, несмотря на шипенье Машковцева, уехал на этот раз победителем.

Только впоследствии я узнал, что Надежда Ильинична Островская была председателем Владимирского Губернского исполкома и приезжала в Переславль по этим делам, а кстати сделала доброе дело для музея.

Картины И. П. Свешникова, как я узнал в Румянцевском музее, большей частью лежали в кладовой, и хранитель галереи Николай Ильич Романов, которого я знал по археологическому музею, обещал мне отобрать лучшие для Переславля. К картинам мне даны были ящики, и я нанял одного из музейных служителей упаковать мне картины для перевозки. В декабре всё это было проделано, и прямо на подводах я перевёз их в Переславль. Прислали мне 45 картин, среди них были: Шишкина — «Ручей в лесу», Семирадского — «Опасный урок», Сведомского — «Фульвия с головой Цицерона», Дубовского — «Взморье», Соколова — «На родине», Клевера «Закат», Венига — «Дедушка, спаси», Маковских и другие. Одним словом, ценные коллекции, главным образом, передвижников.

Это был конец декабря, а несколько раньше ликвидирован был Сольбинский женский монастырь, из которого также поступали некоторые вещи в музей. Случилось это вот как. В с. Нагорье образовалась группа лиц, которая решила обратить монастырь в коммуны, а ЧЕКА получила сведения, что игуменья спрятала в тайнике под ригой ценности и имущество. Действительно, там оказались серебряные сосуды, евангелие и прочее. Всё было реквизировано и поступило в Чрезвычайку.

В середине декабря в Переславль приехал от Всероссийской коллегии художник Аникита Петрович Хотулёв. Он побывал в здешних монастырях и составил акты о принятии на учёт Коллегией. Был и на Сольбе. Затем вместе со мной посетил Чрезвычайку, где оказалось, что большинство серебряных вещей относится к XVII в. Они были выданы мне и отправлены для хранения в Фёдоровский женский монастырь вместе с вещами Даниловского, в котором монахи тоже что-то хитрили и старались сохранить серебро.

Вместе с тем, мы с Хотулёвым выступали в исполкоме по делам охраны памятников переславской старины, и в результате этого 17 декабря 1918 г. состоялось постановление: «Назначить Коллегию по охране памятников старины в г. Переславле-Залесском из 3-х членов: от исполнительного комитета, археолога-специалиста и представителя отдела народного образования». Персонально вошли: от исполкома — В. В. Магер-Паули, заведовавший Чрезвычайкой, я, как спец, и от Наробраза — Альбицкий, заведовавший внешкольным образованием в уезде.

Через несколько дней (24 декабря) по моему докладу на ту же Коллегию «возложено было наблюдение за всеми архивами г. Переславля и его уезда», а через месяц присоединено библиотечное дело.

Таким образом, Переславская Коллегия по охране памятников старины и искусства имела широкий круг полномочий. Ей не доставало теперь материальных средств. Но явились и они. Я заблаговременно подал во Всероссийскую коллегию смету, и с начала января 1919 г. мне ассигнованы были средства на содержание музея и его разные надобности.

Это дало мне возможность оставить службу в лесном отделе и перейти в музей, что я и сделал (17 января), и притом не один, а вместе с сотрудником. Таковой оказался в лице Владимира Евгеньевича Елховского, студента второго курса Московского университета. Переславский уроженец, большой почитатель родной старины, он был для меня хорошим помощником. Наше знакомство с ним завязалось на этой почве вскоре по моём приезде в Переславль. Служил со мной вместе в лесном отделе, вместе же перешли в музей.

Когда пришли в Переславль картины и стали примерять их развеску в доме бывшем Шилля, то оказалось, что ничего другого, кроме картинной галереи, тут не поместить, а для других отделов музея места совсем нет, то пришлось думать о помещении более обширном и вместительном, чем это здание.

Пришлось остановиться на зданиях духовного училища в упразднённом ещё при Екатерине Горицком монастыре. Сам по себе запустевший монастырь, его сооружения, — всё это музейные памятники. И устроить в его стенах историко-художественный музей напрашивалось само собой.

Но эта мысль встретила озлобленный протест среди учителей 3-й советской школы, свивших уютное гнездышко на месте духовного училища. Многим из них жаль было удобств и насиженных мест. Но, тем не менее, 31 января 1919 г. состоялось постановление исполкома о передаче Горицкого монастыря для надобностей музея. С этим постановлением я поехал в Москву, чтобы закрепить его авторитетом центра. В ответ на него привёз следующую бумагу, адресованную в исполком (6 февраля 1919 г. № 1038):

Всероссийская Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, ознакомившись из доклада заведующего музеем в г. Переславле-Залесском тов. Смирнова Михаила Ивановича с решением Исполнительного комитета предоставить для музея здание бывшего Горицкого духовного училища, утверждает и приветствует такое решение. Со своей стороны Всероссийская Коллегия всеми имеющимися у неё средствами придёт на помощь музею в деле организации и дальнейшего развития, дабы музей стал центром художественного и культурного развития местных народных масс. В вопросе о переводе 3-й советской школы в другое здание Всероссийская Коллегия настаивает на скорейшем приведении в исполнение этого решения исполкома в целях как наиболее продуктивного развития музейного дела, так и принятия энергичных мер в деле охраны памятников искусства и старины, кои в настоящее время подвергаются опасности в отношении сохранности и целостности.

В то же время я получил от Всероссийской Коллегии мандат (6 февраля № 1037), в котором говорилось, что я «являюсь представителем Всероссийской коллегии в деле охраны памятников искусства и старины по Переславскому и Александровскому уездам Владимирской губернии». Кроме того, мне предоставлялось право «перевозки художественных и исторических предметов из имений, церквей и монастырей в Переславский музей на предмет хранения».

Так, мало-помалу, начало крепнуть музейное дело в Переславле. Основа была заложена. Оставалось делать дело. А дело это заключалось в том, чтобы спешно обследовать национализированные помещичьи усадьбы и изъять из них вещи музейного характера. Все имения

к началу 1919 г. находились в ведении волостных земельных отделов, и так как охраны при домах не было, вокруг происходили кражи.

Хотя обследование и возложено было на Коллегию, но работать приходилось главным образом и почти единственно мне, как её председателю. Магер-Паули скоро исчез с нашего горизонта, а вместо него вошла в состав Коллегии (переименованной потом в Подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины) художница Ольга Людвиговна Делла-Вос-Кардовская, жена художника Дмитрия Николаевича Кардовского, переславского уроженца. Оба они покинули в начале революции Санкт-Петербург и проживали в своей усадьбе в Переславле близ Горицкого монастыря.

Раньше всего я был вместе с Альбицким в имении Бектышево Смоленской волости, в старинном родовом имении Самсоновых, которым они в качестве патриарших детей боярских владели ещё в начале XVII в. Со времени смерти последнего мужского представителя рода, Петра Евгеньевича Самсонова (после 1905 г.), имение перешло по женской линии к племяннику его, Евгению Николаевичу Волкову, бывшему перед революцией в чине генерала-лейтенанта управляющим кабинетом Николая II.

В момент моего посещения (2 февраля) усадьба была в целости, в ней находились два грандиозных деревянных дома, один конца XVIII в., другой — первой половины XIX в., поставленные в общей связи коридором, совершенно однотипным по стилю.

В новом доме был большой колонный зал, столовая, кабинет и жилые комнаты, в старом доме — театр и библиотека.

При доме — старинный парк, в котором было несколько еловых аллей, искусно подстриженных, и, кроме того, отдельные группы подстриженных елей в виде стогов, скирд и прочего. За парком, к селу, — фруктовый сад.

Имение сдавалось Волковым правлению Северных железных дорог, которое завело здесь молочное хозяйство, составив образцовый скотный двор из коров голландской породы.

Со стороны местных крестьян было немало поползновений расправиться с усадьбой, но дело обошлось благополучно. Было лишь одно воровство, причём исчезли из дома самовары и оружие.

Остальное всё было в порядке. И когда я осматривал дом, то впечатление было такое, что хозяева оставили его почти в том виде, какой он имел обычно. Не хватало, как говорили, некоторых картин и самой дорогой мебели, которую Волков увёз в Санкт-Петербург в 1917 и частично в 1918 году.

Кроме того, передано было в соседнюю талицкую больницу всё находившееся в доме бельё, ванны и прочее. И тем не менее, оставались тысячи вещей и мелочей: мебель и зеркала красного дерева в изобилии, фамильные портреты, картины (2-го и 3-го сорта), фотографические карточки, фарфор и фаянс, библиотека и богатый семейный архив, главным образом из писем с начала XIX в. и прочего.

По сравнению с другими усадьбами, эта была в Переславском уезде одна из самых богатых. Осмотрев её, я передал во Всероссийскую Коллегию докладную записку, в которой, описав положение дела, просил разрешения вывезти оттуда часть вещей для хранения в музее в Переславле.

Такое разрешение мне было дано центром и в уезде, но прежде чем серьёзно удалось воспользоваться им, сюда по старой памяти направилась Северная железная дорога, на этот раз от отдела образования, с просьбой разрешить им устройство школьной колонии. Дело разбиралось в Коллегии переславского отдела народного образования и решено было в пользу железнодорожников.

Я же в зимние месяцы устремил своё особое внимание в другие пункты уезда. Прежде всего за озеро в Нагорьевскую и Загорьевскую волости, или, как говорят крестьяне, «в Заместье». Там я нашёл в Нагорском исполкоме кость мамонта, хранившуюся в архиве земского начальника. Оказывается, что она была найдена в р. Сольбе пастухом задолго до революции. В Загорье, бывшем центральном имении Нарышкиных, оставалась сохранной со всей усадьбы одна бывшая контора крепостного времени, дом давно сгорел или был продан, не помню. Сельская молодёжь устроила в бывшей конторе народный дом и выдала мне остатки вотчинского архива Нарышкиных, сильно потрёпанного в революцию, и кое-какие старые книги (почти одни своды законов), а также масляный портрет одного из Нарышкиных — Анатолия Васильевича. Архив при ближайшем его рассмотрении оказался очень

ценным не для одного Переславского уезда, здесь были сведения о всех имениях Нарышкиных, раскинутых в других губерниях.

Положив его в сани, я увёз его, и хорошо сделал. Через месяц-полтора дом этот сгорел, и тогда погиб бы и архив.

Отсюда со своим спутником В. Е. Елховским мы поехали в бывший Сольбинский монастырь, в коммуну «Новая жизнь», переживавшую полосу новоселья на бывших монастырских харчах. Мы были радушно приняты, сытно накормлены, от чего у себя дома мы поотвыкли основательно. Здесь нам оставалось осмотреть церковь, так как всё остальное в кельях игуменьи и других исчезло. Пересмотрели мы ризницу, архив, библиотеку бывшего монастыря. Отобрали несколько рукописей, книг, икон; сложили на тот же воз и повезли с собой в Переславль.

Вскоре после этого с Г. П. Альбицким поехал я в другой угол Переславского уезда, где было несколько имений. Это юго-западный его край, известный в народе под именем «Кижилы». Первая по пути усадьба в сельце Плотихино была убогая и ветхая, как и её обитатели, старушка Ляпунова. Здесь была полная нищета; всё, что было, она ещё ранее этого переменяла на хлеб и картофель. Оставались у неё одни фамильные иконы. Относительно складня XVII в. она уверяла, что это тот самый, с которым Прокопий Ляпунов был в смуту под Москвой. Но это более чем сомнительно: переславские Ляпуновы только однофамильцы рязанских. Переславский Ляпунов в начале XVII в. был «скотным прикащиком» и в качестве такового владел Плотихином на поместном начале.

Следующая усадьба в с. Заболотье, Арманд и Аигина, не заключала в себе памятников помещичьего быта. По крайней мере, мне ничего не удалось здесь найти, кроме небольшой пачки вотчинных и земельных бумаг, да несколько книжек из библиотеки. Отсюда мы двинулись в сельцо Трёхселище, бывшее имение Тихменёвых, из которых один ранее был переславским предводителем дворянства, перешедшее потом по купчей к выкресту из евреев Рафаилу Борисовичу Левинсону, во время войны принявшему фамилию Леонтьева.

С запущенным имением, расположенным в живописной местности, недалеко от р. Дубны, он сделал настоящие чудеса. Провёл шоссированные дороги, разбил парк, насадил фруктовый и ягодный сад, соорудил новые постройки и так далее. Одним словом, создал уютный уголок, полный комфорта и довольства. За исключением некоторых вещей Тихменёвых и шитых картин, здесь почти всё было новое. Обращала лишь внимание в зале статуя Николая Можайского в серебряном одеянии и богатые коллекции шитых картин. Масляных картин не было, но были портреты. Когда я один женский портрет в парике и пудре отобрал для музея, то мне было сказано, что хозяин дорожит этим портретом, это его сестра... Так хотелось, очевидно, Левинсону иметь дворянских предков, что он опрометчиво выдавал за сестру чью-то прабабушку. Из этого имения, в котором я был потом несколько раз, взято было немного: часть шитых картин, гравюр и статуя Николая Можайского. Остальное хотелось сохранить как культурный независимый уголок. Так оно и было некоторое время.

Из Переславля вскоре потом мне пришлось ехать с В. Е. Елховским в усадьбу князей Гагариных — с. Гагаринские Новосёлки. Там, в старинном имении в бывшем княжеском доме, организовалась трудовая коммуна «Молот». Тогда же был заведующий земельным отделом тов. Кабанов, из почтово-телеграфных чиновников. Помню такой курьёз: увидев в стакане букет колосьев пшеницы, он удивился, какой овёс бывало тут родился. Но все больше удивились невежеству новоиспечённого начальника, чем злакам...

В противоположность другим усадьбам, здесь владельцы были налицо. Это старуха 80 лет Наталья Васильевна Гагарина и две её дочери: Виринея Васильевна Татищева и Анна Васильевна Татарина. Они занимали уголок в одном из флигелей, а вскоре были выселены и оттуда. В большом каменном доме было довольно пусто. Картин не было, мне сообщили, что перед войной они были отправлены в Санкт-Петербург на реставрацию. Но осталась прекрасная мебель карельской берёзы и часть невывезенной библиотеки, шкафы и прочее.

Так как коммунисты вселялись в усадьбу, то пришлось спешно всё увозить оттуда, что и было выполнено моим сотрудником В. Е. Елховским. Кроме того, В. В. Татищева добровольно отдала ему часть своих вещей для хранения в музее: «буль», другой шкаф палисандровый, фарфор и другие.

Покончив обследование имений по уезду, я принялся за переславские монастыри. В них главное внимание было обращено на небогоугодные вещи, библиотеки и архивы. Так, из Ни-

кольского монастыря вывезены были из кладовки под колокольной иконы XVI—XVII вв., архив, люстра Петровского времени и выносной фонарь XVII в. Из Никитского — несколько экземпляров старинного шитья, книг библиографического характера, тканей и прочее. Из Данилова — эмалевый крест конца XVII в. и некоторые другие мелочи, конечно, архив и часть книг. К сожалению, не нашёл я книги копий актов, которыми пользовался В. Г. Добронравов при составлении истории Данилова монастыря. Она, очевидно, попала в какие-то другие руки.

В то же время земельный отдел передал во владение музея усадьбу «Ботик» вместе с Петровским музеем, основанным в 1803 г., и прилегающей к нему землёй. Так как революционный угар угрожал сохранности вещей на «Ботике», то с разрешения Всероссийской коллегии пришлось часть их, наиболее мелкую и ценную, вывезти в Горицкий музей.

В результате напряжённой работы, произведённой мною с сотрудниками зимою 1919 г., оказался сконцентрированным значительный музейный фонд. Из дома Шилля перевезены были книги, картины и прочее зимою же, в то время, когда 3-я советская школа ещё не выселилась в другое помещение. От этого произошла неприятность. Ученики проникли в одно из помещений и расхитили часть акварелей и гравюр, вывезенных мною из Семендяйки. Так они и не были разысканы. К 1 мая школа выехала в другое здание, причём мною было проявлено напрасное великодушие при дележе имущества. Я потом очень жалел, что отдал столовую эмалированную посуду всю, постели, бельё и прочее. Всё это пригодилось бы мне для устройства экскурсионной базы.

28 мая 1919 г. оказалось возможным открыть музей для посетителей в составе восьми залов, а именно: картинной галереи (собрание И. П. Свешникова), художественно-бытового отдела (быт помещиков), отдела родиноведения (география, естественная история и прочее). Кроме того, при музее начала функционировать библиотека, организованная по типу книгохранилища, и исторический архив, составившийся из грамот и документов помещиков и монастырей.

В расстановке и развеске экспонатов помогала художница Кардовская и несколько человек молодёжи, принятой мною на службу в канцелярию музея. Предположено было комнату, посвящённую Петру I, расписать в стиле петровского времени и вместо стекольных рам в ней вставить слюдяные оконницы. Вместе с тем возбуждено было ходатайство об организации при музее реставрационной мастерской для осветления и расчистки старинных икон, которыми так богат наш край. Но осуществить то и другое без поддержки Всероссийской коллегии не удалось.

В то же время отдел образования приступил к постройке в усадьбе музея метеорологической станции и закладке плантации лекарственных растений.

Первоначально музей был открыт по два часа в день три раза в неделю, а затем без ограничения часов — по воскресеньям, средам и пятницам. Состав посетителей на первое время был, главным образом, учащиеся, а затем рабочие и служащие.

Значение нового культурного очага в Переславле сочувственно отмечено было местной и иногородней прессой; так, были статьи в «Известиях Переславского Совета» (1919 г. № 14), в «Известиях Владимирского губернского Совета» (№ 128/288), в «Деревенской коммуне» (№ 241), в «Голосе труда» (№ 12/212).

Между тем, во Владимире организовался Отдел по охране памятников искусства и старины, и возглавлявший его тов. Иванов Алексей Иванович был в большой претензии на Переславский музей за то, что он сепаратно ведёт дело. Нужно сознаться, что я и не подозревал о существовании губернского начальства до тех самых пор, пока не получил приглашения на музейный съезд во Владимир.

Съезд этот происходил 8—10 июля 1919 г., поехали мы из Переславля двое — О. Л. Кардовская и я. Встречены мы были довольно холодно, особенно попало мне за то, что наш подотдел издал воззвание и провёл через исполком обязательное постановление об охране памятников старины и искусства. Это сочтено было превышением власти...

На съезде я занял особую позицию и развивал ту мысль, что уездные музеи должны быть краеведными. Памятники старины должны быть представлены вместе с экономикой и природными особенностями края. Местный музей должен был отображать местную жизнь возможно разностороннее.

Моё сообщение произвело настоящее смятение и принято было ересью, смутившею преидиум. Казалось странным, как это можно говорить от художественно-археологического учреждения, как Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, о музеях иного типа. Но, тем не менее, пришлось со мной согласиться, ибо я был поддержан большинством участников съезда.

Личное свидание [с А. И. Ивановым] не исправило отношений, несмотря на всё моё старание. Более того, через некоторое время Губмузей разразился гневной бумагой, объявил недопустимым моё совместительство должностей заведующего подотделом и музеем, запретил в дальнейшем издание обязательных постановлений и отметил нежелательность непосредственных сношений моих с центральным отделом.

За меня вступился местный исполком:

Осведомившись об этом из доклада заведующего отделом народного образования т. Карташевского, исполком в заседании своём от 18 августа постановил: выразить протест по поводу требования Губмузея, как ничем не мотивированного и направленного на ущерб делу. Последовать этому распоряжению совершенно невозможно по той живой связи, которая установлена Всероссийской коллегией с Переславским музеем, а равно и потому, что при современных тяжёлых условиях сообщение с Владимиром, в который приходится отсюда ездить через Москву, невозможно осуществить это физически. Да, наконец, если бы и так, то что может дать Владимирский губернский подотдел? Располагает ли он такими средствами и силами, чтобы всецело взять на свою ответственность все последствия за успешное проведение дела?.. Поэтому исполком просит Всероссийскую коллегия отменить это распоряжение Владимирского губернского подотдела и предоставить право непосредственного сношения с ней Переславскому уездному подотделу, тем более что во главе его стоит представитель Всероссийской коллегии т. Смирнов.

Но если мне не удалось в поездку во Владимир завязать нормальные сношения с Губмузеем, то совершенно неожиданно удалось стать научным сотрудником Владимирского Губархива. Это было очень кстати, так как давало возможность несколько заработать. Ещё приятнее было то, что тут же уплачено было содержание с 1-го января. Мне, таким образом, за спасение и собиранье архивов было дано вознаграждение, а в дальнейшем предстояло охранять правительственные и приводить их в порядок. По этому поводу я до организации губернских архивных управлений принял весной 1919 г. срочные меры к обследованию переславских архивов. Для этой цели с согласия УОНО привлёк учителей, которых снабдил «Опросным листом Владимирской учёной архивной комиссии». Руководствуясь им, учителя составили описания всех местных архивов. Некоторые были довольно подробны и дельны. Так как часть архивов не была вывезена и погибла, то составленные сведения в этот период остаются теперь единственным памятником погибшего архива. Кроме того, я подавал в Московское Главное управление архивным делом докладную записку¹ и вызывался в Москву на организационный съезд, но, утомленный частыми поездками, не поехал. А там была речь обо мне, и предлагалось даже выделить Переславль-Залесский в особое управление. Назначение научным сотрудником было, в сущности, ответом на это. Около двух лет исполнял я эту должность, и потом вынужден был отказаться, ибо далее совместительства запрещены были одно время декретом.

Другое дело, которое я сделал во Владимире — это был вопрос о бурении в с. Усолье с целью возобновления солеварения на месте старинных варниц для снабжения местного населения солью, которую в то время трудно было достать. Нужно сказать, что перед самой войной я напечатал монографию «Соль Переславская», в которой на неоспоримом историческом материале устанавливалось существование на берегах р. Вёксы соляного промысла. Раньше я полагал, нельзя ли использовать заброшенный источник или колодец для целебных целей, и убедил в этом направлении местного фабриканта Андрея Андреевича Гольмберга. Моя мысль устроить там курорт ему очень понравилась. В конце июля ещё 1918 г. (то есть за год до поездки во Владимир) я ездил с ним в Усолье и взял пробы солёной воды. Одну — в с. Усолье из прежней соляной трубы на правом берегу Вёксы,

¹См.: Исторический архив. — СПб., 1919. — Кн. 1. — С. 486—487.

близ Козьей горки. Так как вся труба была забита грязью, палками, камнями, то пришлось набрать сверху мутную жидкость, страшно вонявшую сероводородом. Вторую пробу — в 6-ти верстах от Усолья в урочище «Варницы», на берегу р. Игоблы. Там оказался колодец тоже с деревянной трубой, через которую шла сильная струя воды. Пробы эти были отправлены в Москву в лабораторию товарищества В. К. Феррейн для производства анализа. В результате такового было найдено относительно усольской воды, что она относится к группе слабосолёных вод и не имеет цены как минеральная вода; а относительно Варницкой установлено, что она должна считаться минеральной, но ввиду большой загрязнённости и жёсткости для внутреннего потребления непригодна, а для ванн слаба. По этим соображениям и по ходу революционных переживаний и мне, и Гольмбергу было не до соляных источников, а потому дела пришлось оставить. Теперь, через год, мне казалось, надо было попытаться возобновить дело соледобыwania. По этому вопросу я неоднократно выступал с лекциями в Народном доме, в «Коммунаре» и других местах. Предлагал попытать счастье заложить скважину и снабжать население по старинке солью, вываренной из добытого через скважину рассола. Вот об этом я и повёл речь во Владимирском губернском земельном отделе. Там очень быстро сдались на мои предложения, и всё дело было решено за какие-нибудь 15—20 минут. После этого был запрос на место в Переславль в рабоче-крестьянскую инспекцию. Та дала также благоприятный отзыв, и дело с задержками, но пошло. Присланы были инструменты, приехал мастер, и в течение 1920 г. производилось бурение в Усолье. Всего пройдено было около 31 сажени [59 м], но рассол всё время был слабый. Товарищи нервничали, и дело в этом отношении закончилось ничем. Население же просто-напросто брало рассол и клало его в пищу. Но в другом отношении бурение дало богатые научные результаты. Исследование пройденных слоёв показало, что только на 30-й сажени [57 м] начинались коренные породы. Если принять во внимание, что глубина Плещеева озера 15 сажен [28 м], то выходит, что оно остаточного происхождения и что прилегающие к нему местности доледникового периода были большими водоёмами.

Но не начиналось ещё бурение, а в музее произошли перемены: весною 1919 г. был вытребован на военную службу мой сотрудник В. Е. Елховский. А с 1-го декабря того года поступил на службу в музей художник Дмитрий Николаевич Кардовский. Это было большое приобретение для музея. Талантливый художник и образованный человек, он много принёс пользы делу как строгий ценитель художественных предметов, положил начало составлению научного инвентарного описания музейных экспонатов, составил прежние перегородки в библиотечном зале в стиле эпохи Петра I, размещал и классифицировал в музее экспонаты и так далее. В то же время его жена Ольга Людвиговна продолжала состоять членом Подотдела и, таким образом, оба принимали близкое участие в делах музея, посещали усадьбы, производили вывоз новых вещей, особенно из Бектышева, после ликвидации в нём железнодорожной школьной колонии, которая небрежно обращалась с взятыми в её распоряжение вещами и вообще отплатила за оказанное ей гостеприимство дурно. Дмитрий Николаевич дослужил до осени следующего 1920 г. и затем устроился на службу в Москву.

Между тем, в том же 1919-м г. я с значительным успехом двинул библиотечный вопрос. Пользуясь тем обстоятельством, что на Подотдел по охране старины возложено было библиотечное дело, я произвёл учёт всех библиотек в Переславле и просмотр каталогов. В результате этой работы часть изданий, бывших балластом в других библиотеках, также издания антикварные и строго научные были взяты в центральную библиотеку при музее. Наряду с этим мною предпринимались разные меры к получению трудов от столичных и иногородних научных обществ и учреждений. С ними я вошёл в переписку и от одних получил издания бесплатно (например, от бывшей академии художеств), от других за плату (например, от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве; от Общества любителей истории и древностей и других). У себя же в Переславле получил разрешение от т. Г. Гольберштейна взять с чердака земства валявшиеся там в голубином помете брошюры и издания. Мы с В. Е. Елховским вывезли оттуда большой воз, и хорошо сделали. Потом библиотека земства была расхищена, и что мы спасли, то и осталось цело. Из Владимира удалось бесплатно получить некоторые издания губернского ведомства. Таким образом, в результате этих хлопот приток книг в библиотеку музея был значительный, и на первом же году её фонд заключал в себе свыше 20 тысяч томов.

Была ещё одна сторона музейного дела, которая наладилась довольно удачно. Это фотографирование памятников переславской старины. На отпущенные Всероссийской коллегией средства мне, несмотря на все запреты, удалось купить фотографических принадлежностей. На этом материале приглашены были два любителя — В. И. Маркелов и М. П. Лебедева. В течение лета 1918 г. они дали большое количество снимков, что Маркелов продолжал делать и потом.

В следующий, 1920 г. музей перешёл достаточно окрепшим и продолжал налаженную работу по развитию и углублению музейного дела в крае. Новостью была организованная заведующим УОНО Карташевским естественно-историческая лаборатория, а вернее, кабинет, начавшая функционировать с весны. Зимой устроены были столы, полки, приобретены микроскопы и другие приборы, посуда, реактивы, собрана библиотека определителей и так далее. На средства отдела Карташевский пригласил всех местных натуралистов и учителей естественных наук. Организованы они были отдельно от музея и самостоятельно вели дело. Собирали гербарии, определяли растения, собирали и определяли жуков и бабочек, делали чучела птиц, составляли геологическую коллекцию и так далее. На тех же основаниях появилась метеорологическая станция, поставленная в центре музейной усадьбы. Наблюдатель её также содержался на школьные средства. Это была большая и роковая ошибка Карташевского. Когда он на следующий год выбыл из заведующих отделом образования, то его заместитель не мог или не пожелал тратить на этот предмет средства, и дело разладилось. К 1 декабря 1921 г. иссякли последние субсидии УОНО, а лаборатория была закрыта. А метеорологическую станцию принял на своё содержание земельный отдел, она получала средства оттуда, а с 1924 г. из Москвы, от областной станции. Несмотря на все мои хлопоты в Москве, успеть ничего не удалось: дело было опоздано, начались по Наркомпросу убавки и сокращения.

В этом же роде произошло с плантациями лекарственных растений, которые Карташевский завёл, между прочим, в усадьбе Горицкого монастыря. Для этой цели здесь он вырубил значительную часть насаждений за прудом и вспахал щербенистую луговину, где только брал плуг. Дело шло крайне вяло, и только осенью 1920 г. кое-что было насажено в гряды. На следующую весну показались всходы ревеня и ещё каких-то растений. Но больше всего огородник потом сажал махорку. Когда Карташевский перешёл заведовать отделом здравоохранения, то эти плантации перетащил за собой в своё ведение. Они состоят в некотором роде там и теперь, по крайней мере, считается, что урожай принадлежит больнице. Но площадь их сравнительно с первоначальной сократилась, ибо на большинстве гряд рос бурьян. Эти гряды после экспертизы т. Сук перешли служащим музея под огород.

А музейное дело, между тем, шло своим чередом. Прежде всего, оно заключалось в дальнейшем изучении уезда со стороны памятников старины и охраны их. С этой целью по-прежнему посещались усадьбы, особенно Бектышево. Здесь был так называемый «Львовский домик», в котором жили рабочие; от их небрежности дом сгорел. Тогда они переехали в мансарды большого дома, пока им не построили другого. Всё время приходилось бояться за ценность здания и хранящихся в нём вещей. Кроме того, обследованы были в летнюю пору с. Дубровицы с усадьбой Михайловой и Смирновых, д. Охотино с усадьбой Ф. И. Шаляпина и художника Коровина К. А., усадьба «Святые отцы» Товарищества Переславской мануфактуры, — затем исторические церкви в уезде: Басмановская (каменная XVI в.), деревянные — в с. Спасском XVII ст. и в с. Воронцове XVIII ст.

Наряду с этим я изучал уезд в археологическом отношении и тщательно отмечал находки. Узнав, что в с. Никуленке у гр. Утина есть клык мамонта, найденный после полоёй воды на берегу р. Пышмы, я ходил туда пешком и принёс в музей. В д. Поворово, случайно разговарывая с крестьянином, нашёл у него череп тура (*bos primigenius*), обезображенный деревенскими ребятами. Но более всего мною было осмотрено городков и городищ (с. Добрилово, Рождествено, д. Антоновка и многие другие), найдены курганы (близ д. Киучер и других). В результате накопления этого материала составлена мною археологическая карта уезда.

О своих достижениях в этом деле я лично и письменно осведомлял Василия Алексеевича Городцова в Историческом музее. Тот обещался и порывался ехать сюда на раскопки. Но других не пускал и сам не ехал.

С накоплением новых материалов в музее открыты были в течение 1920 г. новые отделы: оружейный, в котором помещены были также некоторые предметы дворянского быта; из фотографий составлен отдел старинной переславской архитектуры, отдел иконографический, устроена выставка репродукций картин Третьяковской галереи.

В архивное отделение музея по-прежнему продолжалась свозка архивов, но более всего выигрывало библиотечное дело. Мне удалось открыть в Переславле комитет научных библиотек с самого начала года. Это была большая удача. Такие комитеты открыты были не по всем даже губернским городам. На содержание комитета даны были средства, и я содержал целых шесть человек в нём. Отпускались средства на покупку книг, так что явилась возможность, кроме реквизиций, пополнить библиотеку путём покупки и, следовательно, систематизировать её хотя отчасти.

Но главное, можно было в центральном фонде выбирать себе издания почти неограниченно. В первое время я увозил оттуда возами прямо на санях из Москвы до Переславля. А потом в каждый приезд в Москву отбирал что-либо полезное для библиотеки и возил по железной дороге. Комитет этот просуществовал весь 1921 г. и был закрыт весной в следующем году вместе со многими губернскими.

В то же время Главмузей тоже отпустил для библиотеки разные художественные издания и репродукции, в результате чего составилась в библиотеке очень недурной отдел по искусству. Количество томов библиотеки возросло до 30-ти тысяч.

В середине лета 1920 г. стали циркулировать слухи, что предполагается сбить украшения с памятника Петру I на «Ботике», особенно двуглавый орёл. По проверке в исполкоме слухи оказались верными, тогда пришлось выступить с протестом. А через несколько месяцев решено было обратиться под казармы «Новый собор» постройки 1740 г., отделанный лет 20 тому назад внутри в типе Васнецова и Нестерова и представляющий собою с художественной стороны самый лучший храм в Переславле. То же самое назначался под казармы Похвалинский храм и настоятельский дом постройки 1696 г. Против этого распоряжения тоже пришлось бороться. И хотя ответ на последнее был сердитым, но тем не менее без дурных последствий для памятников искусства. «...Президиум исполкома сообщает, — писали мне, — что исполком в целом не нашёл в соборах Новом и Даниловском никакого искусства и старины, а просто признает за обыкновенные церкви...» Так, памятник на «Ботике» и эти соборы до сих пор и сохраняются в неискажённом виде.

Это был, в общем, небольшой эпизод, в общем же нужно отдать справедливость исполкому: он всегда предупредительно относился к работе музея и заданиям центра в этом отношении.

Частые поездки в Москву, встречи с разными лицами там создали мне большой круг знакомств среди работников просвещения. Там, покупая книги в Обществе любителей естествознания, я познакомился с Владимиром Владимировичем Богдановым, которому первое время удалось быть даже председателем Академии истории материальной культуры. От него я получил ряд писем, что он организует в Переславль грандиозную экспедицию по изучению озера и нашей природы, а также фольклора и прочего. Был сам в Переславле, ездили мы на «Ботик», и затем с Д. Н. Кардовским и А. И. Острцовым были в Москве. Но «гора родила мышь», и вместо обещанной плеяды учёных приехал в середине лета молодой архитектор Владимир Афанасьевич Феокистов, занявшийся изучением типа крестьянских построек. Было ему задание обмерить знаменитые «Горицкие ворота», но этой работы он не осилил: нужны были помощники, средства на леса, но денег ему отпускали крайне мало, и он жил среди лишений и недостатка очень часто. Квартиру я ему устроил в Данилове монастыре в архиерейских покоях, где он прожил целых пять месяцев. Сделал он очень многое, вошёл членом нашего общества и напечатал потом «Словарь архитектурных терминов Переславского уезда».

Летом, в то время как здесь был Богданов, приехали в Переславль дотоле совершенно не знакомые мне профессора: Борзов Александр Александрович и Янчук Николай Андреевич. Оба они работали в экспедиции по изучению придорожных районов Северных железных дорог, организованной Агрослужбой этой дороги, или, вернее сказать, Василием Сергеевичем Кашиным, начальником этой службы. Если бы не Богданов, то я устроил бы их на «Ботике», но тот постарался этому помешать, и я направил их в с. Дубровицы недалеко от ст. Рязанцево, где они и устроили свою базу. Один как географ изучал восточную

сторону уезда со своей точки зрения, другой занялся материальной культурой. Потом вторично оба они были у меня в августе и пригласили работать с ними. И таким образом, я сделался научным сотрудником экспедиции, что мне было и приятно, и полезно. Я стал там подрабатывать малую толику и снабжать экспедицию Переславским фольклором. В этой экспедиции я работал до самого 1923 г., то есть почти 2,5 года. Пользовался бесплатным проездом по железной дороге, получал гонорар, напечатал два сборника, — но нужно сказать, не так, как бы желал. После того как умер Янчук, этнографическая экспедиция осталась без руководителя, мои материалы без обработки и систематизации были пущены в печать. Я был очень огорчён. Предполагалось Янчуком напечатать там большую работу, им редактированную — «Хорографическая номенклатура Переславского Залесья», но вышла она велика, и довести дело до конца так мне и не удалось. Насилу я разыскал потом мою рукопись. На следующий 1921 г. Янчук прожил у меня в Данилове дней 10, между прочим записал музыку редкой обрядовой песни «Похороны князя» от пожилой певицы с. Красного Авдотьи Ивановны Фадеевой. Вскоре после этого он помер, зимой, среди разных огорчений, немалой причиной чего был упоминавшийся выше Владимир Владимирович Богданов.

Лично для меня 1920 г. был очень тяжёл. Простудившись зимою во время служебной командировки на районный съезд учителей в Плотихино, я заболел невралгией головы. Что-то вроде удара случилось со мной во время лекции в Заболотье. Я прохворал почти весь январь, а ослабленный плохим питанием организм снова заболел осенью карбункулом. Неудачное лечение вначале усилило болезнь, и я чуть не умер. Повязку носил сто один день.

Хорошо, что с осени Наталья Викторовна поступила на службу в железнодорожную строительную контору Переславль-Берендеево. Там она получала жалованье и паёк, что было нам на руку. Несмотря на мои заработки в разных местах, мы все жили плохо и питались скудно. С её же службой дела поправились.

Квартировали мы тогда в Данилове монастыре, куда переехать заставила необходимость. Весною, в poste, заболела на прежней квартире ревматизмом моя дочь Соня вследствие сырости, гнездившейся в доме. Мой переезд был крайне неприятен архиерею Дамиану, жившему тогда там. Но, к счастью, долго с ним мне не пришлось сожительствовать: его, как человека антисоветски настроенного, скоро арестовали и вывезли вон. Без него стало лучше. Но всё же, по существу дела, я квартировал не там, где мне следовало. А мне следовало быть при собранных мною культурных ценностях, следовательно, вблизи музея или, точнее говоря, в непосредственной близости к музею. Ибо оставлять его на сторожей одних в пустынном углу города было рискованно, об этом я говорил неоднократно тов. Карташевскому. Но у него были свои, особого порядка соображения: пусть крадут, но жить заведующему музеем там не дам. Перед тем, как переехать в Данилов, я просил его согласия хотя бы на сторожку в воротах Горицкого, он на это мне написал записку с отказом, в которой буквально было сказано, что мой переезд туда с семьёй «почти незаконен» (!). Настроил в этом роде исполком, и мне оставалось покориться. Но, как и следовало ожидать, произошёл неприятный казус. Нанятый через биржу труда сторож Г. Шабанов, земляк Д. Н. Кардовского (из д. Осурово), оказался квалифицированным вором (по прозвищу «Сосунок»). Пользуясь такой свободой, что с 3-х часов до 9 часов утра оставался хозяином положения, он, понятно, воспользовался случаем и обокрал музей: подобрал ключ, отпирал в запасной кладовой замок и крал фарфор Татищевой. Спустил в Большой Бремболе и других местах чашки, тарелки и прочее, менял их на яйца. Открылось это не сразу. А когда открылось, то следствие велось так, что ничего не выяснилось. Но удалось выпереть его из музея, а охрану его поручить милиции, которая и охраняла его несколько месяцев.

Таким образом, ход вещей заставил меня перебраться в Горицкий, что я и сделал, впрочем, в марте следующего года, когда снова приехал сюда после суда епископ Дамиан. Чтобы не встречаться с ним и быть в то же время там, где велит мне долг, я и переехал в музейные помещения, устроив здесь же и своего сотрудника Елховского, возвратившегося из армии осенью 1921 г. Пользуясь прекрасной осенней природой, мы с ним совершили пешком продолжительную экскурсию по уезду в далёкую Ведомшу, Шепелево, Вишняково, Кижилу и через Осипову пустынь домой. Набрали немного фольклорного материала, среди которого был духовный стих — «Фёдор Керин» и другие.

Это была новая служебная работа, так как подраздел официально был переименован в комитет по охране памятников старины, народного быта и природы.

Так как я и раньше занимался этнографией и фиксировал всё, что только можно, особенно обряды, исторические песни, то новая обязанность была только приятна.

Что же касается природы, то пришлось войти в сношения с лесничими, отделом охоты и совместно с ними выработать список мест и памятников природы, которые следовало охранять. Обязательное постановление об этом было составлено мною и издано исполкомом в январе 1922 г.

В то же время прежняя обязанность по охране помещичьих усадеб давала себя знать. Особенно неприятно обстояло дело с Бектышевым. Чтобы хранить вещи, пришлось поместить там сторожа по ликвидации школы-коммуны. Кроме того, мною была дана возможность местным учителям устроить там свой эстетический уголок или маленький музей для школьников. Отделил для этого часть дома, выдал вещи им, а остальные сложил в двух комнатах. Но те не раскачались, ничего не сделали. А управляющий именем латыш Гаспсал, грубый и нахальный человек, давно с завистью смотрел на дома и находящееся в них имущество. Он составил какое-то общество животноводства с представителями центра. Через Наркомзем в одно время была получена бумага грубого характера относительно выдачи новому Обществу вещей из дома. На этот выпад была достойная отповедь, а потом с разрешения Главмузея оставшееся имущество было поделено. Сделал это по поручению Комитета Николай Матвеевич Георгиевский так неудачно, что обнаружил полное своё незнание в этом деле. «Ожив», как называли себя арендаторы, очень быстро возбудили вопрос о перестройке домов. Оказывалось, имелось в виду старый дом сломать и из него сделать новую свинарню. Я с успехом этому помешал через Главмузей. Но в следующем году всё же пришлось ликвидировать все вещи или, вернее, они ликвидировались в доме сами собой. Случилась какая-то таинственная история. Сторож жил в доме, вещи были опечатаны. Увезти их было невозможно, ибо крестьяне, несмотря на наряды по гужналогу, не везли, и сделать с ними чего-нибудь я не мог. В один из моих приездов в начале 1922 г. обнаруживаю, что большая часть вещей похищена. Что можно было, мы с Елховским взяли, а остальное сдали в «Племхоз», как переименовало себя управление именем. Милиция организовала потом дознание, новое производство кануло в лету, и я не добился никакого ответа. Пропали великолепные вещи: зеркало красного дерева амбир, трюмо, фарфор и так далее.

А с другой усадьбой Трёхселище, взятой в аренду Главрезинной, тоже было тревожно. Ловкачи из Москвы как-то сделали так, что УЗУ,¹ не уведомив Переславский Наробраз, передал это имение Главрезине. Богатейшая усадьба с колоссальными запасами хозяйственных принадлежностей и материалов, с показательными садами и парками попали в руки дельцов, которые сначала прикрывались фиговым листочком, что они устроили тут сельскохозяйственного типа школу, а потом старались отделаться от надзора комитета всеми силами-неправдами. Дальность расстояния, а затем переход Хребтовской волости в Московскую губернию прекратили навсегда всякое отношение к этой усадьбе.

1920 г. был очень богат посещениями из Москвы от Главмузея и других учреждений. Прежде всего, весной явилась довольно многочисленная комиссия Главмузея по описанию здешних древностей. Среди прибывших выделялся как специалист по иконографии Евгений Иванович Силин, по шитью Татьяна Николаевна Александрова-Дольник и другие. Комиссия работала изумительно много, не менее часов 10—12 в день, а питалась плохо. Сделано было очень многое: описаны со вне и изнутри с вещами все монастыри, соборы и часть (малых) церквей. Все участники устали страшно и не могли выдержать такого режима более 10 дней. Можно сказать, что только их работа положила прочное начало изучению переславских церковных древностей.

Осенью приехал Василий Иванович Троицкий, спец по серебру, также от Главмузея, а с ним от экскурсионной базы Москвы приехала Мария Михайловна Себенцова. Последняя, милый, симпатичный человек, изучила Переславль самым добросовестным образом. Составила план экскурсий по нему и в сокращённом виде прислала его потом мне. Завязавшее с ней знакомство поддерживается мною до настоящего времени.

¹Уездное земельное управление. — *Ред.*

А на «Ботике» в то же лето мною устроена была экспедиция профессора Д. А. Ласточкина со многими ассистентами, занявшаяся изучением Плещеева озера. Ещё раньше его посещал с этой целью проф. Павел Гаврилович Борисов [...], от Петровской академии — Савич, а позднее проф. Скадовский.¹ В то же время был Дейнега от Общества естествознания при Московском университете.

Ласточкин изучал планктон. Отличаясь необычайной требовательностью и нахальством, он надоел мне основательно своими претензиями и неблагодарностью.

Результаты его исследований мне не известны. Напечатал ли он что-либо или нет?

Неожиданно поселилась на «Ботике» ещё другая экспедиция, именовавшая себя также учёной, работавшая от военного ведомства. Это экспедиция физиков по изучению звука. Ко мне с длиннейшим мандатом явился Александр Иванович Ширский и предъявил требование, чтобы я отдал им Белый дом на «Ботике» под экспедицию. Но так как там был Ласточкин, то я и направил его к нему для уговора. Вместо обещанных профессоров тут начали селиться евреи и еврейки, все они ездили на автомобилях, вели шумный и весёлый образ жизни, а изучение звука сводилось к тому, что они палили временами из разного рода оружия, нередко ночью, когда другая экспедиция спала. Особенно буйно себя вёл и сумасбродно один член экспедиции, изобретатель, как он именовал себя (впрочем, они все были изобретатели...), Леонид Васильевич Курчевский. Палил из револьвера, когда ему вздумается, бешено мчался на автомобиле и так далее. Когда уехала экспедиция Ласточкина, он самовольно ввёл в Белый дом группу солдат, и можно было ожидать худшего, но начавшиеся холода выкурили изобретателей в Москву. Когда я потом рассказывал об этой странной экспедиции на краеведной конференции проф. Краевцу, то он диву давался: оба эти, Ширский и Курчевский, были в комитете ВСНХ такие тихенькие и скромные молодые люди...

Осень этого года ознаменовалась Всероссийскими конференциями в Москве, созданными Центрархивом в октябре, а в декабре Главнаукой по краеведению.

Начало 1923 года прошло в толках об изъятии церковных ценностей на борьбу с голодом, а 4 марта последовала инструкция, составленная для этой надобности Главмузеем. Редактирована она была с большой ясностью и определённой, что именно и было нужно на местах. Вещи до 1725 г. были забронированы совершенно, в виде исключения допускалась ликвидация ценностей эпохи от 1725 г. по 1835 г.; запрещалось нарушение цельности ансамбля и прочее.

Вслед за этим Главмузеем выслан был мне мандат (от 7/III № 1352), уполномочивавший меня быть экспертом и членом комиссии по Переславскому уезду по отбору церковных ценностей. Затем исполком предложил мне участвовать в предварительных заседаниях по выработке плана кампании и формах акта. С первых чисел апреля началось самое изъятие. В первую голову произведено это было по переславским монастырям Данилову, Никольскому, Фёдоровскому, Горицкому, Никитскому. Во главе кампании стоял председатель исполкома т. Рыбаков Иван Яковлевич, человек осторожный и тактичный. В его руках дело шло без сучка и задоринки. Далее по городским рядовым и по всем уездным церквям посланы были мелкие подкомиссии, работавшие одновременно. Свою экспертизу я перенёс в финансовый отдел, где и составлялись окончательные акты. Вещи из церквей поступали сюда и здесь сортировались. После этого опять с т. Рыбаковым были вместе на изъятии и сборе в церкви князя Андрея.

Всего поступило в казначейство для отправки в Центр около пудов, а кроме того осталось за музеем 586 вещей, в том числе 3 раки, водосвятные чаши, потиры, кресты, оклады и прочее. Вся эта масса вещей свезена была из казначейства в ризницу Данилова монастыря, а монастырские ценности пока оставлены были по местам.

В середине мая я получил из Губмузея от заведующего Иванова письмо, а в приложении к нему инструкцию по изъятию ценностей из музея. Затем я получил официальное предложение о том же. Мне прислана была оттуда «Инструкция по разбору и научно-художественному определению ценностей, находящихся в музейных хранилищах Главму-

¹Возможно, это тот же Садовский, что и в Нижнем Новгороде, но напечатанный с ошибкой. Тут уж наверняка только в рукописи можно узнать, но вот откуда её взять? — *Ред.*

зея», а также «Положение об особой центральной экспертной комиссии Государственного фонда Главмузея».

В то же время из местного исполкома я получил копию инструкции о дополнительном изъятии ценностей, между прочим, и из музея. В инструкции, между прочим, говорилось:

2. Произвести дополнительное изъятие в более богатых церквях и вообще в которых изъятие проведено слабо.

6. Предметы, относящиеся с 1720 г. по 1835 г., большей частью должны быть изъяты, в отдельных случаях по усмотрению комиссий возможно оставление единичных предметов, имеющих особо художественное значение, такие предметы остаются на учёте Главмузея.

8. Безусловно, изымаются предметы, хотя бы и художественные, если они не имеют определённой даты обозначения, что они относятся к 1725 г.

10. Решительно бороться с поползновениями духовенства к неполной сдаче, стремиться как можно больше изъять и оставить самое необходимое число предметов.

В бумаге же Губернской комиссии рекомендовалось следующее:

При изъятии ценностей из музея необходимо придерживаться следующего порядка: все предметы из ценного металла, не представляющие из себя художественной или исторической ценности, с согласия администрации музея должны быть изъяты немедленно и переданы в уфинотдел для отправки в губфинотдел. Эта работа должна вестись совершенно отдельно от работы по изъятию ценностей из действующих церквей, и всем изъятым предметам вестись особый учёт.

Получив столько противоречивых распоряжений, естественно, я должен был обратиться в Главмузей. Когда я приехал туда, то там проходила конференция центральных музейных деятелей (Москвы и Санкт-Петербурга). Меня поразило то, что в Главмузее привезённые мной распоряжения не были известны таким, например, лицам как Н. Г. Машковцев, а на конференции о них никто не имел понятия. Оказывается, что мне сообщили попросту секретные распоряжения, о которых в Главмузее знали только три лица.

В Главмузее я получил разрешение выдать из художественных ценностей дублеты XVIII и XIX вв. и, приехав в Переславль, организовал комиссию по пересмотру музейных ценностей. В августе она закончила свои работы, и 151 предмет, в том числе, Даниловская серебряная рака, всего весом около 10 пудов [164 кг], было сдано в казначейство.

Я упомянул выше о музейном съезде. Это был осколок того, что требовалось сделать от Главмузея на предшествовавших конференциях. На краеведной прямо предъявлено было требование о Всероссийском съезде, ибо накопилось всяких вопросов к разрешению в музейной области множество. Но вместо этого сделано было нечто частичное. На этой конференции я встретил своего костромского брата Василия Ивановича и заведующего Ростовским музеем Дмитрия Алексеевича Ушакова, и мы подговорили последнего устроить у него свой областной съезд с тем, чтобы организовать своё бюро и при помощи его защищать своё дело. Тот парень ходовой, просить его долго не приходится, приехав в Ростов, разослал приглашения на конференцию. Кроме того, лично мне он сделал предложение прочитать в ихнем отделении археологического института курс по истории Переславского края. Разумеется, я принялся за это дело с большим интересом и к первым лекциям написал вчерне очерк, посвящённый начальному обзору истории Великодержавии, где проводил ту мысль, что колыбелью её было Залесское «Ополье».

Съехались мы 7 сентября. Официально он назывался «Съезд представителей музеев, архивов, библиотек и краеведческих обществ Русского севера». В день приезда я успел дать две лекции, одна вслед за другой. Мой брат предполагал читать наутро. Но вот во время моей второй лекции вызвали куда-то Ушакова, я окончил чтение и жду со слушателями (которых собралось много, и среди них я имел шумный успех) его, чтобы решить некоторые вопросы на завтра. Но мне потихоньку сообщают, что в музее обыск и что отделение института закрывается. Всё это и подтвердилось через несколько часов. Наш съезд ликвидировался сам собою, мы успели выработать лишь одну резолюцию. В составлении её участвовали от Ярославля Нил Григорьевич Первухин, от Иваново-Вознесенска Бурылин, я с братом и Ушаков. В этой резолюции отмечалось тяжёлое положение музейного дела

в провинции и полная его беззащитность и учреждалось бюро, разумеется, с разрешения властей.

В Москве отлично поняли, в чей огород мы метили, и долго корили нас этим съездом, но он сделал своё дело, там стали более внимательны к нашим нуждам, хотя бы на первое время. А Бюро Краеведения стало после этого так работать, что не оказалось никакой необходимости в Ростовской организации.

Но я забыл сказать, что Московская музейная конференция случайно лично для меня имела благоприятные последствия. Ещё на краеведном съезде в Москве было постановлено дать нам, краеведам, академические пайки. Но дело всё безнадежно велось и так дошло до июля. Я много раз добивался решения этого вопроса, который мне успешно решить обещали со всех сторон. Увидя на музейной конференции Ивана Ивановича Гливенко, заведовавшего Главнаукой, я напомнил ему о том, что до сих пор не получено пайка. Так как наутро было заседание регистрационной комиссии, то он распорядился её секретарю напомнить о нас (с братом и Ушаковым), и все мы были зачислены во второй разряд учёных. Это было большое подспорье мне, и я стал очень хорошо питаться, получая продукты в Переславле. Но потом (с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1924 г.) пайки были заменены денежными выдачами, а наконец, и совсем прекращены...

Осенью того же 1922 г. в окрестностях Переславля происходили манёвры. Это внесло в жизнь нашего захолустья большое оживление. Ещё за несколько месяцев до этого у меня был офицер из Ярославля, собиравший всевозможные сведения о нашем крае. Купил здесь литературу, какую можно было найти. А с началом манёвров в музей повалили толпами офицеры и красноармейцы. Мне пришлось читать им лекции о Переславле, давать объяснения в музее о различных частях города. Делая это, я рассчитывал, что они сделают что-нибудь для музея. Аэролетчики обещали мне прокатить на аэроплане над Переславлем, дать в музей по экземпляру снимков, но... ничего этого не случилось, несмотря на мои потом поиски в Москве. Манёвры здесь окончились неудачно, и все эвакуировались раньше срока.

Нежданно-негаданно вдруг на музей обрушилась беда. Состоялось постановление (22/ХП—1922 г.) нового исполкома о переводе музея в центр города. Нужно сказать, что этому предшествовал съезд Советов, и Рыбаков И. Я. получил новое назначение, в президиум вошли новые, чуждые Переславлю лица, которые не знали никого и ничего. Пользуясь этим, заведующий УОНО П. Я. Романов решил свести счёты с ненавистным ему музеем, который не только не признавал его власти, но, не смущаясь, указывал ему на его невежество и непригодность для роли заведующего. Это тип советского карьериста, малограмотного, хитрого и проницательного. В половом отношении у него было что-то общее с Гришкой Распутиным. Первое время, пока не женился на архиерейской мирносице, прославился декамероновскими подвигами. Он подал в президиум нового исполкома докладную записку о том, чтобы перевести в Горицкий, в помещение музея, все детские дома, а музей в центр города. Узнав об этом стороной довольно долго спустя, я со своей стороны подал контрзаписку, в которой доказывал абсурдность этой меры. Но добился только того, что детские дома переводить в Горицкий отдумали, но меня решили проучить, взяв мою деятельность под подозрение.

Самое постановление сформулировано было так:

Предварительно снести по данному вопросу с Главмузеем, прося о переводе уездного музея в центр города, который (?) до настоящего времени находится на окраине города, и оторван от жителей, а главным образом, от рабочих масс. Одновременно войти с ходатайством перед Главмузеем о передаче идейного руководства над Умузеем — Губмузеем, а также принятие такового на своё содержание...

Последняя прибавка явно была по мне, и когда я узнал об этом недели две спустя, то счёл необходимым обратиться в разные советские органы за аттестацией своей «идейной» деятельности, и результаты для УИКа вышли неблагоприятные.

Обо мне дали прекрасные отзывы: уполномоченный ГПУ, комсомольцы, а главное, УКОМ.¹ Секретарем последнего временно состоял И. Я. Рыбаков, и вот как он реагировал на это:

Предложить через фракцию УИК постановление президиума по этому вопросу немедленно отменить по следующим соображениям:

1. Помещение Горицкого монастыря является одним из наилучших подходящих зданий для Музея, так как и само-то здание имеет историческую ценность и значение для Переславля, — в городе же подходящих зданий, могущих вместить ценность музея, нет. Причина: дальность расстояния от города (1—1,5 в.) не уважительна, ибо посещение музея происходит тем или иным гражданином не ежедневно, а может быть, один раз в год.

2. Передача идейного руководства над Музеем Губмузею настолько не основательна, что нет даже желания и возражать. Заведующий Музеем т. Смирнов не только может идейно руководить Музеем, но он с успехом руководит научным обществом и состоящей при нём секцией школьных работников, читает лекции по разным вопросам в школах, среди рабочих и вообще граждан, что даёт полное основание ему доверять как честному работнику, работающему не покладая рук в области просвещения и борьбы с нашим невежеством. И по первому зову партии, или уисполкома, или УОНО т. Смирнов на призыв является первым и всякие поручения исполнял добросовестно.

Президиум уездкомпартии считает, что постановление УИК явилось плодом недоразумения, так как члены президиума нового УИК мало знали о работе Смирнова, но для реабилитации необходимо постановление срочно отменить и довести до сведения Губ. и Главмузея. (18/1—1923 г.)

В тот же день состоялось постановление УИК такого рода:

В отмену постановления президиума 22 декабря 1922 г. оставить Музей в занимаемом помещении бывшего Горицкого монастыря и в отношении заведующего Музеем согласиться с мнением УКОМа, указанном в отношении № 87.

После этого я написал т. Романову записку, в которой указал ему, что он провалился со своими кознями против музея, и если хочет поддерживать хотя бы худой мир со мной, то пусть даст письменный отзыв о моей деятельности и устный публичный на годичном собрании нашего Научно-просветительного общества.

И то и другое он выполнил старательно. Публично так расхвалил, что мне было неловко. А в удостоверении писал:

За всё время своей работы гр. Смирнов проявил себя с хорошей стороны, как по отношению возложенных на него обязанностей, так и по отношению к советской власти вообще.

Кроме того, гр. Смирнов состоит председателем Переславль-Залесского научно-просветительного общества, где также в работе им проявлена инициатива, самостоятельность и стремление к изучению родного края, а его труды дали возможность применения в школах уроков краеведения.

Словом, всюду видна его творческая работа, и УОНО считает его ценным работником на занимаемых им должностях. (20/1—23 № 142.)

Но Романовым не был выполнен ещё один пункт, а именно: не введено краеведение во 2-й ступени, что я ставил ему на вид и даже предлагал бесплатно свои услуги. Когда я напомнил потом ему об этом, он обиделся и пожаловался в партию и ГубОНО. Этим воспользовался заведующий Губмузеем А. И. Иванов и написал гнусное письмо, а затем последовало официальное замечание, которое я отпарировал подробной запиской о своей деятельности и деятельности УОНО.

Набравшись храбрости, Романов через несколько времени стал писать угрожающие бумаги, вроде, например, следующей:

¹Уездный комитет Коммунистической партии. — *Ред.*

...Музей, как составная часть УОНО, должен работать не самостоятельно, а в контакте с УОНО, и все задания по музею и Пезанпробу необходимо проводить с ведома и согласия последнего, в противном случае УОНО будет вынужден принимать соответствующие меры...

Тогда я собрал всю переписку и направил её вместе с письмом Иванова в Главмузей. В ответ на неё получено было авторитетное указание УОНО на его претенциозность.

Отдел по делам музеев считает необходимым указать, что, очевидно, уездный отдел наробраза недостаточно точно осведомлён о последних постановлениях, регламентирующих деятельность государственных учреждений.

Переславль-Залесский музей, как выключенный в сеть государственных музеев, руководствуется в своей работе указаниями отдела музеев Главнауки и совершенно не является учреждением, подведомственным УОНО. Государственный музей должен координировать свою деятельность с УОНО, но не обязан подчиняться распоряжениям последнего... (27/III—1923 г. № 1337.)

Так закончилась эта неприятность, испортившая мне немало крови. А пока она тянулась, в самый её разгар, происходила ликвидация монастырей.

Постановление об этом было вынесено попами живой церкви на съезде во Владимире. Из Переславля там было двое — Чижов Алексей и Виноградов Иван. Их руками и производилась ликвидация. При отделе управления организована была особая комиссия, в которую попал и я. Первоначально попы принялись за монастырь Данилов, очевидно, как архиерейский дом, хотя самого епископа Дамиана давно уже тут не было. Путались они и робели вначале, а потом вошли в роль. Переписывали всё церковное имущество, из которого выделялось музейное, а затем передавали его коммунальному отделу, который, не теряя времени, со своей стороны, вывозил из монастыря мебель, ковры, посуду и прочее. Монахи были выселены в течение двух недель. Последняя монастырская служба в Похвалинском храме была совершена 5 февраля (нового стиля 1923 г.), и, таким образом, организация, существовавшая с 15 июня 1508 г., перестала жить. Конец её был печален. Монахи были одно убожество, паразиты и дармоеды. Ни одного идейного человека. Смерть, можно сказать, была заслуженная.

По постановлению того же съезда живоцерковников надлежало уничтожить мощи. Но на это не рискнули наши попы. И даже выдали эти мощи Даниила группе верующих, взявших в своё ведение Тихвинский храм над воротами. Любопытно отметить, что главное ядро прихожан — жители улицы Володарского, и во главе дела об открытии прихода стал бывший комсомолец.

Следующим монастырём, подлежащим ликвидации, был старинный Никитский, возникший, надо думать, во времена Клещинские. Отстроенный Грозным, он сохранился великолепно до наших дней, но ко времени ликвидации его достаточно пощипал агропункт, обосновавшийся в нём в революцию. Весь инвентарь, мёртвый и живой, был использован им, и осталось ликвидировать только церковное имущество. Монахов было немного — человек 5, да и те одно недоразумение. Закрыт был монастырь 16 февраля 1923 г., то есть не менее чем через восемь столетий от своего основания.

В противоположность «непогребённым мертвецам» монастырям мужским, женские переславские монастыри отличались большой живучестью. Кроме того, что они были монастыри, в то же время [они] были трудовые артели.

Ликвидировать их нужно было дважды, как монастырь и как артель. И артелями трудовыми они были не на бумаге, а на самом деле.

Монашины Никольского монастыря (основанного около 1350 г. Дмитрием Прилуцким) составляли огородную артель. Но они сделались жертвою интриги. Поп А. Чижов организовал из них группу человек в двадцать живоцерковниц. Они взорвали артель изнутри и по ликвидации монастыря (22/II—23 г.) первое время оставались хозяевами положения. К ним остальные 80 сестёр не пожелали пристать, были изгнаны из монастыря, а через некоторое время удалены были и живоцерковницы. Всё имущество артели пошло в коммунальный отдел.

Последним был закрыт монастырь Фёдоровский (основан 8 июня 1304 г.), отчаянно борющийся за своё существование. Он составлял сельскохозяйственную артель, заключавшую в себе около 500 человек. Кроме самого Фёдоровского монастыря в качестве филиалов

было три «пустыни» — Берендеевская, Алексеевская и Воскресенская, где велось прекрасно поставленное хозяйство с многочисленным живым и мёртвым инвентарём. Монастырь был закрыт 1 марта, но по примеру других монастырей и здесь образовалось общество верующих, взявших в своё ведение Введенский храм. Это давало возможность сёстрам отправлять свои культовые потребности.

Одновременно с этим у Фёдоровской общины (монашеской), владевшей двумя храмами и воротами Горицкого монастыря, отобраны были эти последние (10/IV—23 г.). Дело в том, что стремясь к расширению, Фёдоровский монастырь понемногу прибирал к своим рукам и Горицкий, чтобы со временем обратить и его в свой филиал. Не удалось это только потому, что время пришло другого порядка.

В сторожке при воротах, оберегая храмы, жили монахины. Они старались жить и потом. Их было две. Но ещё весной минувшего года в деревянную пристройку, ведущую в Никольскую надвратную церковь, ударил гром, но пожара не последовало. Вдруг утром 27 июня (22 г.) эта пристройка загорелась. Оказалось, что кто-то поджёг. Так эта тёмная история не выяснилась до сего времени.

Но так как с ликвидацией общины Троицкие ворота могли остаться в разорённом виде (исправлены они были плохо, а бурей 28 января 23 г. их крыши задрало и сорвало), то я возбудил дело о поправке здания за счёт артели. Дело было поставлено в отделе управления так, что всем грозил суд, опись имущества и прочее. На меня посыпался град проклятий по всему городу. Но дело сделалось к обоюдному согласию, полюбовно. Я дал согласие, чтобы ремонт делали они сами, что и исполнили в короткий срок.

Между тем, Фёдоровская артель судорожно билась за своё существование, хлопоча в центре и губернии. И казалось, дело обстояло прочно, артель готовилась к сельскохозяйственной выставке в Москве и считала своё положение прочным. Как внезапно арестованы были главные руководители артели, а сама артель разогнана 20—24 июня (1923 г.).

Ликвидация монастырей имела следующие последствия. Во-первых, оставшиеся в ризницах ценности надо было перевезти в Горицкий, что мы с Елховским В.Е. и сторожем Жировым определяли, помещая всё в ризнице Горицкого собора. Во-вторых, охрана монастырей, как архитектурных сооружений прошлого, переходила теперь от монахов к кому-то другому. Но к кому? Здания и имущество забирал коммунальный отдел, совершенно не компетентный и не заинтересованный в деле охраны старины.

Тогда Главмузей обратился в переславский исполком с бумагой, прося передать ликвидированные монастыри мне, как уполномоченному Главмузея. Но УИК не спешил это делать. Потом последовала из ВЦИКа телеграмма во Владимирский губисполком, коей предписывалось передать по губернии музейному отделу 13 монастырей, в том числе Горицкий, Никитский и Данилов. 9 марта состоялось постановление губисполкома, но здесь, на месте, дело двигалось туго. Ускорить его приехал из Музейного отдела реставратор Григорий Осипович Чириков. По этому вопросу с его участием было несколько заседаний, и в конце концов после его отъезда (24 марта 1923 г.) состоялось постановление УИК о передаче означенных выше 3-х монастырей.

Горицкий передан был полностью (10 апреля), Данилов не только с землёй и зданиями внутри ограды, но и с окружающей землёй в количестве около 3-х десятин [3,4 га]. Что же касается Никитского, то никак не хотели отдать его с окружающей землёй. Отдали его всё же внутри монастыря полностью, но с тем, чтобы бесплатно помещался там агропункт и школа, с монастырских садов $\frac{1}{4}$ валового дохода.

Ко времени приёмки (4—5 апреля) Данилов монастырь был заселён разным сбродом, и в бывших казначейских комнатах, где на сводах я обнаружил ещё ранее роспись XVII в., поселились девицы из бывшего детского дома и занялись проституцией. Не много лучше было и в других квартирах, и на первых порах пришлось бороться с квартирантами, чтобы они не тащили и не хулиганили.

В Никитском в момент приёмки обнаружена была (25 мая 23 г.) следующая картина. При въезде в ворота гуляли три огромные свиньи, весь монастырский двор был ими изрыт, как будто вспахан; то же в садах; братский корпус с выбитыми стёклами, то же в школе, занявшей настоятельские комнаты, крыша над ней и братским корпусом была раскрыта и так далее. Одним словом, разрушение было самое хулиганское, учинённое учёными агрономами...

Получение имущества, назначенного по постановлению Совнаркома 19 апреля на извлечение специальных средств для поддержания исторических зданий, вызвало у меня ряд столкновений на месте с несознательными лицами, особенно в отделе УЗУ. Несмотря на то, что в заседании УИК 24/II участвовал сам начальник его, тем не менее, в дальнейшем [он] и не думал держаться вынесенного постановления. Вскоре же Даниловскую землю за монастырём он передал соседним крестьянам, затем вломился в амбицию, зачем в приёмочном акте всё было расписано в некрасивых тонах, из урожая яблок (урожая, правда, неважного) ничего не дал музею и так далее. Нашлись недовольные им и из других отделов, и, в общем, образовалась группа неприязненно относившихся к музею лиц, чему особенно старался помочь заведующий УОНО т. Романов. Много тяжёлых минут пришлось пережить из-за этого.

Но недаром. Это дало мне возможность летом 1923 г. устроить в музее новый отдел — церковных древностей. Так как вместе с Даниловским имуществом музею была передана лошадь, то я начал свозить из закрытых монастырей шкафы, киоты и прочее, которые обратил потом в витрины. Самые же отделы расположил в бывшей домово́й церкви училища. Но чтобы придать ей музейный вид, нужно было снять верхнюю часть иконостаса, клиросы и так далее. Всё это проделал я со сторожем. Правда, несколько помог мне гостивший в музее художник Евгений Осипович Машкевич. Но вся работа, чёрная и научно-художественная, была исполнена главным образом мной. В. Е. Елховского я посадил за другие музейные дела, а сам больше 3-х месяцев работал, не покладая рук. В бывшем алтаре устроил серебряный зал, где сосредоточил ценности, начиная с XII в. В центре зала имеется потир XII в., в особых витринах выставлены (чернь): потиры XVII в., чаши водосвятные, кадила, лампы, евангелия, дароносицы и прочее. Собралась целая витрина столового серебра: чарок, кубков, стаканчиков и прочего. В двух витринах развесил ризы и другое одеяние XVII—XIX вв.

В бывшем самом храме по затянутому красным сукном иконостасу развесил иконы XVI—XVII в., в центре корсунский крест, на стенке иконы и шитье.

Три витрины занял историей письменности с XVI по XIX в., начиная евангелием 1521 г. и оканчивая дворянским альбомом «Приношение Лизе на 1812 г.» Среди выставленных документов подлинный указ Петра I от 7 февраля 1722 г. воеводам переславским.

В третьем отделе главным образом иконы XVIII в., но там же шитье XVII ст., набойки XVII—XIX вв., резьба по дереву и камню.

Таким образом, в музее всего стало 15 открытых для обозрения залов.

Между тем, неприятные отношения из-за владений имуществом бывших монастырей не прекращались. Подлило масла в огонь, особенно с земельным отделом, моё участие в выставочном бюро. Чтобы организовать на Всероссийской выставке отделы, губерния распорядилась учредить по уездам особые бюро, на которые возложено было собирание материалов. Мне предложено было занять руководящую роль в трёх секциях. Я прямо заявил, что работать буду, если дадут средства, а даром ломаться не стану. Губерния поставила дело так, что ни денег, ни руководящих распоряжений не давала до последнего времени. Я сделал только одно, что закупил здесь домотканой пестряди. И отказался от других работ, ибо сделать их было невозможно без средств. Это породило взрыв ругани по моему адресу. Я же очень хлопотал напечатать к выставке свою работу: «Культ и народное сельское хозяйство» (по этнографическим наблюдениям в Переславль-Залесском уезде), где описал взаимоотношения культа и хозяйства, их влияние и происхождение и так далее. Предлагал Выставочному комитету иллюстрировать это на выставке картинами, создав особый уголок. Но из этого ничего не вышло, а самая работа до сих пор ещё в рукописи. (Напечатана в I выпуске Трудов музея в 1927 г.)

На выставку меня товарищи не взяли, и я осматривал её потом один, получив входные билеты в экскурсионной базе. Мало того, ни с того ни с сего отняли в музее лошадь и, несмотря на протест Главмузея, не возвратили до сих пор.

В этой тяжёлой атмосфере приходилось закреплять музейные владения по инструкции Наркомвнудела и Наркомзема с Наркомпросом (в августе 1923 г.) Прежде всего, я никак не мог составить комиссию. Ко мне долгое время никто не являлся. Из Владимира меня торопили, а дело не шло. Наконец, кое-как удалось один раз собраться втроём, в числе явившихся был новый начальник УЗУ. Согласился он с моими предложениями и на записках

к протоколам написал даже особые мнения о том, что музеям следует дать больше, чтобы они владели имуществом и прочее.

Так как в ноябре вышла новая инструкция ВЦИК о распределении земель на земли государственного и местного значения, то, чтобы согласовать свою работу, я весь материал направил в УИК. А там он снова залёг. По этому делу в феврале 1924 г. приезжал из Главмузея г. Троицкий Василий Иванович.

Было составлено заседание УИК (16/II), в течение которого разыгралась безобразнейшая сцена. Я вынужден был выслушать целый поток ругани, где мне досталось за всё: и за лошадь, и за имущество, и прочее. Бралась под подозрение вся деятельность и прочее. Одним словом, история повторяется.

Долго ещё вопрос о владениях лежал тут, пока не попал во Владимир с отрицательным заключением. Решено было ничего не давать музею, то есть музейное объявить не музейным. Во Владимире это тоже долго тянулось, и только осенью (1924 г.) получило настоящее разрешение, конечно, согласное с духом советского строительства. Особая комиссия и Губплан передали музейному отделу все до одного пять переславских монастырей. И, таким образом, на содержание их пойдёт доход, который получается от аренды квартир, садов и тому подобного. Но как получить удастся Никольский и Фёдоровский от коммунального отдела, покажет будущее.

Я забыл упомянуть, что командированный из Москвы Г. О. Чириков по возвращении в Главмузей так расхвалил мою деятельность, что постановлено было (17 марта 1923 г.) мою работу одобрить и премировать. Но из этого ничего не вышло, кроме комических сцен. Но, задоблив меня этим, Чириков, по-видимому, с умыслом уговорил меня отправить на реставрацию икону «Преображение» из старого собора. Я с готовностью сделал это и меня уведомили (28 апреля 1923 г. № 1944/3192), что икона будет возвращена после реставрации. Теперь же проф. Анисимов А. И. распространяет слухи, что икона возвращена не будет. Но с этим я буду бороться до конца. На музейном съезде в Рязани (28 сентября — 8 октября) я делал по этому поводу доклад и провёл резолюцию съезда о возврате иконы.

Весной этого года приезжал в музей и прожил два дня Константин Фёдорович Юон. Осматривал окрестности Горицкого, наметил ряд тем для своих картин, но приехать ему не удалось. Вместо него целое лето толкались художнички сортом пониже: сначала явились какие-то Шишовы, отец и сын, из Москвы, потом Аникита Петрович Хотулёв и Николай Иванович Янченко, а из Ярославля — Михаил Алексеевич Владыкин. Написали они тьму этюдов, кое-что дали музею, а больше обещали...

Единственно в чём они действительно помогли мне, так это почистить портреты в музее и устроить из них особый отдел — портретную галерею. И то работали не все, Шишов особенно подчёркивал своё нежелание...

Но ещё до приезда художников в музей приезжала шумная группа студентов-фольклористов под руководством проф. Соколова Юрия Матвеевича. Прожили они три дня, обследовали окрестности города и, собрав обильный материал, уехали. В результате этого была заметка в «Известиях» (№ 140) и «Красной Ниве» (№ 30).

Одновременно с художниками нахлынула в музей группа артистов 1-й студии Художественного театра: Берсенев Иван Николаевич, Гиацинтова Софья Владимировна и другие. На «Ботике» некоторое время жило 7 человек. Вместо платы за комнату они обещались дать в пользу музея художественно-литературный вечер. Но с ним случилось нечто особенное... по вине очень влиятельного товарища, иногда обитавшего здесь (в Переславле-Залесском). Он большой любитель театра и упросил меня, чтобы было дано два вечера: один в пользу музея, другой в пользу инвалидов. Сговаривались мы втроём, в том числе артист Берсенев. Уговорились, что сборы обоих вечеров, за вычетом расходов и уплаты артистам 25%, делить пополам, но затем вышло так, что музей ничего не получил...

Это было 3-го августа, а 5-го я поехал на лодке в экскурсию по р. Вёксе с целью обследовать её берега в археологическом отношении. Как и предсказывали мне археологи, что тут должна быть неолитическая стоянка, я открыл её на первой же остановке. В урочище «Польцо», [в] первой песчаной возвышенности, не заливаемой вешними водами, я обнаружил богатый подъёмный материал. Затем приезжал сюда ещё два раза, один раз с городскими учителями, произвёл разведку, и стоянка оказалась необыкновенно богатой. Неолит — несомненный. Первый, известный в нашем крае.

После этого (с 9 по 13 августа) проехал в лодке до с. Святова с той же целью. Нашёл две стоянки на берегу Сомина озера: 1) одну на «Торговище» (Селятином), 2) на бывшем островке при речке Бароновской.

Кроме того, обследованы были мною два городища: 1) в д. Григорово при впадении Шусты в р. Кубрю и 2) д. Туколенки на реч. Мечке. Первое городище обращено в скотское кладбище, где хоронят теперь павших животных; второе изрыто кладоискателями.

Наряду с археологическими задачами мною преследовались и другие: а) бытование древних обрядов хозяйственного значения: коляды, овсея, масленицы и других, б) регистрация по церквям историко-художественных предметов.

С этой же целью мною была проделана пешком третья экскурсия (с 22 по 26 августа) в северную часть уезда: в с. Троицкое (Великий Двор), Лыценцы, Алферьево, Шапошницы, Рогозинино. Со мной был студент Аванесов Робен Иванович, собравший богатый материал по особенностям говора.

Большая часть сентября (1924 г.) занята была ремонтными работами по музею. На отпущенные 200 р. я ставил заплаты в разных местах: в Горицком музее и воротах, в Старом соборе.

23 сентября поехал на съезд музейных деятелей Центральной Промышленной области в Рязани, но раньше заехал в г. Сергиев, где работал три дня в архиве бывшей Троице-Сергиевской лавры.

28 сентября начался съезд и окончился 2 октября (1924 г.) Собрались человек тридцать приезжих. Атмосфера работы была прекрасная. Съезд продуктивно работал и вынес значительное количество постановлений. Я выступал с докладом о положении дела музейного и дела охраны памятников старины.

10 октября 1924 г.
М. Смирнов

Глава 3

1925 год

Собственно, из пережитого за этот год я передам несколько эпизодов: это история с С. С. Геммельманом и моей рукописью «Культ и народное хозяйство».

Дальше было вот что. В феврале, после переписки с М. М. Пришвиным, я ждал его приезда. На разведку он приехал ко мне 16—17 февраля. Первое впечатление моей жены и других было самое неблагоприятное; много самопреклонения и эгоизма, невоспитанность и какая-то жестокость. Я защищал его, хотя, признаться, моя первая встреча с ним в Госплане на конференции тоже была не в его пользу. Меня поразили его наглые глаза и цыганский вид. Я отнёсся тогда к нему с недоверием. И только когда мой костромской брат Василий Иванович похвалил его и сказал, что он был знаком с братом Сергеем, тогда я старался глядеть на него как на большой талант, пренебрегая разными мелочами его характера и первым впечатлением.

Мы были с ним на Ботике. Я показал ему, где предполагаю его поместить. Ему, понятно, квартира понравилась. После деревенской избы Талдомской деревни бывший дворец с четырьмя великолепными комнатами на юг его приятно удивили. Соседство озера и леса добавило веса и вопрос был решён: он переезжает в Переславль. Приехал он со своей женой, простой и малограмотной крестьянкой, но разумной женщиной, первого апреля. Я встретил его как родного брата: принял его с самой сердечной любовью и был удивлён тем холодком, который сквозил во всех его отношениях ко мне. Мне казалось, что на мою предупредительность он как-то странно сдерживался.

Быстро устроил я его на Ботике. Отвёл лучшие комнаты в доме, дал мебель, ибо знаменитый писатель привёз с собой убогий стол и плетёное кресло. Я дал ему столы, диван, комод, шкаф. Но как-то так вышло, что он не только не устроил маленькое новоселье, — видимо тяготился даже угостить чаем. Я приписывал это его стеснённым обстоятельствам.

Перетянув к себе такого писателя, я втайне мечтал устроить в Переславле своего рода Барбизон. Мне хотелось вдохнуть в своего квартиранта любовь к Переславскому краю и вдохновить его на большую художественную работу. Научного материала, думал я, добыто достаточно, пора обработать его художественно.

Кроме того, меня тянуло к Пришвину одиночество. Постоянная война с [?] властями и разного рода неприятности, а также духовный голод по культурному человеку. Я продолжал у него часто бывать. Он также заходил ко мне. Выспрашивал о нашем крае, и я без всякого ограничения открывал ему добытые мною долголетним трудом сведения о Переславщине. Он предложил мне установить связь моих юных краеведов с биостанцией юных натуралистов в Сокольниках. Выписали мы оттуда бюнов и приехало три «бандита», как обозвал их Лёвка Пришвин. Все они оказались комсомольцами развинченными и издёрганными, малообразованными, но с большими претензиями.

Устроил я такое заседание нашего Пезанпроба, где выступали они. Потешили нас на славу. Разумеется, почти полное отрицание прежней науки. Надо уметь работать и глядеть самому, а знать труды старых профессоров не стоит. «Подумают десяток ребят, — говорил один, — сделают то же, что старый учёный, и дело будет крепче, потому что добыто самим»... Другой поведал нам, что материализм это «не фунт изюма»... Прожили бюны несколько дней и нам надоели смертельно. Один бывший матрос всё прыгал и плясал. Раз-

бил от этого лампы. На прощание прострелили они стекло в комнате для приезжающих и уехали. На этом всё дело и кончилось.

Пришвин, набравшись у меня лично и из моих книжек сведений о нашем крае, начал писать о Переславле. Это то, что впоследствии им названо было: «Родники Берендея. Фенологические записки биостанции Ботик».

Весной приезжал к нему молодой писатель из народа и его большой поклонник Александр Борисович Руднев. Вместе с ними я устроил большую экскурсию по Переславлю. Были сначала у меня в Горицком, прошли по валу к Старому Собору, затем в Никитский монастырь, оттуда на Клешино Городище и Александрову гору. Близ Никитского видели вылет комаров, а в самом Никитском — свиней во фруктовом саду, выкормленных агропунктом.

Мои спутники были в громком восторге от того, что я им показал и что говорил. Потом многое из этого вошло в «Родники Берендея». Несколько позднее приезжал в Переславль Александр Васильевич Чаянов,¹ известный экономист, и писатель Александр Степанович Яковлев. Оба они были пленены Переславлем, Яковлев потом приезжал сюда несколько раз.

Между тем мною была затеяна большая экспедиция на лодках по Переславскому краю по рр. Нерль—Кубре. Сюда вошли, кроме меня и Пришвина, научный сотрудник С. С. Геммельман. Кроме нас троих ещё двое юных краеведов и хозяин лодки Константин [?] Никольский, женатый на моей сестре. Эта экскурсия описана Пришвиным в журнале «Красная Новь» (за 1928 г., №№ 8 и 9), а мною в № 16 [Докладов] Пезанпроба под заглавием «По забытым путям Залесья». Поэтому останавливаться на ней я не буду. Ограничусь только тем, что дождливая и холодная погода отравляли дело. Но тем не менее, достижения были любопытные. Особенно поразил нас обряд в с. Михалёво «Крапивное заговенье», древлянское гнездо — «Недоемша», а кроме того, прелестны были сами окрестности рек, особенно Кубри.

Доехав до села Нового, следовательно, вёрст 150 водой [160 км], поставили мы лодки на волока и отправили их в Переславль по шоссе, а сами пешком с пением Краеведного гимна, сочинённого С. С. Геммельманом, отпечатали 21 версту [22,4 км].

Вперёд, краеведы,
До полной победы!
Все тайны откроют
Нам Нерль и Кубря!

запевала наша молодёжь в каждом селении по дороге. Народ высыпал на улицу и не понимали: пелось что-то революционное (на мотив «Варшавянки»), и тут же [?].

Но ещё раньше этой экспедиции мне пришлось быть на двух краеведных совещаниях. Первое было по инициативе Иваново-Воскресенского краеведного общества, предложившего выработать инструкцию и программы по разным отраслям краеведения. Я послал туда:

1. анкету о пьянстве,
2. о хулиганстве и
3. наставление к изучению хорографической номенклатуры.

На совещании 1—4 мая мне пришлось председательствовать на заседаниях культурно-исторической секции. Заседания носили чрезвычайно хороший характер. Это без громких слов были чисто деловые совещания. Проработаны были в двух секциях 44 программы-инструкции. Кроме того, был заслушан наш совместный труд «Материалы по библиографии краеведения», составленный М. и В. Смирновыми и Н. А. Королёвым. Нас кормили в только что пущенном в ход «Нарпите», Кухонной фабрике. Всё было очень хорошо. Поили пивцом и только. Гостеприимство было отменное.

Так как работа проведена была только вчерне, то решили ещё раз собраться в Костроме. Туда я приехал после неудачной поездки во Владимир на 2-ю конференцию по изучению

¹Знающие люди могут понять теперь подлинные причины к появлению ПКИ. — *Ред.*

производительных сил Владимирской губернии и пробыл в Костроме 28—30 мая. Сюда приезжал секретарь ЦБК милейший Даниил Осипович Святский. Программы получили дальнейшее продвижение, причём мне поручили составить ещё одну: «Культ в народном быту». Гостеприимство было ещё лучше: пили водку, и пили здорово. Но я воздерживался, ибо пил усиленно [лекарства]. Дело в том, что с января со мной примерно раз в месяц делалось головокружение и тошнота, что-то странное, не отгаданное врачами. После усиленного режима на йоде это прошло и давно со мной не повторялось.

В июле я был обрадован приездом члена Академии истории материальной культуры добрейшего Александра Андреевича Спицына. Он заехал ко мне из Костромы и пробыл три дня (17—19 июля). Так как Пришвин никогда не видел археологических раскопок и мечтал написать какой-то археологический роман, то я пригласил его с сыновьями. Поехали мы на неолитические стоянки Вёксы и Сомино озеро. Александр Андреевич подтвердил мой диагноз стоянок и дал мне много ценных указаний по их раскопкам. Далее за Соминым озером близ д. Хмельники по моему предложению обследовано было место экальничных погребений Новгородского типа и на Стульвой горе груды камней с всхолмлениями. И то и другое плохо удавалось в смысле находок. Груды, как можно думать, следы построек: не очаги ли были устроены на них в избах? А среди экальничных могил оказался один курган. Разрывание его оказалось мучительным и заняло слишком много времени. В конце концов найден был на большой глубине костяк. Странный какой-то; возможно, близкого сравнительно времени, примерно эпохи Грозного. Находок при нём никаких, но мне важно было видеть приёмы работы лучших мастеров России, и я их видел.

В том же июле работал на Переславском озере гидролог проф. Д. А. Ласточкин со своей неизменной сотрудницей Н. В. Кордэ. Поселил я их в бывшем Данилове монастыре, а на Ботике в Ротонде я устроил московского проф. Владимира Феликсовича Пиотровского с группой студентов географического института 1 МГУ. Работа этих профессоров для нашего музея — находка. И нам, и другим за любезности по предоставлению помещений дают музею новые экспонаты, а кроме того, подучивают наших юных краеведов новым, неведомым им отраслям знания. Ребятишки любили валандаться с ними.

В то же время своих юных краеведов я начал обучать фотографировать. Пригласил одну любительницу Марью Петровну урождённую Альбицкую, которая и преподавала начальные приёмы фотографирования. Сразу выделился мой Сева, чему я был очень рад, что у меня всегда под рукой дешёвый фотограф. А то в экспедиции я попал впросак. Для фотографирования был приглашён из Москвы учитель-любитель Г. В. Иванов, но он взял да и надул нас — не приехал к этому времени из Москвы. Мне кое-что зарисовал Г. М. Покровский, но до сих пор почти ничего не дал. Так мне предстоит ещё раз из-за этого пройти по тем же местам, чтобы сфотографировать крестьянские постройки в Заозёрице.

В конце июля вышел выпуск № 13 Пезанпроба. В нём сплошь был юбилейный материал. Сначала моя статья о декабристе М. Спиридове, потом Е. Е. Якушина — четыре письма его к И. И. Пущину; затем шли три статьи В. Е. Елховского:

1. пятилетие музея,
2. пятилетие Пезанпроба и
3. к 25-летию моей краеведческой общественной деятельности со списком моих работ.

В августе я экскурсировал по уезду: сначала прошли пешком верховье р. Кубри от д. Городищ до д. Половецкое; затем копал курган у д. Киучер в урочище «Грачки». Так как погода была крайне дождливая, то удалось вскрыть только три кургана. Все с находками славянского времени (половина X в.); найдены — бронза, железо и горшки. Как любопытную черту можно отметить, что в одном погребении сохранились на бронзовой браслетке чёрные шерстяные нитки, которыми она была прикреплена к поясу.

В сентябре я был жестоко поражён в своей краеведческой работе со стороны губернского архивного ведомства. Нужно сказать, что во всех помещичьих усадьбах, монастырях, церквях я собирал все бумаги самым тщательным образом, и в то же время как товарищи из Собева¹ осматривали и вывёртывали ящики, я собирал во всех углах бумаги. Спас

¹Слово явно неправильное, но выверить его мы не можем. — *Ред.*

несколько, думаю, тысяч писем Бектышева, Самсоновых из Семендьяйки, Повалишиных из Загорья, документы Нарышкиных. Особую ценность для прошлого края представляли собой приходно-расходные книги Фёдоровского монастыря с 1616 г. по 1923 г. с пропуском каких-нибудь 5—6 лет. Я всё собирался извлечь из них разный материал, но не успел в этом.

Довольно неожиданно-негаданно приехала ко мне девица из Владимира Робустова с бумагой от Губмузея, чтобы я отдал ей все имеющиеся при музее архивы. Я спешно написал в Музейный отдел письмо Сергею Павловичу Григорьеву; послал его с оказией, но ответа не получил. Так у меня и вырвали все архивы. Без всякого учёта вязали их в вязки и валили на подводы. Часть монастырских со свитками и помещичьи письма зашивались в рожи. Всё это потом без учёта валили на подводы, везли на станцию Берендеево и в вагоны. Нагружено было полтора вагона хранившихся у меня бумаг. Что приехало во Владимир и в каком виде? Ведаёт только аллах.

После я хватился, что вместе с Бектышевскими письмами Робустова увезла с собой четыре ящика из шкафчиков карельской берёзы. Так не возвращены они до сих пор. Начатые мною работы оборваны. Надо ехать продолжать их во Владимир. Но на какие деньги? С горя я уехал в Ростов, чтобы хоть немного забыться от этого удара. Там встретил Владимира Владимировича Богданова и Николая Алексеевича Дорогутина. Они уехали в тот же вечер, наговорив мне кучу любезностей, и, начитавшись № 13 Пезанпроба, посоветовали праздновать юбилей; потом, как я узнаю, повели дело через ЦБК и послали приглашение УИКу, УПросу, УОНО. Что из этого вышло, я напишу ниже.

А из Ростова я отправился на станцию Рязанцево в с. Славитино осмотреть курную избу и побывать у хорошего человека инженера из крестьян Прохора Савиновича Лядова.¹ Он произвёл на меня самое хорошее впечатление своими желаниями служить родному селу. В его окрестностях в урочище Городище он нашёл торф в вымершем озёрке, а в нижнем слое, как думал, кальций, под ним белую глину. Начал её добывать, сработал для обреза кирпичики. Как инженер хотел бесплатно разделить крестьянское поле на участки. Мужики сначала согласились на это, а потом пошли на попятную и в конце концов оскорбили его. Пришлось дело бросить. Когда я приехал тёмной ночью, его не было; он отправился в Переславль отвозить землемерные инструменты. Наутро я пошёл глядеть курную избу. Это был канун Сергиева дня, местного престольного праздника. В утреннем тумане всё село подёрнуто было дымом. Мой спутник, молодой брат Лядова,² рассмеялся на мой вопрос о дыме и указал мне, что он валит не только из труб, а из огородов и задворок. Варили самогон. Владелец курной избы проделал это за несколько дней раньше, прямо перед домом, на улице... Отсюда я ушёл пешком через Будовское, где осмотрел церковь, — там есть сторож. В д. Аниково осмотрел другую курную избу. Потом погода испортилась и в страшный дождик я добрался до Перцева, и только наутро попал в Переславль.

Здесь меня ждало радостное известие. Наталья Викторовна, моя жена, получила вторичное уведомление об американском наследстве, весьма окрылившем нас. Дело в том, что ещё в октябре 1923 г. было сообщено, что в Америке, в штате Аризона, в 50-х гг. прошлого столетия умер Иоган Лудвиг фон Лоде, оставивший после себя 16 миллионов долларов. Этот «американский дядюшка» приходился моей тёще, Софии Алексеевне Мещерской, урождённой фон Лоде, [?] Алексею Егоровичу двоюродным дедом. Сумма оставленного им капитала возросла до баснословных размеров (говорят, до 100 миллионов). Наследниками являются: Лоде, Рауши; от Лоде — Мещерские и Петровы, — всего 16—17 человек. Сначала взялся вести дело какой-то предприимчивый янки, разыскавший наследников и желавший получить с них 50% с общей суммы наследства. Доверители наши не согласились. Нашли другого влиятельного человека, члена Верховного суда в Вашингтоне, говорят, зять Куинджи. Он взялся вести дело за 25%.

Наташа ездила в Москву, писала доверенность у московского нотариуса и отправила её воздушной почтой. Вот если бы хоть что-нибудь получить, как бы я раздвинул здесь рамки краеведной и музейной работы.

¹ Или Лезова. Проверить нам, опять же, не по чему. — *Ред.*

² Или Лезова. Проверить нам, опять же, не по чему. — *Ред.*

В Москве в это время начала учиться во ВХУТЕМАСе (в Высших художественно-технических мастерских) моя девочка Соня, окончившая весной II ступень. Как одна из лучших учениц она подлежала командировке от школы, что и было сделано преподавателями. Но сие не понравилось Плеськову. Явившись на педагогический совет со своими комсомольцами, он её забраковал как мою дочь. Бедная Соня плакала дома от этой несправедливости, а меня эти слёзы обожгли. Я выхлопотал ей командировку в секции Московских научных работников. Её назначили кандидатом к командированным. Аттестационную комиссию она проходила в МОНО. А затем экзамены в ВХУТЕМАСе. При приёме страшно... Провалили 56%. А моя милая девочка прошла второй по первому списку. Когда приехала к ней в Москву мама, то моя Соня переживала пору самого радостного увлечения своим учебным заведением и потом писала нам домой: «Нет лучше вуза в мире, как наш ВХУТЕМАС»...

С 1 по 6 ноября во Владимире наконец-то после оттяжек, долгих и чудных, происходила 2 Конференция по изучению производительных сил губернии. Нужно отдать справедливость — организовано было хорошо. Прежде всего для нас, интеллигентов, было то хорошо, что к нам было установлено самое внимательное отношение. В журнале «Наше хозяйство» один из виднейших членов партии И. Я. Рыбаков поместил на эту тему статью, где говорилось о тесном союзе труда и науки, причём указывалась большая роль интеллигенции в советском строительстве.

Я был избран в президиум пленарных заседаний и в Краеведной секции. Программа была составлена обширная и разносторонняя. Много было дельных сообщений. Большинство из них напечатано в журнале «Наше хозяйство» за 1926 г. и отдельными оттисками.

Я выступал три раза:

1. на тему — «Культ и народное пьянство» (анкета),
2. «Хорографическая номенклатура как краеведный источник», и
3. доклад с места о краеведной работе в Переславле-Залесском.

Нас поместили в гостинице, а довольствовались в клубе, бывшем дворянском собрании. Устроено всё было на широкую ногу. Утром вместе с чаем получали завтрак, потом превосходный обед из двух блюд и бутылку пива, а на ночь ужин из одного блюда. Подкормились на славу.

Меня, да и других интеллигентов поразило вот какое обстоятельство. Малицкий, А. И. Иванов и, очевидно, некоторые другие обедали и столовались со своими жёнами. При этом мы наблюдали за женой заведующего Губмузеем Ивановой; каждый день она меняла костюмы и в последний день была одета прямо великолепно. Чёрный суконный костюм её был отделан великолепным мехом. Прямо диву даёшься: оборотистый этот парень Иванов: и дом купил, и жену куколкой одевает... А мы никак новых штанов не заведём. В заключение был избран постоянный комитет по изучению производительных сил губернии. Оказался я избранным в него в качестве члена. Но до сих пор это мертворождённое дитя, никакого от него действия не слышно, и как-то неловко быть бездействующим членом бездействующего аппарата.

В заключение остаётся отметить плохо скрываемую зависть губернских интеллигентов к нам. Не то они боятся конкуренции, не то у них натура такая злая и недоброжелательная: и Малицкий, и Иванов, где могли, замалчивали или умаляли наши заслуги в области краеведения. Странные и чужие они какие-то люди. Не краеведы по душе, а подделываются под их марку.

После приезда из Владимира я узнал, что Центральное Бюро Краеведения приглашало на мой юбилей местные власти и организации. А это был момент острого негодования на меня отовсюду. В ЦИКе не смогли простить мне того, что в августе того года он должен был сдать музею по постановлению Центральной Междуведомственной Комиссии пять переславских монастырей. Как ни протестовали наши власти во Владимире, ГИК приказал, и баста. Гневались на меня, а виноваты были сами. Музей просил только три монастыря: Горицкий, Данилов и Никитский, но здесь решили ничего не давать и прогорели. Во Владимире в Губплане и ГИКе дали и остальные два, так как в каждом из них были памятники старины. «Юпитер сердится, следовательно, он не прав», как нельзя более применимо в данном случае. Меня на дух не принимали, и я должен бы избегать ЦИКа.

В профсоюзе царил Плесков, [обиженный] мной в вопросе о Геммельмане. Он ничего не забыл и не простил мне. А от этого начали бранить и лаять на меня и другие, особенно усердствовали беспартийные, чтобы выслужиться. Слухи о моём увольнении то и дело циркулировали тогда по городу. Казалось, юбилей мой примирит нас и поможет вывести меня из положения «доктора Штокмана» на более мирную позицию. Ведь нужно же попасть в такие условия. С одной стороны, меня ругают все бабы и попы как разрушителя православия (по моей-де вине закрыты монастыри и церкви), с другой стороны, не угодил товарищам. Прямо хоть беги... И только немногие, кто понимает мою службу родному краю, одобряли и защищали меня. Между тем Главнаука на отношение правления Пезанпроба о праздновании моего юбилея отнеслась в высшей степени благожелательно. Разрешила израсходовать 100 р. на юбилей из спецсредств, дала мне спецставку в 135 р. в месяц и предложила представить на премию мои печатные работы. Юбилей за поздним получением бумаги Главнауки вместо 14 ноября пришлось перенести на 29 ноября.

Стояли сильные морозы. Утром в день празднования приехали дорогие мои гости: из Ленинграда Даниил Осипович Святский от ЦБК, из Москвы проф. Борис Матвеевич Соколов, Михаил Яковлевич Феноменов, писатели Яковлев А. С., Руднев А. Б., от Главнауки Тришевский А. Н., из Иваново-Вознесенска — четыре профессора: Д. А. Ласточкин, Н. А. Королёв и другие, из Ярославля — Первухин Н. Г. и [?] А. И., из Костромы — Смирнов В. И., мой брат, из Нерехты Невский, и далее приехали днём из Ростова — Д. А. Ушаков и ещё двое, из Дмитрова — К. А. Соловьёв, из Сергиева — В. [?] Дервич [?] и А. Д. Шахновский и другие. Всего около 20 человек, все известнейшие краеведы.

Самое заседание назначено было на 12 часов. Пришли из переславских мои приятели по Пезанпробу: Дюбюк А. Ф., Елховский В. Е., а далее разная публика. Народу набралось человек 70, но среди них ни одного из наших официальных представителей. Подождали до 14 часов и открыли собрание, полагая, что это не случайность, а намеренность.

Из партийных явился мой завхоз Ефимов, глупый и подлый человечиска, подсланный наблюдать за нами. Открыл собрание Острецов Андрей Иванович, заместитель председателя Пезанпроба. В президиум избраны от ЦБК — Д. О. Святский, Б. М. Соколов, от Главнауки А. Н. Тришевский, от Пезанпроба — И. А. Жданов.

Собрание происходило в музейной аудитории, стол президиума на эстраде, накрытый красным сукном. О моей научно-общественной деятельности говорил А. И. Острецов и, отдать ему справедливость, говорил очень нудно и долго. Но кончил удачно хорошими словами, что Переславский край меня усыновляет как лучшего научного исследователя и краеведа. Начались приветствия. Начал Д. О. Святский — от Центрального Бюро Краеведения, подписанное С. Ф. Ольденбургом:

ЦБК с глубоким интересом и вниманием следило и следит за Вашей краеведческой деятельностью в Переславщине.

Происходя из талантливой семьи, давшей русской науке несколько полезных деятелей, имея солидную научную подготовку, приняли Вы за дело краеведения с глубокой любовью к своему родному краю, болея его нуждами, но в то же время открывая неистощимые источники его богатства; сознавая, что в краеведении верный путь к поднятию производительных сил страны, по которому она должна выйти из тяжёлого положения к лучшей жизни, из темноты к свету.

Ваши многочисленные учёные работы о Переславщине, по справедливому отзыву специалистов, представляют собой «выдающееся явление в области русского краеведения». Вами в 1918 г. был собран и организован местный музей. При Вашем энергичном участии открыто местное научно-просветительное общество, издавался целый ряд сочинений по изучению Переславщины, природы и производительных сил.

Знаменитый когда-то как столица удельного княжества, Переславль-Залесский, пришедший потом в упадок, безвестный уездный город, теперь снова становится широко известным в своём прошлом и настоящем благодаря своему богатому и благоустроенному Музею и Научно-просветительному обществу, работающему с примерной энергией и добросовестностью с большим успехом...

Далее следовали пожелания здоровья и сил на долгие годы работы.

Б. М. Соколов приветствовал от Московского отделения ЦБК и от Центрального Музея Народоведения. Упомянув вначале об академических торжествах и выставке Главнауки как

о двух смотрах русской науки, поразивших иностранцев, особенно в отношении охраны памятников искусства и старины, Б. М. говорил далее, что эта работа базировалась на том мощном движении, созданном революцией, имя которому «краеведение». Анализ наших краеведных учреждений показывает, что они создавались при наличии живого, энергичного и преданного делу инициатора и вдохновителя, горячо преданного делу изучения местного края. Таким ярким и одушевлённым деятелем оратор считал меня, имя же моё — вписанным золотыми буквами в историю нашего краеведения, и известность — распространённой среди всех краеведных деятелей Союза. Далее он подчеркнул всю трудность работы краеведа в старинных городах со множеством памятников церковной старины, как, например, в Переславле-Залесском. Но на местах не всегда понимают эту работу и смешивают понятия и принципы. Б. М. желал мне, чтобы меня везде хорошо понимали, и здесь, и в центре.

Это было сказано в сторону отсутствующих товарищей. Затем Д. О. прочитал приветствие от Ленинградского общества изучения местного края, подписанное Н. Н. Павловым-Сильванским, в нём, между прочим, говорилось, что «только при деятельности людей моего типа возможно успешное и скорое возрождение нашей страны и строительство её на рациональных началах». [...] Далее в приветствии от Академии художественных наук, прочитанном Б. М., отмечены были мои заслуги («крупные») в области собирания переславского фольклора и в деле организации фольклорной работы. От Костромского музея В. И. Смирнов сказал, что я служил примером для работников Костромы. Во многих трудных вопросах они прикидывали, как бы в данном случае поступил я, а в заключение привёл цитату из жития великих славянских учителей Кирилла и Мефодия, смысл которой сводился к тому, чтобы в плуг моей общественно-краеведной работы впряглись новые молодые силы и облегчили мой тяжёлый труд. Ивановцы отметили ту особенность, что мне дороги интересы всех отраслей краеведения и что конечной целью краеведения я ставлю познание края как нечто целого.

Н. Г. Первухин отметил, что я выполнил за переславцев тот долг, который наложила на нас история устами Петра I, писавшего [?] воеводам переславским: [?] берегите остатки своего славного прошлого, «а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших»...

Отличились ростовцы. Приехав строем, они привезли с собой разного рода подношения: Д. А. Ушаков — адрес, исполненный довольно художественно, от Музея; В. А. Иванов — от Краеведного общества; Г. К. Шляхов — от сотрудников Музея. Очень сердечно и хорошо говорил К. А. Соловьёв от Дмитровского музея:

Ваша краеведная деятельность в области научно-исследовательской и в общественной работе создала Вам заслуженную известность, которой мы, уездные краеведы, всегда гордились. Мы каждый раз с радостью получали Ваши синенькие книжки «Пезанпроб», ибо знали, что раскроют нам многостороннюю яркую деятельность Переславского общества, душой которого были вы, и дадут нам отправную точку работы, которая поможет нам легче ориентироваться в широком поле краеведной работы.

Далее было прочитано около сотни всяких приветствий. Из них особенно выделяется письмо А. А. Спицына:

Высоко ценю дарования М. И. Смирнова, много более значительные, чем он сам о них думает. Высоко ценю его практическую дальноркость, которая могла бы иметь более широкий размах. Считаю единственными, образцовыми и лучшими краеведческими работами его труды: «Переславщину» и «Переславский уезд». Очень ценю его историческую монографию о питейном деле в старой Руси. Как археолог, обрадован и удивлён его счастливой находке двух богатейших стоянок каменного века в окрестностях Переславы, обнаруженных не случайно, а путём применения определённого краеведческого приёма.

Холодный и брюзгливый В. В. Богранов прислал мне на редкость сердечные приветы от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и от Музея Центрально-Промышленной области. В своём приветствии он писал:

Ваш юбилей, прежде всего, отраден потому, что Вы за эти 25 лет неизменно много дали для изучения нашей родины, и особенно потому, что нашу покрытую седыми веками Переславщину раскрыли в Ваших трудах во всём богатстве и разнообразии её исторических переживаний. Ваш юбилей близок нам ещё и потому, что Вы являетесь одним из замечательных краеведов, крепко стоите за право науки в провинции и везде, где только идёт борьба, наш спор за эти права, Вы — в первых рядах...

А в своём личном письме он высказался ещё сердечнее:

Большое Вам спасибо за всё, сделанное Вами для России, для науки, для народа и русской интеллигенции. Живите же хорошо и долго. Работайте на счастье себе и всем. Ваша трудовая жизнь наполнена не только делами Вашей удивительной энергии, но и красотой...

Много было ещё хороших и дорогих мне приветствий со стороны краеведных обществ, музеев и отдельных лиц. Но я не в состоянии привести здесь их все; отмечу лишь местные. Прежде всего от кружка «Юных краеведов», Нагорьевского месткома Рабпроса [?], от общего собрания крестьян д. Станиц и с. Петрушева, от крестьянина д. Маурина М. И. Николаева. Постановили крестьяне:

Почтим уважаемого юбиляра воспоминанием и за понесённые четверть века научные труды протокольно выразить юбиляру тёплое спасибо и просьбу ещё потрудиться на научном поприще для нашего Переславского уезда ещё много, много лет...

А крестьянин Николаев прислал стихи:

Четверть века для музея
Это к вечности ступень
Чувством радостным согреты
Мы встречаем этот день

Сердце радостно забилося
Торжествует юбиляр
Вот пришёл наш день желанный
Волю сыновьям своим дай

Всё родное, всё бывшее,
Что записано тобой
Ты принёс в тетради скромной
В этот угол, в дом родной

Этот угол дом музея
Это знания дворец
Там истории хранятся,
Как жывал наш дед, отец

Дедов нет, прошли уж годы
За годами шли века
Но истории хранятся
Вот чем мука [?] велика

Там художеств палата
Там палата старины
Там Петровская эпоха
Там и нынешние дни

Четверть века миновало
Это к вечности ступень...

Меня удивило отсутствие М. М. Пришвина, приславшего записку жене, что он лично не может быть, так как едет на волчью облаву, и вместе с тем вот какое поздравление:

У Вас меня трогает неиссякаемая любовь к родному краю, переходящая в дело служения и воскрешения лучшего, пережитого русским народом. И особенно меня удивляет Ваша деятельность в наши дни, когда жизнь ставит перед русскими гражданами цивилизаторские задачи, подобные пионерам Америки. В это время ломки и устремления краеведов в производство Вы сосредотачиваете своё внимание на главном производственном факторе России — человеке центрального промышленного района. Обнимаю Вас и желаю дальше собирать на Руси человека с таким же успехом, как землю собирали цари.

Царей, разумеется, пришлось при чтении опустить, и отсутствие писателя, для которого мною было так много сделано, стало истолковываться присутствующими как факт наших неполадок. Мне было крайне обидно. Пришвин вместе с «товарищами» оказался солидарен. Почему он отсутствовал, хорошенько не знаю. Писатель Яковлев говорил, что он страдает народобоязнью.

С. С. Геммельман закончил серию приветствий такими стихами:

Четверть века Вы терпенья
И любовью полны
Посвятили изученью
Переславской старины.

Вам была одна отрада:
Кропотливо проследить
Всех судеб родного края
Историческую нить.

Книга жизни Вам открыта
Перечли со всех сторон
Вы её от неолита
И до нынешних времён.

Как из хвои, из соринок
Из коры сухих ветвей
Целый замок воздвигает
Кропотливый муравей,

Так с истлевших хартий смело
Отряхнув седую пыль,
Выбирали Вы умело
Лет минувших миф и быль.

И легенда и сказанье
Не рукою, а умом
В историческое здание
Вы слагали день за днём.

И заслуженно, конечно
Столько дружных тёплых слов
Посылают Вам сердечно
От различных городов.

Я от всей души желаю
Чтобы труд свой много лет
Продолжал на благо краю
Знаменитый краевед.

В своём ответном слове я благодарил Главнауку и Музейный отдел, затем всех гостей; при этом отметил, что вместо скромного юбилея, на который я рассчитывал, они устроили мне блестящий краеведный съезд, в котором приняли участие все слои краеведческого дела, начиная с Центрального Бюро Краеведения от Ленинграда, Москвы, губернские — от Москвы, Костромы, Иваново-Вознесенска и Ярославля, уездные — от Ростова, Дмитрова, Сергиева, Нерехты и других. Считая подвигом их приезд в захолустный Переславль-Залесский, я отметил ту особенность этого редкого собрания, что вызвано оно, в отличие от программных деловых съездов, чувством солидарности краеведов, их духовными сродством, вниманием и снисходительностью ко мне. Те же чувства сквозят во всех приветствиях присутствующих и отсутствующих краеведов, вследствие этого очерченный ими облик вышел ярче оригинала, — и будет принят мной как идеал для дальнейшей своей работы.

В заключение я подчеркнул дружную работу моих сотрудников по Пезанпробу — Елховского В. Е., Дюбюка А. Ф. и других, которым я много обязан своими успехами...

Заседание тянулось более трёх часов, — народу набралось полна аудитория. И я по окончании должен был выслушать ещё много приветствий и поздравлений. Попили потом чаю и пошли на небольшую прогулку. Было холодно, скоро вернулись. Ушли все лишние (в том числе т. Ефимов) и мы остались одни... интеллигенты. Село нас за обед человек сорок. Всё было устроено великолепно. Весело ели, пили и, разумеется, говорили тосты. Чувствовалось так хорошо и мило, что все были настроены прекрасно. Спасибо «товарищам», что не испортили дела...

За обедом из рассказов наших переславцев выяснилось, что заправила решила сорвать мой юбилей и с этой целью повели атаку всем углом нашего города. УИК вынес постановление:

Высоко ценя науку и искусство на пользу трудящихся, УИК, к сожалению, не может взять на себя инициативу по организации юбилейного чествования гр. Смирнова, так как последний в пределах Переславского уезда в общественной работе никакого участия не принимает и о гр. Смирнове как об учёном ни УИК, ни широкие слои крестьянских масс никаких сведений не имеют. УИК при всём своём желании в лице гр. Смирнова не может от имени рабочих и крестьян приветствовать единение науки и труда, так как этого единения нет, гр. Смирнова как заведующего музеем знают весьма и весьма немногие рабочие и крестьяне и об учёности его все они слышат впервые.

Понятно, что и профессиональные организации, и зависевшие от УИКа учреждения могли только брыкаться копытами по моему адресу и браниться, насколько могли. Упрофбюро постановил:

От посылки представителей воздержаться ввиду того, что научная деятельность т. Смирнова неизвестна.

Но лучше всего отличалось правление УПроса, где играл первую скрипку т. Плеськов. Он пошёл ещё дальше. Вынесено постановление, что я не учёный, а компилятор, заимствовавший свои труды у Карташевской и Елховского, а потому от посылки представителей воздержаться.

Бумажку от Упрофбюро прислали мне с кем-то в тот же вечер, а об остальном пока были неясные слухи. Но то, что было, разобидело моих гостей сильно. Они справедливо полагали, что не только по мне клеветают товарищи, но и по ним: кто же они и кого они чествуют?

Решили написать протест и послать его в Губпрофсоюз. Особенно обиделся Д. О. Святский и решил по приезде в Ленинград сделать об этом доклад или написать от ЦБК во Владимир в ГИК. Легли спать довольно поздно. Большую часть краеведов я устроил в библиотеке. Там мною были сооружены нары, настлано сено, покрыто войлоком и коврами. Другие размещены в комнате для приезжающих. Наутро пытались сделать экскурсию по Переславлю, были на Ботике, но поднялась такая стужа, что прекратили скоро и вернулись в музей. После обеда было деловое совещание о программах — предложение Иваново-Вознесенского и Костромского совещаний.

20/XI проводил я всех своих гостей, всколыхнувших мою тихую трудовую жизнь, и снова остался один. Но теперь чувствовал себя иначе. Я послал бумагу в УПрос, чтобы дали

мне копию постановления о моём юбилее. Там струсил, долго не давали, а потом прислали один конец, без мотивировки. Я обратился в №3 Горисполком [?], где я числился вместе с Музеем и Детской колонией. Было общее собрание. Председатель зачитал мою бумажку и хотел прочитать постановление УПроса в ответ на неё. В это время к нему бросается член правления УПроса коммунистка Семёнова и при всём честном народе (а народу было человек 30) вырвала её и не дала читать. Она сказала мне: «В УПросе её давно велели отобрать от Вас, да я всё забывала». Скандал получился полный.

Потом я узнал, что был строгий приказ, чтобы никто не смел являться на юбилей под страхом увольнения. Местком выбрал было представителей, но ввиду такой [?] не пошёл против, забоялся. Не правда ли, хорош профсоюз! И это называется организацией, ограждающей права её членов!.. Так и плюнул бы всем в хари! В сущности, я это и сделал, я почти никогда не бывал на собраниях, а на разные требования общественной работы отвечал предложением, чтобы сначала правление УПроса извинилось передо мной, тогда я исполню ту или иную работу. Меня оставили в покое. И не зная за что и для чего, я ежемесячно всё же плачу взносы свыше 5 рублей.

Собрав этот материал, я послал жалобу в Губернское управление нашего Союза. Из этого ничего не вышло, те не придали этому никакого значения. Я в ЦЕКУБУ¹ тоже ничего не получил. Вот вам наши профсоюзные организации. Мерзко и гадко...

Спасибо ЦБК. Приехав в Ленинград, Д. О. Святский доложил на первом же заседании о моём юбилее:

Юбилей прошёл очень тепло и оживлённо. Присутствовали представители центральных учреждений и краеведческих организаций, в том числе от Владимирского губернского отдела Наробразования и отделения Союза Рабпроса. Совершенно не приняли участие в праздновании уездные власти и уездный Отдел Союза, причём на сделанное мне со стороны Московского Центрального Музея и ЦБК предложение взять в свои руки инициативу праздника прислали мотивированные отказы, основанные на запротоколированных постановлениях, где указывается на неизвестность юбилея широким массам населения...

Вследствие этого было постановлено протестовать от имени ЦБК перед Губисполкомом и Губпросом.

В УИК от ЦБК было написано следующее: ЦБК не может не выразить крайнего своего сожаления о том, что научные и краеведческие труды выдающегося исследователя Переславского края, так хорошо известные Главнауке, ЦБК, ряду учёных и советских учреждений и организаций, остаются до сих пор неизвестными УИКу. Факт широкого распространения среди местного населения и школ его популярного труда о Переславском крае, его широкая просветительная деятельность через созданный им музей совершенно не согласуется с категорическими заявлениями УИКа...

В декабре месяце мною были сделаны два доклада:

1. о революционном движении в Переславле в 1905 г. (к 20-летию юбилею) на основе газетных корреспонденций и
2. о декабристе М. Спиридове.

По музею тоже была новость. С 16/XII я открыл в д. Данилове местную реставрационную мастерскую для расчистки памятников древнерусского искусства (икон). Соответственно, с 23 октября государственная реставрационная мастерская приняла к себе для прохождения стажера моего реставратора Ивана Семёновича Тюлина, бывшего [?] иконописца, и только теперь выпустила его. С ним прислана была икона «Царь царей», расчищенная наполовину. Это за два-то года! А икону XII в. «Преображение», очевидно, хотели зачищать... Из Горицкого музея отправил все иконы в Данилов в настоятельские покои, а в Горицком на этом месте — отдел социально-экономический.

¹Центральная комиссия по улучшению быта учёных при СНК РСФСР. — *Ред.*

Глава 4

1926 год

Новый Год почему-то вздумалось Геммельманам встретить в Музее всем служащим, пригласив сюда Пришвина. Насилу дождались его, они шли пешком и запоздали. За столом, после того как выпили по рюмке, Михаил Михайлович стал хвастать своими «Родниками Берендея». В ответ на это его «Родники» я разнёс в самой жестокой форме. Дело в том, что в тех местах, где говорится о людях, это произведение представляет собой ряд плохо продуманных фельетонов. Выведенные лица раскарикатурены, очевидно, «для красного словца», особенно поп Филимон, мельник и прочие. Я указал ему, что, с точки зрения этической — это некрасиво, а с точки зрения краеведной — это неправильно. Беллетристика, если она желает служить краеведению, должна быть благородной и точной. Между тем вся его работа, наспех написанная, главным образом с моих слов, под мою, можно сказать, диктовку местами слащава и требует пересмотра, особенно в отношении введённых им лиц, которым приписаны преувеличенные дурные черты. Самыми лучшими людьми там оттенены автором это — он сам да его Лёва...

Итак, Новый Год начался ссорой. Пришвин мне этого не простил и при встречах перестал кланяться. Задуманный нами после экспедиции сборник со статьями: моей «По забытым путям Залесья», С. С. Геммельмана и самого Пришвина, не мог состояться. Дело в том, что он хотел непременно взять на себя роль руководящую, — написать какое-то предисловие, — я не пошёл на это. Ибо сей великий писатель дожил до такого самообожания и самозабвения, что может только самовластвовать и всё приписать себе. Мне думается, что он со временем напишет, что «Ботик» и наше озеро — всё это создал он... Я, было, потом хотел, чтобы предисловие написал Ю. М. Сакомов,¹ но он только провёл время и ничего не сделал. Так у нас ничего и не вышло.

Пришвин остался верен себе. Он как Каин блуждает по свету. Находит в разных его уголках простодушных людей, эксплуатирует их, пока они ему нужны, а потом устраивает им свинство и перебирается в другие края. Я уже только от Руднева узнал, что из Талдома он уехал после большой неприятности с поэтом Сергеем Клычковым, который много сделал для него там в революцию... С тех пор я с Пришвиным больше не имел близкого дела, он остался для меня как квартирант. Но квартирант довольно любопытный. Ещё когда мы были в самых лучших отношениях, он постарался заключить договор на квартиру сроком на пять лет. Когда мельничиха ему заметила: «Зачем же Вам договор?», то он ответил ей: чтобы я его не выгнал... Что, очевидно, с ним бывало уже не раз. Платить за квартиру ему назначено было до смешного немного (по 8 р. 50 к.), но ему не хотелось давать эту ничтожную сумму. Вот он что мне писал по этому поводу:

Что касается платы за помещение во время производства моей краеведческой работы, отрывки которой я читал на последнем заседании «Пезанпроба», то я прошу пересмотреть вопрос о плате, потому что при подобных моих исследованиях на всём пространстве России от Архангельска до Вареналинска [?] ни одно государственное учреждение никогда не брало с меня платы...

¹ Или Саномов? — *Ред.*

Я с крайним смущением должен был ему писать, что краеведную работу мы все делали бесплатно, а его книга продана за хорошие деньги в нескольких местах, а кроме того, его финансовые дела настолько хороши, что плата его не обременит. И действительно, живя на Ботике, он был, что называется, как у Христа за пазушкой, огребал гонорар лопатой и впоследствии купил себе дом в Сергиеве, куда и уехал потом окончательно с 1 сентября.

Но я забежал далеко вперёд. В январе была сессия ЦБ Краеведения (10—12 числа), происходила она в Москве в помещении 2 МГУ, на Девичьем Поле. Со всего Союза собралось большое число депутатов, человек до 100. На этот раз тон заседаний и взаимное отношение слоёв краеведения были благожелательные. Никаких шероховатостей, повеяло возвратом к прошлому, то есть к тому, что было до 2 конференции. Этот благоприятный поворот был констатирован нами потом за обедом у Михаила Яковлевича Феноменова в тесном кругу краеведов — Д. О. Святского, В. И. Смирнова, меня и ещё кого-то.

Я хочу отметить, что после 2 конференции у него же на Остоженке был по окончании всего любопытный ужин. Там были 3 академика: Сергей Фёдорович Ольденбург, Александр Евгеньевич Ферсман и Николай Яковлевич Марр, затем три пары братьев-краеведов Борис и Юрий Матвеевичи Соколовы, Золотарёвы Давид Алексеевич и Алексей Алексеевич, Смирновы Михаил и Василий Ивановичи. Было интересно и оживлённо. Вблизи академики оказались премилыми людьми, алкоголя не приемлют.

Сюда на сессию привезена была из Ленинграда только что вышедшая очередная книга «Краеведение».¹ Там оказались две рецензии обо мне и обе хвалебные, особенно А. А. Спицына. Он дал отзыв о моём краеведном очерке Переславского уезда и в заключение назвал его «мудрой и золотой книжкой».

Другой рецензент «Н. Е. О.», как мне сказали, этнограф Ончуков, коснулся всех моих работ и тоже в самом благожелательном смысле. Обе эти рецензии, появившиеся вскоре после юбилея, были продолжением тех похвал, которых я наслушался на нём.

На сессии был директор Шадринского музея Владимир Павлович Бирюков. Он писал мне к юбилею, что с сессии думает проехать ко мне и в Кострому, чтобы посмотреть, что делается в других краеведных гнёздах, я ему писал в ответ, что каждый из нас по-своему любит свой край и по-своему ему служит. Просил заехать. Из Москвы поехали вместе и завернули на несколько часов в Сергиев, в Музей. Это нужно было мне побывать в бывшей академической библиотеке и взять книг-пособий по истории русского пьянства. Музейщики были на краеведном собрании и нам пришлось заехать туда.

Наше появление было отмечено пространством приветствием В. Н. Мордвиновой, сказавшей нам обоим похвальное слово. Было как-то неловко. Благодарили мы оба, говорили о своих делах по (?) ихнему желанию. В конце концов секретарю-учительнице я высказал, что чувствую неловкость от похвал, а она мне на это: «Да, чай, Вы привыкли к этому».

Владимир Павлович Бирюков — величайший подвижник краеведения. Отказывал себе во всём и не щадя, что называется, живота, он создал в Шадринске большой хороший музей и втянул в просветительную работу всю приезжающую в Шадринск массу крестьян. Музей расположен в центре города, открыт ежедневно, народ валит толпами, входной платы нет. В год перебивает у него в Музее до 40 000 человек. Издаёт на свои трудовые гроши краеведные сборники, где пишет исключительно сам. Владимир Павлович известен в музейных и краеведных кругах с самой лучшей стороны. Был он у меня только одни сутки и увидел, что здесь другой край и другие приёмы. Был он потом в Костроме и хотел написать свои впечатления. Не знаю, что скажет.

Между тем приближалось время годовой отчётности по Пезанпробу. Назначено было общее собрание, но членов собралось очень мало, а явился т. Плеськов с другими, чтобы, как оказывается, провалить меня и не допустить быть председателем... Злобная кампания шла с этой стороны вовсю, а тут вдруг повёл интригу член Пезанпроба Иван Алексеевич Жданов, инвалид из педагогов. Довольно [?] человек, был учителем духовного училища, шибко пил, интриговал против училищной администрации и как-то так глупо прожил жизнь, что у него несмотря на его потуги, в результате не было ни научных, никаких других осязаемых трудов его работы. Вечно кидался из стороны в сторону. Считал себя социалистом

¹Краеведение. — 1925. — Т. 2, № 1—2.

и в своей семье в этом духе воспитывал детей. В революцию был инструктором УОНО, а потом от недоедания, а главное, от прежнего пьянства нажил себе язву желудка. Году в 1920—21-м выбыл из строя, жестоко страдал и месяцами валялся на печке.

Мне было его жаль и я провёл его членом Правления Пезанпроба, музейного совета. Каждое заседание было для него настоящим удовольствием и развлечением. Еле приходил он, а потом, полный впечатлениями, старался, опираясь на палку, снова к себе на печку. Часто меня благодарил за это и считалось, что болезнь выбила из него несимпатичные черты его характера.

Но зимой, ещё во время моего юбилея, он несколько выздоровел. И... позавидовал моим краеведным лаврам. Мало того, что позавидовал, а высказал это вслух: его приветствие на юбилее по моему адресу было диссонансом. Он закончил тем, чтобы моя деятельность носила общественный характер... [?] Он выпросил в Пезанпробе денег под свою статью (а затем продал её куда-то в Москве в редакцию) и был на сессии ЦБК. Стал там снова свидетелем моего триумфа, читал отзывы о моих работах в журнале «Краеведение» и окончательно лукавый его попутал.

Возвратившись из Москвы, на первом же собрании правления Пезанпроба он высказал, к общему удивлению, предложение, чтобы наше Общество переименовало своё название. Понятно, это не прошло. Ему дали отпор и указали на недавний юбилей и рецензии. Пезанпроб — это крупное краеведное лицо. Зачем его изменять? Оказывается, что во враждебных мне сферах он начал проводить мысль, чтобы открыть в Переславле филиальное отделение Владимирского губернского Общества краеведения. Цель была, видимо, та, чтобы оставить меня с небольшой группой или же почти одного, а открыть другое общество, где бы он стал, очевидно, играть первую скрипку. Он так напугал этим моих друзей, что они пришли и советовали мне быть на страже. В том лагере стали раздувать ждановское предложение.

Чтобы спасти Пезанпроб, я решил отказаться от председательствования и провести в правление полезных для дела лиц. На вторичном собрании (13/II—1926 г.) так и проделано было. Я отказался от председательствования, хотел даже выбыть из членов правления, но меня упростили остаться. Тогда же вышли из правления А. И. Острцов и С. С. Геммельман.

А Жданов к этому времени заболел снова и так сильно, что несколько месяцев провалялся в постели. Снова ему не повезло... И, должно быть, передо мной ему стало неловко... С тех пор он не бывал в Музее ни разу. Председателем правления был избран Анатолий Фёдорович Дюбюк, хороший математик, работающий в области метеорологии и статистики нашего края. Милый и симпатичный человек! Секретарём — Владимир Евгеньевич Елховский. Вместе с тем правление перенесено было в центр города в дом бывшей Городской Управы, а научные собрания — в клуб (бывшее городское училище), так как обычно про музейную аудиторию кричали, что она слишком удалена от рабочих масс. И оказалось, что из этих масс и сюда никто не идёт. В клубе всегда толкалось много народу, преимущественно молодёжи, которая на минутку заходила в аудиторию, быстро выходила, находя для себя неинтересными наши доклады, а так как дверь скрипела, получился посторонний стук и скрип. Работать прямо было нельзя. На докладе о первой текстильной фабрике в Переславле нас было четверо. Из текстилей «Красного эха» не было никого, хотя это касалось этой именно фабрики. К марту я закончил большую работу «История нашего пьянства и борьба с ним». Задумана она была давно, ещё в Нижнем Новгороде вслед за изданной мной монографией «Казённые кабаки XVII в.». Я очень увлечён был этой темой, собрал тщательно и много материала, но упустил настроение и не докончил работы. С оживлением в революцию самогона и реставрацией казённой продажи питей, я решил снова заняться этой темой. Работал по собиранию материалов в Публичной библиотеке в Москве, в Сергиеве и довёл дело изложения до конца. Но думаю поработать над ней ещё и посоветоваться с М. М. Богословским и С. В. Бахрушиным.

Тем не менее, в нашем Пензанпробе вполне было возможно выступить с докладом, так как работа вышла очень велика (около 9—10 листов), то я в сокращении изложил её перед аудиторией, на этот раз многолюдной, ибо рядом был буфет и приходили меня слушать достаточно нагруженные обыватели. Большинство были из учительской среды.

Тем временем сменился старый состав УИК. Ещё в январе происходил съезд советов в Переславле, делегаты которого [?] на подводах посещали музей. Для них я наспех открыл

социально-экономический отдел. Задолго до этого я был у здешнего помощника прокурора и высказал ему свою беду: расхождение с УИКом из-за владений и проделку Плеськова перед моим юбилеем. Я просил его помочь мне и он обещал, что новый состав меня выслушает в особом докладе и дело тогда уладится. Я ушёл от него успокоенный.

Действительно, получил я предложение представить отчётный доклад; спешно написал его и стал ждать дня, когда мне придётся выступить. Несколько раз это откладывалось. Наконец мне пришлось выступить в марте. На заседание, смотрю, явился Плеськов и начал меня хвалить. Доклад прошёл ничего себе, но новый секретарь, переведённый из Владимира, в конце концов выкинул хулиганскую выходку по отношению ко мне, в то время как другие были корректны. Тут я пригласил председателя и ответственного секретаря в Музей, чтобы они познакомились на месте с положением дел. Хвать, с ним приехал Плеськов и опять хвалит музей и прочее... Чудеса и только. Очевидно, эти чудеса не дороги: «Знает кошка, чьё мясо съела!» Даже когда я на предложение учителей прочитал лекцию по краеведению и говорил там о том, что меня обеславили в их среде как несамостоятельного автора, то и тогда он был краток и промолчал про это. Хвалил мою книжку «Переславль-Залесский уезд» и только указал на некоторые недостатки, чтобы, устранив их, я сделал книжку вполне пригодной для школы. Я с этим не согласился и предложил коллективно составить сборник. Таким образом, дело отношений с властями и членами профсоюза стало налаживаться. При таком положении вещей я в течение остатка зимы произвёл целый ряд поездок по сёлам нашего уезда для осмотра памятников старины в церквях. Всего побывал в церквях двадцати, то есть, иначе сказать, объехал добрую половину. Редко где бы не было старины, особенно древних икон, как можно судить по доскам, но непременно записанных в недавнее время, а вероятно, и в давнее. Там, где есть при церквях каменные ризницы и кладовки, непременно оказывались любопытные вещи: деревянная скульптура, иконы, ткани и так далее. Из таких сёл особенно выделились Скоблево (оттуда резная икона Николы Можайского), Михалёво, Будовское, Даратники и прочие.

В некоторых деревенских часовнях тоже оказалась старина. Но самое любопытное, что я встретил, это в Вечеслове — «Симеона». Отворяю часовню и вижу: стоит белого камня четырёхугольная колонка высотой в $\frac{3}{4}$ аршина примерно [48 см] и толщиной 6—7 вершков [24—28 см]. Наверху её вышитые холщовые салфеточки, спереди два крестика, повешенные на гвоздике — один медный, другой железный; с правого верхнего бока камень имеет ясные следы скобления.

Оказывается, что этот камень чудотворный, с него скачивают водицу при болезнях детей и скорби. И помогает... Раньше этот камень имел будто бы «ручки и ножки», его выпалал один ефимьевский мужик и непочтительно к нему отнёсся: привязал пахавшего жеребёнка, а тот от этого сдох... С тех пор (а это было когда-то давно) за камнем и утвердилась чудодейственная сила. При поездках несколько раз приходилось ночевать у священников. До того почти все они плохо живут, что совестно было у них останавливаться. Местами вопиющая нищета...

Той же зимой ещё в марте я побывал в Ростове по делу «смычки» с музеем. Осенью мы хлопотали об унии, а нам вместо этого предложили устроить связь научно-хозяйственную. На всякий случай мы так сделали. Ростов обязался сделать нам витрину или две, а мы даём С. С. Геммельмана для выучки ростовцев «жуковому делу» и прочему. В апреле, когда начало быстро таять, я взялся за сад. Дело в том, что ещё с осени я заложил в пустовавший огород бывшего Горицкого монастыря большой фруктовый сад. Было подготовлено до 200 ям для яблоней, груш, вишен и прочего. А на некоторых местах оказался один щебень и работа была нелёгкая. На счастье мне попался бывший сапёр, у которого оказалась мотыга, употребляемая в каменноугольных копах. Он мне надолбил ям. С осени же подготовлено было в бывшем Никольском монастыре в так называемом молодом саду свыше 20 яблоней в возрасте от 10—15 лет. Сад этот так густо насажен, что разрядка его была необходима. Кроме того, от известного Ивана Яковлевича Мичурина из Козлова выписано было около сотни однолеток и двухлеток яблоней и груш, а из Владимира — вишни.

С начала весны в готовые ямы нужно было быстро перевезти и посадить большие яблони из Никольского монастыря. Перевезли их сначала на санях, а потом на колёсах. Всего взято было 25 штук. С 30 апреля началась их посадка. Эту дату следует отметить, так как в этот день положено начало большому культурному делу в нашем краю, весьма бедному садами.

Особенно важно отметить то, что введены в дело новые, до того времени неведомые здесь сорта от Мичурина. И по своим размерам, и по качеству посадочного материала сад обещает быть лучшим в уезде. Это обстоятельство отчётливо оценено было простым народом. Мне некоторые из крестьян говорили: «Ты словно Ленин после себя память оставляешь — сад насадил, да музей устроил». Многие, увидев яблони, высланные из питомника Мичурина и сравнивая их с яблонями Никитского агропункта, стали просить меня выписать оттуда же и для них.

Пересадку и посадку я поручил новому для Музея человеку — Николаю Павловичу Дарьину, которого я прочил в завхозы вместо никчёмного Ефимова. Между делом в детской колонии он насадил мне около 150 яблоней, 10 груш, 50 вишен, много смородины и прочего.

Но оказалось, что мой сад пришёлся не по вкусу агрономам. С земельным отделом в это время у Музея шли переговоры об аренде помещения для Никитского агропункта и, кстати, об аренде сада в Никитском.

За это взялся секретарь УИКа т. Романов¹ и написал мне грозную бумагу, что «если т. Смирнов уведомил УИК, что Архипов к исполнению обязанностей завхоза неспособен, то это не есть согласованность по линии УИсполкома и президиум УИКа считает т. Архипова состоящим на должности заведующего музея...»

Я не внял этому, продолжал вести свою линию. Относительно Дарьина послал в Главнауку на утверждение и вскоре получил его утверждение в должности. Тут случилось ещё одно обстоятельство, которому я вначале не придал никакого значения.

Врач Карташевский, заведующий здравотделом, проживал в Никитском монастыре и решил развести там огород с лекарственными растениями. Я на это согласился и предложил ему [?] участок на три года. В ответ на это он прислал мне суровую отповедь, что многолетние растения требуют срока от 8—10 лет и моё предложение разбивает его дело. Я предложил тогда обратиться ему в Главнауку. На этом дело и закончилось. Всё это происходило в первой половине мая, во время посадки фруктовых деревьев. С 6—18 мая посажены были мичуринские и другие яблони, 19 га вишен.

Между тем в Переславле вновь распространился «слух ужасный», что меня решено уволить. Об этом мне передавали несколько человек, другие подсмеивались, говорили мне, что, должно быть, я насолил снова кому-то, а слухам этим мы уже не верили... Я тоже не придал этому особого значения, делал свои дела.

Сначала отправился в экскурсию около Берендеева болота. Взял с собою своего сотрудника Петю Панова. До Берендеева доехали с [?], а далее пошли пешком. Были на Берендеевом городке (4/V—1926 г.), причём не доходя его на речке Чернухе (так называется исток р. Трубежа) я остановился на урочище «Бураки» для разыскивания и осмотра черепков, о которых я узнал ещё зимой. Я думал, неолит, а нашёл гладкие чёрные черепки, несомненно, русского времени. Очевидно, это горшки бурлаков, перевозивших лодки, когда Берендеево болото было озером.

Далее прошли до села [?] Чернецкого. Здесь я попытался разыскать Каменную бабу, о которой везде есть легенды и предания. Здесь мне сказали, что на речке Каменке был камень «Баба-яга», но когда строили железнодорожный мост против д. Василисино, то увезли его туда. В с. Больших Весках ничего по этому поводу я не добился.

На самом болоте мы были утром 26/I после ночёвки в Берендеевской школе. Осматривали работы на торфоразработках. Залежи могучие, прямо подавляют своей массивностью. Разработка — дрянь. Машины плохие, больше гадят, чем дело делают. Так снимают только пенки и обесценивают залежи. Решил откомандировать сюда С. С. Геммельмана с ботаниками, чтобы они собрали для Музея экспонаты по этому вопросу. Они потом ездили и что-то делали, но мало.

В начале июня совершенно неожиданно для меня был приезд из месткома Главнауки НКП т. Шмычова Фёдора Георгиевича по устройству дома отдыха в бывших настоятельских покоях Никитского монастыря. Я, разумеется, пошёл навстречу этому, и дело было за месткомом. Приезжал затем после него [?] Змеев Николай Сергеевич, составил смету, дал деньжонок и работа пошла. Ждём московских гостей. Раньше всего приехал гость неждан-

¹Мы не можем быть уверены, что это П. Я. Романов из УОНО. Но и отрицать не можем. — *Ред.*

ный (24/VI—1926 г.). Утром я был по делу в Фёдоровском монастыре, а С. С. Геммельман в экскурсии на Берендееве болоте, завхоз — в Никитском саду и только П. Панов в музее.

Подкапывает сюда на милицейской бричке с заведующим УОНО Тихоновым какой-то рыжебородый еврей с портфелем. Едут меня разыскивать, не находят, наконец, я возвращаюсь. Оказывается, это т. Вайнберг Абрам Яковлевич, служит в Наркомпросе, исполняет обязанности главным образом по разным инцидентам со служащими Главнауки на местах. Я его никогда не видел и он меня тоже. Он начал разговор со мной с того, что заявил мне о целях своего приезда: «решить вопрос, уволить меня или оставлять на месте». Приехал по жалобе УИК. Оказывается, слухи были справедливы — товарищи решили-таки меня уволить. Я обиделся на его тон и манеру и ответил ему довольно определённо, что увольняют обычно за проступки, а их у меня нет, а не умеют жить, может быть, другие со мной как научным работником, то пусть он разберёт моё дело.

Тогда он мне дал переписку, присланную УИКом в Наркомпрос, на 16 листах. Три были основные пункта обвинения:

1. не отдал агропункту Никитский сад,
2. взял в завхозы не Архипова, а Дарьина, и
3. не дал участок под плантации лекарственных растений.

Пока я читал переписку, Вайнберг поехал по моему совету в Никитский. Затем в 1 ч. дня было назначено заседание президиума, куда надлежало явиться мне. Явился я, приехал Вайнберг, пока-то собрались другие. Вайнберг до тех пор со мной беседовал и мне стало ясно, что моё дело в шляпе. Там он застал в саду коров, их доила баба и на его вопрос, давно ли они их пасут, ответила, не отрывая рук от вымени, «постоянно».

Агроному Чистову, бывшему тут, он заметил, что по его понятиям, этого не следовало делать. Тот оправдывался и высказал такую сентенцию: «Это полезно: 1) коровы удобряют сад, 2) почёсываясь, соскабливают лишайники с деревьев...» Тот его утешил, сказав, что эти способы [?] просмеёт и «Крокодил». А дальше, как материал для того же «Крокодила», он прочитал из бумаги УИКа, что на плантации, как лекарственное растение, предполагалось разводить «рейнвейн»... Несколько раз смаковал он это и разъяснял товарищам, что рейнвейн — вино, а может быть, они хотели сказать «ревень». Наконец, собрался кворум. Ещё поругали меня, потом дали мне говорить, и я высказал всё, что наболело на душе. Сначала по пунктам обвинения, затем вообще об условиях моей работы здесь за последние годы после передачи владений Музею, о моём юбилее и подлости, устроенной Упросом. Сравнивал своё положение с доктором Штокманом и в заключение сказал, что действительно, быть может, лучше быть уволенным, чем служить при таких обстоятельствах.

Вайнберг, выслушавший всех, сказал, что увольнять меня не за что, так как не указано ни одного преступления, а есть лишь некоторая негибкость с моей стороны, но есть и вина со стороны товарищей, не ценящих меня как спеца, устроившего Музей и прочее. Одним словом, конфуз получился изрядный. В заключение предложил взаимно идти рука об руку и помириться, что мы и сделали. Атмосфера разрядилась и наружно установились хорошие отношения.

Они ещё больше окрепли от следующего предпринятого мною шага. Ещё давно, в продолжении годов трёх я рассказывал товарищам при посещении Музея, что в Ленинском его уголке мечтаю поместить большую картину «Ленин в Горках у А. Ганшина». Нужно сказать, что в этом уголке мною поставлен бюст и барельеф. Картина же была бы прекрасным дополнением.¹ С этой целью я обратился к одному молодому художнику, но он дал неудовлетворительный эскиз, а когда на лето приехал Д. Н. Кардовский, я предложил ему. Он согласился на приемлемых для музея условиях.

УКОМ в лице т. Конторина Д. А. охотно пошёл навстречу моим начинаниям, дал мне 40 р. денег, подводу; я взял Кардовского и фотографа В. И. Маркелова и поехали в усадьбу Горки (7/VII). Там, нужно сказать, я был осенью предшествовавшего года, в доме проживал сын владельца Ганшин, парк был в полной сохранности. Приехав туда, мы нашли другую

¹См. мою заметку в газете «Призыв», 1926, № 197.

картину. Дом как-то осунулся. В нём жил крестьянин. От парка — жалкие остатки: оказывается, Берендеевский ВИК разрешил вырубать его. Любопытно, что зимой жил, как оказывается, другой крестьянин. Он два раза попался в изготовлении самогона, который варил в этом историческом доме. На закопчённой изразцовой печке в комнате, соседней с той, где тайно печаталась книга Ленина «Что такое друзья народа», пальцем было начертано слово из трёх букв... Художник сделал несколько нужных ему зарисовок, а с фотографом ходил по различным углам и сделал несколько снимков, — кроме того, я расспрашивал бывшего учителя [?] с. Петрищево об А. А. Ганшине и Ленине.

Из его слов и сына первого выходило, что Владимир Ильич бывал здесь в революцию. Слухи об этом были, но достоверно никто не знал. Всё только слухи. Выходило, что надо бы было съездить в Бельково к владельцу усадьбы Алексею Александровичу Ганшину. Я и поехал прямо из Горок, не заезжая в Переславль. На фабрике «Свобода» он состоит техническим директором. В его физиономии, седой и достаточно старой (род. 1869 г.), есть что-то еврейское. Принял меня хорошо, но страшно [?]. Разговаривать пришлось мне. На мой вопрос о Ленине он дал определённый ответ: был два-три раза в Горках в 1894 г., а в революцию только собирался, но приехать не удалось. Дал мне две редкие фотографии и № 14 «Пролетарской революции». Одобрил проект картины: Ленин и он в парке у любимой скамеечки. Теперь всё было выверено и всё налажено, стало возможно писать. Д. Н. Кардовский, получив от меня все эти данные, принялся за работу. Картина исполнялась на фанере в два тона.

А в семье в это время у меня было нехорошо. Ещё весной захворала у меня в Москве Соня. После ангины у неё оказался ревматизм в суставах, повторный уже, так как она болела им в детстве. Затем летом у Севы тоже была лёгкая ангина, затем он сходил в Саморово фотографировать в церкви — что-то [?] себе ногу, — потом у него опухли железы, а затем пошёл ревматизм, как и у Сони. Он поправился скорее. Оба лечились укусами пчёл, особенно Сева, и он чувствовал сразу большое облегчение от этого лечения. У обоих моих ребяток неважное сердце...

Летом, как обычно, июнь-июль самые оживлённые у меня месяцы. Комната для приезжающих бывает почти всегда занята любопытными гостями. Приезжал из Музейного отдела Александр Иванович Анисимов, специалист по иконам. Его приезд был для музея очень полезен; в реставрационной он поставил работу в настоящие рамки. Затем был из ВХУТЕМАС профессор Н. Н. Соболев. Потом гостил несколько дней Сергей Владимирович Бахрушин, историк-бытовик. На Ботик приехал профессор Ласточкин с семьёй и ассистенткой Кордэ, а потом сюда же профессор Владимир Феликсович Пиотровский — географ. К нему приезжало немало членов Географического Института, из них был довольно долго художник Матвей Алексеевич Долгов, брат геолога. Кстати, отмечу приезд иностранцев. На своём автомобиле приезжали члены финляндского посольства, пробыли в Музее часа полтора, уехали. А затем с письмом от Н. И. Троцкой был довольно долго немец [?] из Берлина для изучения захолустной России. Присматривался, шельма, пристально. Чего бы не набухвостил потом...

Я был на раскопках, когда он приехал. По примеру прошлого года мне выдан был открытый лист, и я воспользовался свободным временем, взяв с собой Петю Панова, отправился в Киучер. Там на старом месте в «Грачках» начал дело, а затем в другом соседнем урочище «Бутриха». Последнее основательно разрыто до меня П. Е. Самсоновым и осталось мало целых курганов. «Грачковские» курганы куда интереснее по находкам: там, кроме железных топоров, горшков и браслет, найдены два дорогих наплечных знака, под которыми сохранились вместе с [?] часть одежды у одного меховой, у другого — лыковой. Через некоторое время посетил неолитические стоянки на реке Вёксе и озере Сомине. На первой подобрал черепки и орудия в воде прямо на дне реки. А на Соминском сделал разведку, причём у речки Бароновской среди черепков всякого типа нашёл каменноугольную обожжённую из глины ложку. На р. Трубеже, в самом Переславле, на так называемой «Большой Песочнице» снова ребята ловили мне черепки с ямочным орнаментом, кости и прочее. Но большой работы в этом направлении не предпринимал.

В августе было два торжественных открытия: одно на Ботике (12/VIII) географической станции 5 МГУ, второе — Ленинского уголка в Музее (29/VIII). На то и другое я приглашал

УКОМ и УИК; и тут и там от того и другого представители были и всё прошло с большим успехом.

Погода была хорошая, на Ботик собралось много народа. Я открыл собрание. Затем говорил Пиотровский о задачах станции, а особенно хорошо говорил Ласточкин. Все были довольны.

С особой помпой открывали Ленинский уголок. Главным центром его была написанная Д. Н. Кардовским картина: «Ленин в Переславских горках в 1894 г.». Написана она в два тона. Сработана необычайно быстро, недели в три. И вышло очень эффектно. Кроме того, составлена была мною из фотографий витрина деревни и усадьбы Горки, куда вошли снимки прежние, полученные от Ганшиных, и новые. Председательствовал секретарь УКОМА Д. А. Конторин, были представители УИКа, из д. Боброва и другие. Народу очень много. Я говорил о ясно и точно установленном факте из жизни В. И. Ленина, до сего времени неизвестном, и о значении этого события для нас. Была музыка, после всего — чай с никитскими яблоками и печением для «смычки» с товарищами. В тот же день в газете «Призыв» (в № 197) была напечатана моя статейка о пребывании Ленина в здешних Горках, а на другой день в той же газете помещён снимок с нашей картины. Заместитель председателя [?] Иван Яковлевич Рыбаков прислал своё приветствие мне и музею по поводу торжества. Это было хорошо: улучшились отношения с теми элементами, которые не вполне примирились с моей работой и положением. Один из остряков, указывая на картину, наедине сказал мне: «С этим чудотворным образом теперь Вам нечего бояться»...

В августе и сентябре со мною работала партия Центральной торфяной станции Наркомзема по обследованию Переславских болот, расположенных главным образом в заозёрье и на Севере. Оказывается, Москве понадобилась вторая Шатура и решено было обследовать болота в 3 местах: у нас, в Тверской губернии Осташковское и в Иваново-Вознесенской губернии. Шла конкуренция, но дело замерло, ибо конкурентом явился дешёвый тульский уголь, которому отдано предпочтение. В ближайшее время нечего думать об эксплуатации этих втуне лежащих богатств, но на всякий случай нашим хозяевам не мешает записать, что у них имеется до 3 миллиардов торфяного топлива. Авось когда-нибудь пригодится. С членами партии пришлось перезнакомиться: они сами побывали в Музее, и с тех пор завязаны с нами отношения, очень полезные для нас. Впоследствии они дали Музею составленную ими карту болот и обещали прислать к ней свой отчёт с подробными расчётами.

Октябрь почти весь прошёл в командировках. Прежде всего (5—12/X) побывал в Москве и Владимире, где работал в Губархиве по истории революции в нашем крае, затем проехал в Суздаль за грушами, черносливом, ягодными кустами, вишнями и прочим. Привёз их к себе перед самыми заморозками и великолепно прикопал на зиму, а вскоре уехал в Ленинград, в Центральное Бюро Краеведения на очередное дежурство (с 20/X по 14/XI) по вызову ЦБК. Приятно было пожить там после долгого перерыва. Остановился в Доме учёных, в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича. Прекрасная обстановка, чудный вид на Неву. ЦБК — в другом дворце на той же набережной — в Мраморном. Там поразил меня кабинет академика Н. Я. Марра, представлявший собой громадный зал, обитый по стенам красным штофом со множеством [?] и большими зеркалами. Всё было необычно, ново.

В ЦБК, откровенно говоря, я мало делал. Собирал материал для указателя краеведной литературы: программ, инструкций и прочего, что мною было начато ранее вместе с Василием Ивановичем, моим братом, и Н. А. Королевым. Бывал на разных заседаниях и прочем.

Но главное, делал свои разные дела. Основным моим делом было выбрать в государственном художественном фонде (дворец Николая Михайловича, д. № 18) материал для Петровской комнаты музея. Это мне удалось. Я отобрал: превосходные гравюры петровских судов, крашенные чудные гравюры [?], портрет Петра I, бюсты и прочее. Хуже было дело в Морском Музее. Заведующий им моряк-коммунист отнёсся ко мне холодно, официально. Был в Русском музее с целью отбора картин для пополнения музейной галереи. Пётр Иванович Нерадовский [?], заведующий художественным отделом, показал мне те картины, которые он назначил. Все были очень хороши. И через несколько месяцев после этого и то и другое, всё это поступило в Музей: Бенуа — [?], Юон — «Переправа через Оку»; Коровин — «Весна в деревне»; Петровичева — «Осенний пейзаж» и другие.

Несколько дней работал в Археографической Комиссии при Академии Наук по части изыскания материалов по истории нашего родного края. И оказалось здесь много актов Фёдоровского монастыря, ещё не разобранных. Работал в Публичной библиотеке по истории революции. В отделе иностранной литературы по вечерам можно было сидеть до 10 ч. вечера и читать русские книги. Посещал без конца ленинградские музеи. Особенно сильное впечатление произвели на меня дворцы, обращённые в музеи: Зимний, Эрмитаж, Аничков. В последнем можно было от души потешаться музеем Александра III. Такого бессистемного сумбура выдумать трудно: смесь французского с нижегородским на каждом шагу, — прекрасные заграничные вещи и рядом кустарные русские игрушки и так далее. Осмотрел академические музеи — зоологический, антропологический и географический, и, откровенно говоря, переутомился и был подавлен колоссальными размерами и материалами.

Мы со своими захолустными музеями как мухи перед слонами. Там есть чему учиться, там есть высшее знание и средства, а мы не имеем ни того, ни другого, но зато любим свой край и заначаливаем как можем. И у нас ведь всё-таки что-то выходит... Но об этом речь ниже. А мне хочется отметить из ленинградских впечатлений празднование 9-й годовщины Октябрьской революции.

В белом зале Мраморного дворца было накануне собрание месткома. Меня поразило полное отсутствие учёных и обилие технических. Говорили два коммуниста, оба еле грамотные. Первый пёр такой высокопарщиной, что прямо было смешно: «революция как огненный дуб покрыла своими ветвями страну», «наше строительство — гора, у подножья которой копаются червяки, неспособные дать надлежащую оценку»... Технический служащий, пояснивший первого, был прямо великолепен своей безграмотностью. Если это было в другом месте, я бы этого отмечать не стал. Но тут — это было диссонансом.

Наутро тысячные толпы демонстрантов со знамёнами шли по Невскому и площади Урицкого. Я сел в трамвай и доехал до Александро-Невской лавры. Вся дорога была занята процессией демонстрантов: тысячи тысяч. Зашёл в собор. Там много народа, есть молодёжь и даже в военных шинелях. Отсюда проехал по другому пути, и когда шёл по Миллионной, то был поражён, как [?], утомлённые шествием, пели: «сошьём Дуне, сошьём Дуне сарафан, сарафан». Это перед самым Марсовым полем, где погребены жертвы революции.

Столовался это время сначала в Образцовой столовой на Невском, но там было всё мясное и я было захворал от [?] и перебрался на Садовую в вегетарианскую столовую, бывшую Толстовскую. Здесь пришлось по вкусу. Частенько затаскивал к себе на обед Даниил Осипович Святский, я покупал к этому выпивочки и так-то мы хорошо с ним обычно беседовали.

В Ленинград я привёз с собой написанную мною статью: «Краеведная беллетристика», в которой разделал под орех писателя-краеведа Пришвина по случаю выпуска в свет его книги «Родники Берендея». Ставил ему в вину довольно резко вольное и невольное искажение и извращение, оказавшиеся там. Протестовал против его творчества и настаивал на том, что он не краевед, — беллетрист невысокой марки. Мои друзья Д. О. Святский и Александр Андреевич Спицын мне отсоветовали печатать её. Поразил меня А. А. своим пронизательным взглядом на Пришвина. Он сразу понял его как хищника и холодно ответил на заискивания. Свою работу я отдал Николаю Павловичу Анциферову, и он положил её в основу своей статьи «Беллетристы-краеведы», где очень тонко и мастерски доказал Пришвину, что он не «краевед», а брехун.

Из дому я получил неприятное письмо, назначена ревизия по учёту госфондового имущества, что в сущности началось ещё раньше, до моей командировки в Ленинград. Под этим неприятным чувством я поспешил выехать отсюда раньше (вместо 20 числа 14/X).

В Москве, покупая газету в первом киоске, заглянул в «Красную Ниву» и нашёл (в № 47) напечатанную мою статью с иллюстрациями «Ленин в Переславских Горках».

Дома вместо ревизоров ко мне в Музей пожаловал [?] всей губернии — ответственный секретарь губкома с женой Верой Владимировной и заместителем председателя ГИКа Михаилом Ивановичем Гусевым. Так как в Музее телефона не было, то извещение об этом дано было самым товарищеским «способом». Из соседней больницы прибежала сиделка с запиской, в которой было написано фельдшерницей, что по телефону приказано было мне явиться в УИК к секретарю к 12 ч. дня.

Я только что утром приехал, а это было в начале 12-го, попросил С. С. Геммельмана сходить туда. А днём страшная грязь, шёл снег и дождь. Пройти три версты туда и обратно — история не из приятных. Секретарь УИКа Романов сообщил С. С. Геммельману, что дня через два или через три приедет к нам в Музей т. Асаткин. Такое «товарищеское» начало не обещало ничего хорошего. Чего бы не прислать записку с рассыльным или же прямо известить по телефону. Нет, нужно было показать своё ослиное копыто.

Не видя ни разу Асаткина, я знал о нём только одно, что это необычайно властный человек, пред волей которого склоняется целая губерния, я ожидал встретить товарища-командира и своего рода советского губернатора со всеми его претензиями. Смотрим, выезжает в усадьбу Музея их местная коляска, в дышле пара вороных, на козлах фабричный кучер, нарядно одетый. В коляске на заднем сиденье [?] в пенсне товарищ в серой папахе и дохе, впереди маленького роста другой товарищ. Входят, здороваются, регистрируются в книге посетителей. Вижу по записи, то самое начальство, о котором меня предупреждали таким милым способом.

В Музее вели беседу о разных вещах. Мой посетитель, оказывается, интеллигентный человек, во многом знает толк, любит историю и через какие-нибудь полчаса я почувствовал сродство душ. Он много расспрашивал меня о моих краеведных работах, о моих помощниках-членах Пезанпроба, встретил в Музее в момент приезда Варенцова, интересовался им.

Вера Владимировна во время осмотра Музея расточала мне множество похвал и вела себя шаловливо, очень хотела нарядить своих спутников в треуголку камергера.

К концу осмотра создалось хорошее взаимное настроение и доверие. Музей им понравился, и нами, музейными работниками, они остались довольны. Т. Асаткин попросил меня поехать с ним на Ботик, причём проявил необычайную изысканность и любезность: посадил меня на заднем сиденье с Верой Владимировной, а сам сел на передней скамейке...

Ботик и озеро, посещённые им в первый раз, очень понравились. Мы много оживлённо говорили и, прощаясь, т. Асаткин сказал мне, что он ещё раз побывает у меня. И действительно, через день (17 и 19/XI) без всякого предупреждения приехал вечером вдвоём с женой. Было темно, ворота заперты и злая сторожиха не пустила без моего разрешения. Вера Владимировна посердилась за это, а он не подал виду. Пробыл около 2-х часов и вёл беседу исключительно по краеведческому делу. Приглашал меня и других переславцев работать в губернском масштабе с переездом во Владимир. Мне предлагал должность учёного секретаря КИИСа, с любым окладом, квартирой и приёмом Севы в техникум. Он говорил, что у них нет организатора, нужен таковой. Это просьба. Я поблагодарил за честь и отказался за себя, а о других обещал написать.

Вместе с тем, он выпрашивал меня о том, какие работы, написанные нами, не могут быть напечатанными по недостатку средств. Я назвал ему целый список своих и местных краеведов. Обещал дать денег. Когда в разговоре узнал, что я напечатал первый вариант указателя документов нашего края, то предложил мне составить то же по всей губернии. Я указал ему на трудность и сложность этого дела, но, в конце концов, согласился.

Прощаясь, он пожелал мне дальнейшей плодотворной работы. А я ему ответил на это: «Не велите мешать». И рассказал ему о проделках Н. Малицкого, стремившегося выгнать меня из Переславля. Асаткин успокоил меня: «Я скажу, чтобы Вам не мешали»... После этого почти тотчас же Романов был убран и отношение ко мне во всех местах изменилось чудодейственно. Все стали милы и любезны. Асаткин меня нахвалил там самым хорошим и сказал при всех: «Если бы мне во Владимир найти, если не Смирнова, то хоть последователя Смирнова...»

Правду говорил мой знакомый: чудотворный образ ведь помог таки.

После этого о ревизии как-то само собой все забыли. И мне в начале декабря пришлось ехать по предложению УКОМа к Алексею Александровичу Ганшину с предложением т. Асаткина перейти на службу... директором во Владимир. Доехал до ст. Бельково, а там пешком. Обратный путь ушёл ночью, заплутался, набрался страхов. Шёл снег, и я мог простудиться. Из предложения ничего не вышло: Ганшин отказался.

Во Владимире я поработал несколько дней в архиве по истории революции, т. Асаткина не видел, а встретил Веру Владимировну, которая после моего отъезда заходила в Музей за мной. В архиве встретил [?] Маслицкого, которого нарочно позлил, рассказав ему

некоторые из предложений Асаткина. Для него, всем твердившего во Владимире по моему адресу: «Его дни сочтены», это было [новостью].

С 11 по 16 декабря происходил Музейный областной съезд в Ярославле. Я выступал с докладом на тему: «Роль архивных материалов в музейном деле». Было страшно неудобно: ночевали в одном месте, чай пили в другом, обедали в третьем. От этого я потом простудился. Неразбериха и бестолковщина были большие. Я не стерпел и Никола Григорьевича Первухина, завгубмузея, назвал Ненилой...

Героем съезда был Владимирский завгубмузея Фёдор Яковлевич Селезнёв, любопытный тип. По происхождению раскольник, вначале начётчик, потом перешёл в православие, окончил церковно-приходскую второклассную школу и был учителем. Отсюда попал в учительский институт и преподавал в Нижнем Новгороде в городской школе. Когда здесь открылось отделение Московского археологического института, то прошёл и эту премудрость. Перебрался в Муром и давай там копать знаменитую Волосовскую стоянку, а потом и другие места. Ясно, что стал коммунистом и назначен во Владимир вместо зазнавшегося Иванова. Прославил себя потом тем, что напечатал во владимирской газете «Призыв» хулиганскую заметку о Дмитровском соборе, затем о мощах. Последние, по его учёным соображениям, сушили в печках при Петре I... Его выступление заключало в себе: а) оскорбление по адресу музейных работников, якобы не понимающих советского строительства, и б) изложение методов музейной работы, сводящихся к антирелигиозной пропаганде. Форма — ничто, главное — содержание, а это содержание неизбежно у него антирелигиозное.

Этот выпад был настолько дик, что президиум не разрешил никаких прений по нему и забракеровал его полностью. На другой уже потом день московский заведующий губмузеем Иван Григорьевич Клабуновский, коммунист, дал ему разумную отповедь.

Отсюда из Ярославля я должен был поехать в Кострому к своему брату Василию Ивановичу, который захворал и лежал в то время в больнице. У него было малокровие и переутомление. Музейный отдел в нём принял участие и выхлопотал потом ему место в санатории в Крыму, летом, во время землетрясения.

Новый год встретил в постели.¹

¹Кто из братьев встретил Новый год в постели, неясно. — *Ред.*

Предметный указатель

- агропункт 41
 Александров город 22
 Александровский уезд 27
 Алексеевская пустынь 42
 Алферьево село 45
 Америка 49
 Аниково деревня 49
 Аничков дворец 65
 Антоновка деревня 33
 Ардатов город 19, 20
 Ардатовский уезд 18, 19
 Археографическая комиссия 65
 архивная комиссия
 Владимирская 16, 19
 Нижегородская 17
 Рязанская 15
 Бароновская река 45, 63
 беженцы 20
 Бектышево село 28, 32, 33, 36
 Бельково станция 66
 Бердичев город 15
 Берендеево болото 61
 Берендеево станция 49, 61
 Берендеевская пустынь 42
 Бибиковский бульвар 15
 библиотека
 музея 24, 30, 32, 34
 общественная 24
 ОНО 24
 Публичная 15
 Боброво деревня 64
 Большая Брембола село . 6, 11–14, 16, 18,
 21, 35
 Большая Песочница 63
 Большие Вески село 61
 Ботик усадьба . 30, 34, 37, 44, 46, 48, 55,
 58, 63, 64, 66
 Будовское село 49, 60
 Бураки урочище 61
 бурение соли 32
 Бутриха урочище 63
 Вёкса река 31, 44, 48, 63
 Варницы урочище 32
 Василисино село 61
 Ведомша село 35
 Вечеслово деревня 60
 винный склад 16
 Вифанская семинария 9, 13
 Вишняково деревня 35
 Владимир город 15–17, 22, 25, 26, 30, 31,
 41, 43, 44, 47, 49, 50, 55, 64, 66,
 67
 Владимирская архивная комиссия . 16, 19
 Владимирская губерния 15
 Владимирская учёная комиссия 16
 Владимирский губ. исполком . 26, 42, 50,
 55, 56
 водка 9
 Вознесенская улица 21
 Володарского улица 41
 Вольнь 21
 Воронцово село 33
 Воскресенская пустынь 42
 Временное правительство 20
 Всероссийская выставка 13, 43
 ВХУТЕМАС 50
 Выскунский завод 20
 Гагаринские Новосёлки село 22, 29
 Германия 20
 Главмузей 34, 36–44
 Главнаука 37, 39, 51, 55, 61
 Главрезина 36
 Глебовский волостной исполком 25
 «Голос раб. и кр. депутатов» газета ... 21
 Горицкий монастырь 22, 27, 35, 37, 42, 50
 сад 60
 Горки усадьба 62, 64
 Городища деревня 48
 Городище урочище 49
 Грачки урочище 48, 63
 Григорово деревня 45
 Гродненская губерния 20
 Губархив 31, 64
 Губмузей 31, 37, 39, 40
 ГубОНО 40
 Губплан 44, 50
 Давыдово село 8

- Давыдовское село 12
 Данилов монастырь. 7, 26, 30, 34, 35, 37, 41, 42, 48, 50, 56
 Данилово деревня 56
 Даратники село 60
 Дмитров город 55
 Добрилово село 33
 дом Корнева 21
 дом настоятеля 34
 дом Павлова 22, 25
 дом Шилля 22, 25–27, 30
 Дубна река 29
 Дубровицы село 33, 34
 Жидо-Ставы село 14
 Заболотье село 29, 35
 Загорье село 28
 Загорьевская волость 28
 Заозёрище 48
 Зимний дворец 65
 Иваново-Вознесенск город 51, 55
 Иваново-Вознесенская губерния 64
 Игобла река 32
 икона
 Преображение 44, 56
 Царь царей 56
 Исторический музей 33
 Кагарлык село 13
 Казанская железная дорога 19
 Каменка река 61
 каменная баба берендеевская 61
 Канев город 13
 Киев город 13–15
 Киевское акцизное управление 13, 14
 Кижилы деревня 35
 Киучер деревня 33, 48, 63
 Козья горка 32
 Коллегия по делам музеев 22, 25, 27, 28, 30, 31
 Коллегия по охране памятников 27
 комитет научных библиотек 34
 коммуна
 «Молот» 29
 «Новая жизнь» 29
 конференция московская 39
 Копнино село 6
 курсунский крест 43
 Кострома город 47, 48, 51, 55, 58, 67
 краеведный гимн 47
 Красное село 12
 Кремль 21
 Кубрь река 45, 47, 48
 Кулебанский завод 20
 курганы 33, 63
 Куриха село 19
 курсы учителей 22
 Ленинград город 51, 55, 58, 64, 65
 Личадеево село 18–21
 Лыченцы село 45
 манёвры 39
 Марсово поле 65
 межевые книги 19
 метеорологическая станция 30, 33
 Мечка река 45
 Миллионная улица 65
 Министерство Внутренних Дел 17
 Миргородский полк 14
 Михалёво село 47, 60
 монастырь
 Горицкий 22, 27, 35, 37, 42, 50
 сад 60
 Данилов 7, 26, 30, 34, 35, 37, 41, 42, 48, 50, 56
 Никитский . 6, 30, 37, 41, 42, 50, 61, 62
 Никольский 30, 37, 41, 44, 60
 Сольбинский 26, 29
 Фёдоровский .. 26, 37, 41, 42, 44, 49, 65
 Морской музей 64
 Москва город . . . 16, 21, 25–27, 29, 32–34, 39, 49, 51, 55, 59, 64, 65
 Московская губерния 36
 Московская духовная академия 12
 Московский Археологич. институт . . . 17
 Московский архив Минюста 16, 19
 Мраморный дворец 65
 музей
 архив 34
 архитектурный отдел 34
 библиотека 22, 24, 30, 32, 34
 иконографический отдел 34
 картинная галерея 30, 34
 ленинский уголок 63, 64
 организация 22
 оружейный отдел 34
 петровская комната 64
 родиноведения отдел 30
 художественно-бытовой отдел . . . 30
 церковных древностей отдел 43
 Муром город 67
 Мухтолово станция 19
 Мыза деревня 18
 Нагорский исполком 28
 Нагорье село 26
 Нагорьевская волость 28
 Наркомвнудел 43
 Наркомзем 36, 43

- Наркомпрос 33, 43
 Народный дом 32
 Насакино село 11
 начальник милиции 21
 Невский проспект 65
 Немеринцы село 15
 Нерехта город 51, 55
 Нерль река 47
 Нижегородская архивная комиссия 17
 Нижний Новгород город 13, 15–18, 67
 Никитский монастырь .. 6, 30, 37, 41, 42,
 50, 61, 62
 Никольский монастырь 30, 37, 41, 44, 60
 Никуленка село 33
 Новое село 47
 Общество
 благоустройства 18
 любителей естествознания 32, 34
 любителей истории 32
 Нестора-летописца 14
 Ока река 18
 Октябрьская революция 21
 Осипова пустынь 35
 Охотино деревня 33
 Пезанпроб .. 22, 40, 41, 46–49, 51, 52, 55,
 57–59, 66
 Первая мировая война 18
 «Переславец» газета 21
 Переславль-Залесский исполком 22,
 25–27, 30, 31, 34–40, 42–44, 49,
 55, 56, 59, 62
 Переславль-Залесский край 19
 Переславль-Залесский Совет 21, 22
 Переславль-Залесский УПрос. 49, 55, 56,
 62
 переславские воеводы 19
 переславские губные старосты 19
 Переславский уезд 27
 Переславское духовное училище 6
 Перцево деревня 49
 Петрушево деревня 53
 писцовые книги 19
 Плещеево озеро 32, 48, 66
 Плотихино село 21, 29, 35
 Поворово деревня 33
 Половецкое деревня 48
 Полтава город 14
 Польцо урочище 44
 Преображенский собор 13
 Публичная библиотека 15
 пустынь
 Алексеевская 42
 Берендеевская 42
 Воскресенская 42
 Осипова 35
 Пышма река 33
 Ржищев город 14
 Рогозинино село 45
 Рождествено село 33
 Ростов город 38, 49, 51, 55, 60
 Румянцевский музей 25, 26
 Русский музей 64
 Рязанская архивная комиссия 15
 Рязанцево станция 34, 49
 Рязань город 44
 Садовая улица 65
 Саморово деревня 63
 Санкт-Петербург город 15, 18, 29
 Сарское озеро 19
 Святово село 45
 «Святые отцы» усадьба 33
 Северная железная дорога 28
 Семендяйка село 22, 25, 26, 30
 Сергиев Посад город ... 16, 51, 55, 58, 59
 серебряная рака Даниила 38
 «Симеон» камень 60
 Скоблево село 60
 Славитино село 49
 Смоленское село 8
 смолоочистительная машина 16
 совет лесничих 22
 Советская улица 7
 совещание краеведное 47
 Сольба река 28
 Сольбинский монастырь 26, 29
 Сомино озеро 45, 48, 63
 Сормово город 18
 «Союз учащихся» 21
 Спасное село 33
 Станицы деревня 53
 стоянка неолитическая 44, 45, 48
 Стульвая гора 48
 Суздаль город 64
 съезд
 владимирский 30
 московский 39
 ростовский 38
 язанский 44, 45
 учителей 35
 Талдом город 57
 Тверская губерния 64
 Трѣхселище село 29, 36
 Троицкие ворота 42
 Троицкое село 45
 Трубеж река 61, 63
 Туколенки деревня 45
 удельное ведомство 18
 УОНО 31, 33, 40, 41, 49

Урицкого площадь	65	Преображенский собор	13
Усолье село	31	Тихвинская	41
Фёдоровский монастырь... 26, 37, 41, 42, 44, 49, 65		Чернецкое село	61
фотографирование	48	Чернуха река	61
Хмельники деревня	48	Шадринск город	58
Хребтовская волость	36	Шапошницы село	45
Центральная торфяная станция	64	Шепелево село	35
Центральное Бюро Краеведения	39, 49–51, 56, 58, 59, 64	школа № 3	27, 30
Центрархив	37	Шуста река	45
церковные ценности	37	Эрмитаж	65
церковь		юбилей М. И. Смирнова	51–55
Басмановская	33	юные натуралисты	46, 47
князя Андрея	37	Юрьевская дорога	7
Никольская	42	Японская война	15
Новый собор	34	Ярославль город	51, 55, 67
Похвалы Богородицы	34, 41		

Именной указатель

- Аванесов Р. И. 45
 Аксаков И. С. 11
 Аксаков К. С. 11
 Александрова-Дольник Т. Н. 36
 Алелеков А. Н. 17
 Альбицкая М. П. 48
 Альбицкий Г. П. 27–29
 Амагов П. Н. 12
 Анисимов А. И. 44, 63
 Антоний архимандрит 13
 Анциферов Н. П. 65
 Архипов ? ? 61, 62
 Асаткин А. Н. 66
 Асаткина В. В. 66
 Афонский А. 10

 Бахрушин С. В. 59, 63
 Бектышев 49
 Берсенева И. Н. 44
 Бирюков В. П. 58
 Богданов В. В. 34, 35, 49
 Богословский М. М. 59
 Богранов В. В. 52
 Борзов А. А. 34
 Борисов П. Г. 37
 Бурылин ? ? 38
 Быков И. В. 8, 24

 Вайнберг А. Я. 62
 Варенцов В. А. 66
 Виноградов И. 41
 Виладарский Н. Т. 14
 Владыкин М. А. 44
 Волков Е. Н. 28
 Волконский М. 19

 Гагарина Н. В. 29
 Ганшин А. А. 62, 63, 66
 Геммельман С. С. 46, 47, 51, 54, 57,
 59–62, 66
 Георгиевский Н. М. 36
 Гиацинтова С. В. 44
 Гливенко И. И. 39
 Глоссон А. Н. 18
 Головачёв Е. Н. 14
 Гольберштейн Г. 32

 Гольмберг А. А. 31
 Городцов В. А. 17, 33
 Григорьев С. П. 49
 Гусев М. И. 65

 Дамиан епископ 35, 41
 Даниил Переславский 16
 Дарьин Н. П. 61, 62
 Дейнега ? ? 37
 Дервич В. ? 51
 Дилигенский А. А. 8
 Добронравов В. Г. 30
 Долгов М. А. 63
 Дорогутин Н. А. 49
 Драницын Н. И. 17
 Дюбюк А. Ф. 51, 55, 59

 Екатерина II царица 22
 Елов ? ? 16
 Елховский В. Е. 27, 29, 32, 35, 36, 42,
 43, 48, 51, 55, 59
 Ермолаев А. С. 22, 25
 Ефимов ? ? 51, 55, 61

 Жданов И. А. 51, 58, 59
 Журавлёв Г. Л. 25
 Журавлёв Л. А. 25
 Журавлёва Е. Г. 25

 Загорская А. И. 8
 Загорский Е. В. 8
 Загорский М. В. 6, 7, 9
 Заплатин А. С. 18
 Змеев Н. С. 61
 Золотарёв А. А. 58
 Золотарёв Д. А. 58

 Иванов А. И. 30, 40, 41, 50
 Иванов В. А. 52
 Иванов Г. В. 48
 Игнатъев П. Н. 15
 Иконников В. И. 15, 16
 Ильинский П. В. 11

 Казанин М. Я. 14
 Кардовская О. Л. 21, 28, 30, 32

- Кардовский Д. Н. . . . 21, 28, 34, 35, 62–64
 Карташевская ?.?. . . . 55
 Карташевский Г. А. . . . 25, 31, 33, 35, 61
 Кашин В. С. 34
 Клабуновский И. Г. 67
 Клычков С. А. 57
 Ключевский В. О. 17
 Конторин Д. А. 62, 64
 Кордунский Ш. 15
 Кордэ Н. В. 48, 63
 Коржавин А. 13
 Коровин К. А. 33
 Королёв Н. А. 47, 51, 64
 Кравец ?.?. . . . 37
 Кузнецов И. Н. 21
 Купреянов С. 13
 Курчевский Л. В. 37
- Лазаревский С. В. 17
 Ласточкин Д. А. 37, 48, 51, 63, 64
 Лебедев И. А. 10
 Лебедева М. П. 33
 Левинсон Р. Б. 29
 Левицкий П. 13
 Ленин В. И. 63, 64
 Либов ?.?. . . . 15
 Лохтин М. М. 15
 Лядов П. С. 49
 Ляпунова ?.?. . . . 21
- Магер-Паули В. В. 27, 28
 Макаров Я. 6
 Малицкий Н. 50, 66
 Маркелов В. И. 33, 62
 Марков И. Н. 21
 Марр Н. Я. 58, 64
 Машистов ?.?. . . . 16
 Машкевич Е. О. 43
 Машковцев Н. Г. 25, 38
 Мещерская С. А. 14, 49
 Мещерский В. П. 14, 15
 Мичурин И. Я. 60
 Мордвинова В. Н. 58
- Нарышкин А. В. 28
 Нарышкины 49
 Некрасов М. А. 13
 Нерадовский П. И. 64
 Никола Можайский 29
 Николаев М. И. 53
 Николай II царь 20, 28
 Никольский К. 47
 Новожилов П. 13
- Ольденбург С. Ф. 51, 58
 Ончуков Н. Е. 58
 Орлова Д. А. 7, 9
- Острецов А. И. 34, 51, 59
 Островская Н. И. 26
 Ощипков И. Н. 20
- Пётр I царь 52, 64
 Павлов-Сильванский Н. Н. 52
 Панов П. 61–63
 Парфений архимандрит 13
 Первухин Н. Г. 38, 51, 52, 67
 Петров Ф. Ф. 14
 Петрова М. А. 14
 Пилипенко Е. Н. 14
 Пиотровский В. Ф. 48, 63, 64
 Пиотровский И. О. 16
 Плеськов ?.?. . . . 50, 51, 55, 58, 60
 Повалишины 49
 Покровский Г. М. 48
 Пришвин Л. М. 46, 57
 Пришвин М. М. 46–48, 54, 57, 65
 Прохорова К. Ф. 9
 Пущин И. И. 48
 Пятницкий И. А. 11, 12
- Робустова ?. 49
 Романов ?.?. . . . 61, 66
 Романов Н. И. 26
 Романов П. Я. 39, 40, 43
 Руднев А. Б. 47, 57
 Руднев А. Г. 51
 Рыбаков И. Я. 37, 39, 40, 50, 64
 Рыковский Г. И. 16
- Савельев П. С. 25
 Савич ?.?. . . . 37
 Садовский А. Я. 17, 18
 Сакомов Ю. М. 57
 Самсонов Г. П. 13
 Самсонов П. Е. 28, 63
 Самсоновы 49
 Свешников И. П. 25, 26, 30
 Свирелин А. И. 7, 8
 Святский Д. О. 48, 51, 52, 55, 56, 58, 65
 Себенцова М. М. 36
 Селезнёв Ф. Я. 67
 Семёнов М. 6
 Семёнова ?.?. . . . 56
 Сергеев И. Ф. 9
 Силин Е. И. 36
 Скадовский ?.?. . . . 37
 Смирнов В. И. 7, 38, 46, 47, 51, 58, 64, 67
 Смирнов В. М. 18, 48, 52, 63
 Смирнов М. И. 47
 Смирнов С. И. 6–8, 14, 21, 46
 Смирнова Н. В. 14, 15, 18, 21, 35, 49
 Смирнова С. М. 18, 35, 50, 63
 Снятинский ?.?. . . . 22

Соболев Н. Н.	63	Феррейн В. К.	32
Соколов Б. М.	51, 52, 58	Ферсман А. Е.	58
Соколов В. В.	21, 22	фон Лоде И. Л.	49
Соколов Ю. М.	44, 58	Хандриков М. Ф.	15
Соловьёв К. А.	51, 52	Хахаев ? ?	22
Спиридов М.	48, 56	Хотулёв А. П.	26, 44
Спицын А. А.	48, 52, 58, 65	Цветков М. П.	7, 8
Тальберг ? ?	17	Чаянов А. В.	47
Татарина А. В.	29	Чижов А.	41
Татищева В. В.	29	Чижов С. А.	13
Терентьевы	8	Чириков Г. О.	42, 44
Тихонов ? ?	62	Чистов ? ?	62
Тихонравов К. Н.	11	Шабанов Г.	35
Товарова Т.	6	Шаляпин Ф. И.	33
Тришевский А. Н.	51	Шахновский А. Д.	51
Троицкий В. И.	17, 36, 44	Ширский А. И.	37
Троцкая Н. И.	26, 63	Шишов ? ?	44
Тюлин И. С.	56	Шляхов Г. К.	52
Уваров А. С.	25	Шмычов Ф. Г.	61
Ульянов В. И.	63, 64	Юон К. Ф.	44
Урусов С. Д.	12	Яков архимандрит	11, 12
Успенский А. И.	17	Яковлев А. С.	47, 51, 54
Успенский И. И.	17	Якушин Е. Е.	48
Ушаков Д. А.	38, 51, 52	Янченко Н. И.	44
Фёдоров А.	14	Янчук Н. А.	34
Фадеева А. И.	35		
Феноменов М. Я.	51, 58		
Феоктистов В. А.	34		

Оглавление

От издательства	3
Предисловие	4
1. Как я стал краеведом	6
2. 1924 год	24
3. 1925 год	46
4. 1926 год	57
Предметный указатель	68
Именной указатель	72

